

Нарт Урузмаг:
«старик»
или
«правитель»

Этнология
осетинского
фольклора:
сказка о козах
Кобала

Архитектура
и фрески
Нузальского
храма

Герард-Фридрих
Миллер
о предках
осетин

Наследие
Бимболата
Бтемирова
(продолжение)

ИСТОРИКО- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

Владикавказ

2
2004

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АРХИВ

ИСТОРИОН-
ФИЛОЛОГИОН
АРХИВ

2

Владикавказ 2004 Дзæуджыхъæу

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИОН-ФИЛОЛОГИОН АРХИВ

Учредители:

Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ

Журнал СП РСО-А «Мах дуг»

Редколлегия:

М. М. Блиев (гл. редактор), Р. С. Бзаров,

А. М. Кодзати, Т. К. Салбиев

Историко-филологический архив. 2. – Владикавказ, 2004. – 88 с.: ил.

Ответственный за выпуск Р. С. Бзаров

© Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ, 2004

Авторские права защищены. Полное или частичное воспроизведение публикуемых материалов допускается только с письменного разрешения издателей.

СОДЕРЖАНИЕ

История ментальностей

Ю. А. Дзиццойты. Старость нарта Урузмага 4

Языки культуры

Т. К. Салбиев. Осетинская сказка о Кобала (*Сюжет 122 Z СУС, АТ*) 10

Д. В. Белецкий. Заметки о нузальской церкви 22

Историографический архив

Г.-Ф. Миллер. Скифы. Сарматы. Аланы. Роксоланы. *Публикация М. М. Блиева* . . . 58

Литература свидетельства

Бимболат Бтемиров. «Я потерял свое имя...» 62

Contents 86

Сведения об авторах 87

История ментальностей

Ю. А. Дзицойты

Старость нарта Урузмага

Будучи одним из наиболее ярких героев осетинского эпоса, нарт Урузмаг в большинстве сказаний рисуется дряхлым, немощным стариком, которого то и дело пытаются устранить молодые нарты. Обычный эпитет Урузмага *зæронд* «старый, старик», иногда комбинируется с другими эпитетами: *нарты зæронд*, *нæртон Уорумæг*, «нартов старик, нартовский Урузмаг» [ПНТО 1927: 25], *нарты зæронд лæг*, *нæртон Уырыз-мæг* «нартов старик, нартовский Урузмаг» [Нартæ: 306] и т. п. Жена Урузмага, Сатана, избегая упоминания имени мужа при посторонних, часто именует его *нæ зæронд* «наш старик» [ПНТО 1925: 34; Нартæ 281], а для молодых нартов Урузмаг – это *нæ зæронд гал* «наш старый бык» [ХИФ: 115].

Создается впечатление, что Урузмаг был единственным стариком среди нартов, что и послужило причиной прикрепления к его имени упомянутых эпитетов. Это впечатление усиливается тем, что и в других жанрах осетинского фольклора акцентируется внимание на старости Урузмага. Известна, например, осетинская загадка *Уырымæгыл – фондзыссæдз хæдоны* «На Урузмаге сто рубашек» (отгадка – капуста) [ИАС-II: 445; см. также ОДНИ: 311]. Здесь со всей очевидностью обыгрывается образ тщедушного, хилого старика, нуждающегося в защите от холода. Этот же образ уверенно распознается и в осетинской сказке, обработанной К. Хетагуровым, в которой нарту Урузмагу сшили шубу и шапку из шкуры чудесного зайца [Хетæгкаты 1999: 188]¹.

Мотив старости Урузмага является основной темой двух нартовских сказаний, варианты которых значительно расходятся: это 1) сказание о последнем походе (балце) Урузмага за добычей и 2) сказание о том, как нарты на пиру попытались убить Урузмага. Содержание обоих сказаний хорошо известно из различных изданий Нартовского эпоса, они многократно комментировались в научной литературе, что освобождает нас от необходимости подробного изложения сюжетов. В данной статье нас интересует причина того, почему старость Урузмага (и только этого героя, ибо, как увидим далее, в Нартовском эпосе достаточно много героев-стариков!) стала объектом пристального внимания со стороны нартов.

По мнению Е. М. Мелетинского, презрение к старости и третирование стариков являются чертами матриархального общества. Эта черта налицо у ранних алан, у которых, согласно Аммиану Марцеллину (Римская история, XXXI, 2), «считается счастливым тот,

кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками как выродков и трусов». Т. е. у алан мы находим такое же отношение к старикам, какое демонстрируют молодые нарты по отношению к Урузмагу. Однако мудрость Урузмага помогает ему не только выжить, но и даже снабдить нартов богатой добычей, из чего Е. М. Мелетинский делает свой основной вывод: «Смысл этого сказания, безусловно, заключается в отвечающей патриархальным воззрениям, говоря современным языком, реабилитации “старого нарта”, в коренной переоценке старого обычая, характерного, в конечном счете, для стадии материнского рода» [Мелетинский 1957: 61-62]. В дальнейшем же, по мнению ученого, в осетинском эпосе «сделана попытка не только восстановить в правах “старого нарта” Урузмага, но и превратить его в родового патриарха» [Мелетинский 1957: 62].

Переоценку старого обычая третирования стариков Е. М. Мелетинский усматривает и в сказании, описывающем неудачную попытку нартов убить Урузмага во время пира [Мелетинский 1957: 62].

К близким выводам еще раньше пришли Ж. Дюмезиль [Дюмезиль 1976: 36, 99] и З. Н. Ванев [Ванев 1989: 383, 387]. Однако французский исследователь не ограничился ссылкой на сообщение Аммиана Марцеллина, приводя дополнительные исторические источники. Об аналогичном обычае у скифов сообщают Плиний (Естественная история, IV, 26) и Помпоний Мела (III, 5), согласно информации которых скифы, не желая стареть, по обычаю, бросались в море со скалы, считая это для себя «блаженным видом погребения», «отличными похоронами». По сообщению же Валерия Флакка (Аргонавтика, VI, 122-125), у языгов, ближайших родичей алан, старики заставляли убивать себя мечами своих сыновей. Информацию об убийстве стариков находим и в адыгских версиях Нартовского эпоса, в которых прямо говорится, что «у нартов был обычай – убивать самого старого» [НАГЭ: 195]. Об этом же свидетельствует, как представляется, и наличие в адыгских сказаниях «Горы старости», с вершины которой нарты сбрасывали стариков [НКЭ: 165-170]². Опираясь на эти данные, Ж. Дюмезиль делает вывод о том, что осетинские версии рассматриваемого сказания продолжают «традиции, проистекающие от скифо-сарматской практики “умерщвления стариков”» [Дюмезиль 1976: 171-172; Дюмезиль 1990: 199-204].

¹ Следует заметить, что в народной версии этой сказки речь идет не об Урузмаге, а о нарте Алаге [ИАА-II: 61-62].

² Аналогичный сюжет известен также в балкарских и вайнахских версиях Нартовского эпоса [Гаглойти 1989: 152].

Признавая справедливость вывода Ж. Дюмезиля, В. И. Абаев добавил к собранным им сведениям еще и сообщение Геродота (I, 216) о массагетах, также знавших обычай убивать слишком старого человека [Абаев 1990: 224]. Хотя и другие нартоведы в своем большинстве также разделяют вывод Ж. Дюмезиля [Ванев 1990: 224-225; Смирнова 1959: 62-63; Чочиев 1996: 27, 54-55, 59, 80-81, 97-98], он не может быть принят нами в силу целого ряда причин.

Начнем с того, что в Нартовском эпосе довольно много героев-стариков, старость и немощность которых совершенно не беспокоит нартов. Так, близнецный брат Урузмага, Хамиц, не моложе своего брата и носит тот же эпитет *зæронд* «старый, старик» [ССКГ: 27, 28; ПНТО 1927: 23; ИАС-I: 213], однако нарты не преследуют его за старость и не пытаются убить. Единственный случай, когда старость Хамица сослужила ему недобрую службу – это во время сватовства к юной Вадзафтаве, отвергнувшей Хамица только по той причине, что «его золотые зубы (уже) покрылись ржавчиной» [ПНТО-II: 54].

Эпитет «старый» прикреплен и к имени героя *Ацæ* [НК: 245, 454, 455], именуемого также *нарти хестæр Уаз* «старший среди нартов Ваз» [ПНТО 1992: 98], а также к имени младшего сына Аца – Ацамаза: «старец мудрый сын Ацая Ацамаз» [Къубалты 1978: 98]. Однако и их нарты не преследуют из-за старости, а напротив обращаются к старику Ацамазу за советами [ИАС-I: 303].

Эпитет *зæронд* прикреплен и к имени одного из родоначальников нартов Бора, который, будучи стариком, принял участие в охоте, организованной родами Ахсартаггата и Бората [Нартæ: 353]. Но никто из нартов не пытается его унижить или, тем более, убить. В адыгских версиях Нартовского эпоса также известен *Борез*, имя которого в переводе означает «Боре старый». Этот же герой и в балкарских версиях эпоса известен как «старший нарт Борай». Однако ни у адыгов, ни у балкарцев нет ни одного случая неуважительного отношения к нему со стороны других нартов.

Таким образом, негативное отношение к старикам носит у нартов избирательный характер и касается исключительно Урузмага. Более того, если забыть на время о существовании Урузмага и опираться исключительно на сведения об остальных героях-стариках, то можно вполне обоснованно сделать вывод об уважительном отношении к старикам, распространенном в среде нартов³. Правда, Е. М. Мелетинский указал еще на одного старика – Вархага, сохнувшего, «ухаживая за нартским скотом» [Мелетинский 1957: 62], а Ж. Дюмезиль заметил, что все великие нарты, за исключением Урузмага, умирают насильственной смертью [Дюмезиль 1976: 217]. Но этого явно недостаточно для постулирования в нартовском обществе обычая умерщвления стариков. Вархага действительно унижают, но ни разу не пытаются убить. Вместе с тем, Вархаг был основателем рода воинов Ахсартаггата, а унижали его представители «конкурирующего» рода Бората, и то – до возмужания его внуков, Урузмага

и Хамица. Но когда внуки подросли, то они окончательно установили власть своего рода над всеми нартами, а свою родную мать выдали замуж за старика Вархага. В адыгских версиях Нартиады также находим глухое упоминание о нарте Вархаге, известном у осетин еще и под именем *Уæхтæнæг* (*Уæрхтæнæг*) – это «нарт Ехтаниг», которого отвергла красавица Лашин [НАГЭ: 341], подобно тому, как Вадзафтава отвергла старика Хамица. Сюжеты о женитьбе старика на относительно молодой снохе и о сватовстве старика к юной красавице явно противоречат мнению о презрительном отношении к старикам у нартов.

Так почему же старость Урузмага, и только Урузмага, привлекла к себе внимание нартов, а старость всех остальных нартов – нет? В чем разница между Урузмагом, с одной стороны, и всеми остальными стариками-нартами – с другой? В поисках ответа на этот вопрос наше внимание обращается к одному из вариантов сказания о «Последнем походе Урузмага», не привлекавшемуся ранее к сравнительному анализу. Вот как в нем излагаются события.

«Нарты фæсивæд-уу хур бон Ныхасы куы рабадтысты,

Куы 'рымбырд сты 'мæ балцы фæцæуын куы бауынаффæ кодтой:

“Зæронд Уырымæг алырдыгæй фосгæндтæ куы кæны,

Махæн та чызджыты æмæ чындыты 'хсæн кад куы нуал ис.

Цæй, уæд та не 'ппæт нæхицæй уу Уырымæг саразæм”.

«В один из солнечных дней нартовская молодежь собралась на нихасе,

Собралась, и решила отправится в поход за добычей, (сказав):

«Ведь старик Урузмаг (и тот) пригоняет скот со всех концов (земли),

А мы обесславлены, и в обществе девушек и невесток нет нам почета.

Давайте же найдем среди всех нас хоть одного Урузмага!»⁴

Как они решили, так и сделали. А Урузмаг, придя наутро на нихас, застал там одиноко сидящего старика, присутствовавшего накануне на собрании молодых нартов, и осведомился у него о странном отсутствии молодежи. Тот доложил ему обо всем происшедшем.

«Уырымæг, дам, нæ тынг æгад куы кæны. Уæд та, загътой, нæхицæй уу Уырымæг саразæм”.

Йæ уæраг æркъууырдта зæронд Уырымæг. Сыстади æмæ сæхимæ рараст и мæстыйæ. <...>

“Ныронг-уу Нарты фæсивæд æдзухдæр мæн фарстой,

Ныр балцы ацыдысты, мæн та хъуыды дæрнал æркодтой”.

«Урузмаг сильно позорит нас», - сказали (молодые нарты).

И решили выбрать урузмага из своей среды). (Тут) старик Урузмаг ударил по колену,

³ Ср. также сказание о женитьбе Батрадза, в котором избраница героя ставит перед ним условие – вызволить из плена у великана деда Батрадза [ИАС-I: 245].

⁴ Текст приводится в переводе автора.

Встал и пошел домой, досадуя. <...>

“Вот так дела! Ведь до сих пор они всегда спрашивали у меня совета,

Почему же нынче они (решили) меня игнорировать?”»

Раздосадованный Урузмаг снарядился в дорогу, и вскоре пригнал богатую добычу, которую разделил между нартами. А нартовская молодежь вернулась в свои дома с пустыми руками [ИАС-I: 56-59].

В приведенном варианте наибольший интерес представляют следующие мотивы: 1) соперничество молодежи со «стариком» Урузмагом; 2) признание молодежи достоинств Урузмага, кои воспринимаются ею как укор их самолюбию; 3) отсутствие выраженного признания к старости; 4) выборы нового «урузмага» из среды молодых нартов; 5) посрамление нартовской молодежи «стариком» Урузмагом.

Если бы старость как таковая действительно вызывала у молодых нартов чувство презрения, то они бы, во-первых, не имели обыкновения обращаться к Урузмагу за советами, во-вторых, не завидовали бы его успехам, и, в-третьих, попытались бы удалить со своего совещания безымянного старика, присутствовавшего на нихасе в качестве невольного свидетеля их заговора. Однако присутствие последнего несколько не смутило молодых нартов, хотя в то же самое время «старик» Урузмаг не давал им покоя!

В чем же причина избирательного подхода к старикам? Ответ прост: безымянный старик, в отличие от Урузмага, не является правителем общества и его не требовалось «сместить с должности». Именно по этой причине его присутствие на нихасе осталось для молодежи незамеченным. Следовательно, взаимоотношения между Урузмагом и нартами строились не на принципах противопоставления «старости» – «молодости», а только на противопоставлении «правителя» – «подвластных».

Рассматриваемое сказание подтверждает также вывод о том, что власть правителя нартов не была абсолютной и, в полном соответствии с военно-демократическим укладом общества нартов, носила выборный характер [Смирнова 1959: 64]⁵. Что касается нартовского нихаса, то он является прежде всего – «собранием боеспособных мужчин-воинов, вооруженного народа, а может быть, уже даже части его – испытанных воинов-дружинников» [Смирнова 1959: 63; см. также: Чочиев 1985: 117-119], и в то же время нихас – это мужской союз [Бессонова 1983: 59]⁶. Не вызывает сомнения также тот факт, что генетически институт нихаса уходит корнями в эпоху первобытной демократии, в соответствии с традициями которой сохраняет черты «общего народного собрания» [Смирнова 1959: 63]. Именно этим объясняется присутствие на нем безымянного старика.

⁵ Сюжет о выборах правителя (æлдар) находим в осетинской сказке [ИАА II: 82].

⁶ По мнению Л. А. Лелекова, нихас – это главный социально-политический институт в Нартовском обществе, почти не отраженный иными архаическими текстами Ирана, особенно в Авесте [Лелеков 1979: 183-184]. Из многочисленных типологических параллелей к осетинскому нихасу укажем на собрание мужей-героев у древних индийцев (Махабхарата, III, 44), проходившем в зале собрания (Махабхарата, III, 42), куда путь женщинам был заказан.

Следовательно, в анализируемом сказании, помимо всего прочего, отразился конфликт между правителем и «собранием воинов», или «мужским союзом». Хорошо известно, что «там, где уже выработалась роль вождя, мужские союзы уже играли только служебную роль и не имели власти как организация» [Пропп 1986: 145].

Прежде чем перейти к объяснению причин, по которым старость правителя вызывала у нартов беспокойство, необходимо отвести возможные возражения по поводу единичности варианта, в котором «старик» Урузмаг на поверку оказывается могучим богатырем. Единичность фиксации не является свидетельством позднего происхождения этого варианта. Напротив, есть основания считать его одной из наиболее архаичных записей. Дело в том, что в нем имя «Урузмаг» впервые употребляется и как собственное, и как нарицательное. Во втором случае оно явно означает «правитель, предводитель». Это весьма архаичная глосса, так как рассматриваемое здесь собственное имя обнажает свое исконное значение, которое, согласно этимологии Г. Бейли, восходит к древнеиранскому *ava-razmaка- обозначающему предводителя и буквально значащему «ведущий вперед» [Bailey 1980: 239]. Таким образом, рассматриваемая глосса, во-первых, подтверждает приведенную этимологию, и, во-вторых, свидетельствует о чрезвычайной архаичности текста, в котором она употребляется, ибо апеллатив *уырызджг* не оставил в осетинском языке никаких других следов.

Признавая, что причина негативного отношения к Урузмагу кроется не столько в его возрасте, сколько в его социальном положении, попытаемся рассмотреть проблему «стареющего правителя», хорошо освещенную в этнографической литературе.

Согласно представлениям древних, верховный правитель был олицетворением всего общества, воплощением божества, и от его физического состояния зависела сохранность всего мира, а также безопасность общества. Даже «плодородие людей, скота и посевов считались находящимися в симпатической связи со способностью правителя производить на свет потомство. Упадок этой способности в нем влечет за собой такой же упадок производящей способности у других людей, животных и растений». Болезнь или случайная смерть правителя могли нанести обществу непоправимый урон, поэтому, при появлении первых признаков упадка сил, его предавали смерти, перенося душу в тело сильного преемника [Фрэзер 1983: 254-262].

Неудивительно поэтому, что и нарты проявляли повышенный интерес к физическому состоянию Урузмага. Сказание о попытке нартов убить старого Урузмага во время пира является прямым отражением этих представлений. С ними же связано сказание, в котором нарты спорят о том, кто из них лучший, и при этом устраивают проверку сил Урузмага. И хотя в обществе нартов «большим грехом считалось, если кто говорил, что можно найти мужа славнее Урузмага» [ССКГ: 15], справедливость этой непреложной истины периодически ставилась под сомнение. А однажды разбирательство по этому поводу дошло до нартовской ведуньи, которая безоговорочно признала Урузмага лучшим из муж-

чин, а его жену Сатану – лучшей из женщин. Не удовлетворившись таким ответом, молодые нарты жестоко избили старуху. Однако вскоре в спор вмешался сам Урузмаг и на деле показал нартовским юношам, кто лучший [ИАС-I: 46-49, 49-52; Нарта: 291-295].

Мотивы этого сказания те же, что и в цитированном сказании о последнем походе Урузмага: соперничество молодежи с Урузмагом; посрамление молодежи Урузмагом. Отличие в том, что в последнем сказании Урузмаг молод и, безусловно, превосходит всех нартов силой и отвагой. Впрочем, об этом нарты догадывались и сами, иначе они бы не стали затевать спор в отсутствие Урузмага.

Необычайно интересен следующий вариант анализируемого сказания, также не привлекавший до сих пор в качестве объекта сравнительного анализа, в котором, как представляется, наиболее ярко выступают истинные причины стремления нартов выявить лучшего среди своих.

«Нарти Орæзмæгæн конд, уиндæй на 'дтæй, уæхæн рæсугъд лæг адтæй. Æгъдауæй дæр, туххæй дæр ин æ раз неке иста. Бæгъатæр дæр уотæ адтæй.

Нарти хестæртæ дзубанди кодтонцæ, бæгъатæрдæр ка уодзæнæй Нарти лæгтæй, зæгъгæ, æма ка еуемæй загъта, ка иннемæй.

Орæзмæг загъта:

– Æз дуйнебæл нецæмæй фæттæрссæнæн!

– Хуарз, бавзарун æй гъæу! Æдта нур уотæ бæгъатæр æй, – зæгъгæ, загътонцæ Нарти адæн.

Еухатт Орæзмæг балци рандæ 'й, æма Нарти адæн исфæндæ кодтонцæ Орæзмæги бавзарун. Орæзмæг син сæ унаффæйæн неци базудта, уотемæй æндæр адæни хаттмæ рандæ 'й. Фæстæмæку раздахтæй Нартмæ, уæд ибæл, Нартаей сосæггæй æрвист ка 'дтæй, йетæ сæдæ бæхгини исардудтонцæ, æма сæдæ бæхгини рацудæнцæ æ фæдбæл. Йетæ надбæл сæхе фæрразæй кодтонцæ æма сæхе фæснад баримахстонцæ. Сæдææм бæхгини ратæголæ 'нцæ Орæзмæгбæл; гъавтонцæ 'й марунмæ. Сæ астæути куддæр-муддæрти кæронмæ раласта æхе, уоми ба æ бæх ницæвтæ кодта æма ледзунбæл фæцæй. Ледзун байдæдта надбæл; йетæ дæр æ фæдбæл. Сорун æй байдæдтонцæ æма радаргъ æнцæ ж фæдбæл. Нарти адæнæй æ фæдбæл гъæуай кæнунмæ æрвист ка 'дтæй, йетæ кæрæдземæ бакастæнцæ: “Нæ бæгъатæр цæхæн багъатæр æй, – зæгъгæ, – ледзунбæл фæцæй, æндæр æ бон нецибал æй”, – зæгъгæ.

Худтæнцæ йибæл сæхемеднимæр. Уæд æваст, кжсунцæ, æма Орæзмæг æ бæхи къембур фæххадта фæстæмæ æма сæ цжгъдун байдæдта; уотемæй сæдмæ бæхгинеæжй некебал ниуагъта, ниссæцагъта.

Фæдбæлгæсгумæ æрбацудæнцæ Нарти хестæртæмæ æма син æрдзуртонцæ, куд адтæй æма ци фæууидтонцæ, уой.

Хестæртæ æрбахудтонцæ Орæзмæги сæ размæ æма 'й бафарстонцæ:

Ледзгæ ма цæмæн кодтай сæ разæй? – зæгъгæ.

Йе ба син загъта:

– Лæг йе 'знаги хæццæ ку хуæца, уæд гурумухъ хъаруæй мадзали хъаруæ хуæздæмр æй: æз си тæрсгæ нæ фæккодтон æма разæй уой туххæй нæ лигъдтæн, фал мин уотемæй æнцондæр басæдтæн иссæнцæ, кауи мехти хузæн. Йеци мадзал ба райстон мæ цауæйнон куййæ. Мæ куйбæл дуйней куйтæ рабурд æй, æма ралигъдæй сæ разæй. Йе дæр ледзгæ, йетæ дæр æй соргæ, æма ку радаргъ æнцæ, уæдта сæмæ раздахтæй æма сæ ницæгагъта еугæйттæй.

Нарт Орæзмæги æцæг бæгъатæрбæл банимадтонцæ». [ИАС-I: 52-53]

«Нарт Орозмаг был настолько красив, что никто не мог сравниться с ним статью и ликом. Ему не было равных ни по благонравию (жгъдау), ни по силе. И богатырем он был также. (Однажды) нартовские старейшины завели разговор о том, кто из нартовских мужей является наиболее отважным (бжгъатжджр), и одни из них указывали на одного (нарта), (а) другие на другого. Оразмаг (же) заявил им: “Я ничего на свете не боюсь”. “Ладно, решил нартовский народ, следует проверить его – возможно, он и в самом деле (настоящий) герой”.

Однажды, когда Оразмаг отправился в балц, нарты решили испытать Оразмага. Оразмаг, не подозревая об их намерении, отправился (во владения) другого народа. Когда он возвращался в (страну) нартов, те нарты, что были посланы тайно следить за ним, уговорили сотню (каких-то) всадников напасть на него. И сотня всадников принялась преследовать его. Они обогнали его и устроили засаду на обочине дороги. (Когда Оразмаг приблизился к ним), сотня всадников окружила Оразмага, собираясь убить его. Он же каким-то чудом вырвался из окружения, хлестнул коня и был таков. (Всадники) стали преследовать его и растянулись вдоль дороги.

Те же, которые были посланы от нартов следить за ним, переглянулись: мол, что это за герой, который не решился ни на что другое, кроме бегства! (И) стали они высмеивать его. Вдруг видят, как Оразмаг развернул коня и принялся (по одному) избивать сотню всадников, никого из них он не оставил в живых – перебил всех до последнего.

(Нарты), следившие за ним, вернулись к нартовским старейшинам обо всем происшедшем, и обо всем увиденном. Старейшины пригласили к себе Оразмага и спрашивают: “Что же ты стал удирать-то от них?”

Он ответил (так): “Когда человек вступает в схватку с врагом, то выбор средств по обстоятельствам (мадзали хъаруæ) бывает предпочтительнее голой силы (гурумухъ хъаруæ). Я не потому убежал, что испугался, а лишь потому, что мне легче было справиться с ними, когда они выстроятся друг за другом, подобно кольям изгороди. А этой хитрости я научился у своей легавой. (Как-то раз) свора собак набросилась на мою, и она стала от них удирать. Моя убегает, а те ее преследуют, и когда они выстроились в ряд, то она обернулась и стала грызть по одной, пока всех не перебила”.

(Услышав это), нарты признали Оразмага Героем».⁷

⁷ Текст дается в переводе автора.

Этот рассказ свидетельствует не только о высоком самообладании, уме, находчивости и могучей силе Урузмага, но и о его привлекательной внешности. Это отнюдь не случайная деталь, возникшая по воле сказителя. «Образ владыки должен был, по архаическим представлениям, вызывать психологический подъем» [Акишев 1984: 72]. В других сказаниях Урузмаг предстает перед нами как мужчина высокого роста (*устур*) [ПНТО 1927: 36], с приятным голосом (*æхцон хъæлæс*) [Нартæ: 304] и широкоплечим (*фæтæнуæхск*) [Къубалты 1978: 56]. Знаменательно, что далеко не все нарты наделены подобными чертами⁸.

Хотя в цитированном тексте Урузмаг напрямую и не назван правителем нартов, сопоставление с другими вариантами этого же сказания не оставляет сомнений в том, что речь идет именно об испытании правителя. Следовательно, нарты испытывали своего правителя на прочность не только в дни его старости, но на протяжении всего времени его правления. Пытаясь убить своего старого и немощного правителя, нарты имели в виду необходимость отвести от общества беду, которую могла принести его болезнь и смерть. Нарты преследовали ту же самую цель, устраивая смертельные испытания и молодому правителю, ибо, «убивая человекобога в расцвете сил и передавая его дух могучему преемнику, первобытный человек предупреждал все опасности» [Фрэзер 1983: 254]. Если бы Урузмагу не удалось представить доказательств своего отменного физического состояния, то его непременно убили бы, а на его место тут же был бы назначен новый правитель из числа многочисленных претендентов. Суть анализируемого сказания в том, что среди нартов действительно нет достойнее Урузмага и, в силу этого, править должен именно он. Презрение к старости не играет при этом вообще никакой роли и весьма знаменательно, что устроителями испытаний, через которые проходит молодой (!) Урузмаг, выступают старейшины, которых самих прежде него надлежало бы предать смерти, существуй в нартовском обществе обычай убивать стариков.

На вопросе о возрасте членов ныхаса в рассматриваемом сказании следует остановиться отдельно. Выше мы говорили о конфликте между правителем (Урузмагом) и ныхасом, состоящим из молодых нартов. В этом же сказании нартовский ныхас напоминает скорее древнегреческий сенат, представлявший собой совет старейшин, старость которых была окружена почетом⁹. Выше мы привели также мнение и Я. С. Смирновой, полагавшей, что нартовский ныхас генетически связан с общим народным собранием, каким в действительности и был осетинский ныхас в недавнем прошлом (XVIII-XIX вв.). Представляется, что в Нартовском эпосе ныхас, состоящий из старейшин, – это глубоко архаичная черта. Об этом можно судить, прежде всего, исходя из свойственных ему функций, к числу которых следует по праву от-

нести и надзор за физическим состоянием правителя, которого члены ныхаса могли предать смерти на основании одних лишь подозрений в его немощности. В этом смысле старейшины нартов поступали точно так же, как и жрецы древней Эфиопии, которые, «когда это представлялось им необходимым, могли послать к правителю гонца с приказом умереть», ссылаясь на пророчество, полученное ими свыше [Фрэзер 1983: 255]. В нартовском обществе вопрос решался без какого-либо знаменья с небес, а путем испытания: если правитель был способен преодолеть смертельную опасность, то это и означало, что он еще достаточно силен, а значит, и всему обществу, как и миропорядку в целом, ничего не угрожает.

Параллель между нартовскими старейшинами, заседающими на ныхасе, и жрецами древней Эфиопии не случайна. Сошлемся в этой связи на адыгские версии Нартовского эпоса, где *хаса нартов* (осет. *Нарты ныхас*) располагается в доме Аледжа (осет. *Алжæг*), который согласно трифункциональной теории Ж. Дюмезиля, выполнял в нартовском обществе именно жреческие функции. В осетинских версиях эпоса дом жрецов рода Алагата также испытал на себе влияние со стороны такого института как «ныхас», превратившись в «мужской дом», вход в который был для женщин запрещен [ОРФ СОИГСИ, п. 23, д. 56 (бр. 1), с. 57-59; ОРФ СОИГСИ, п. 135, д. 348, л. 18]. Вспомним и то, что в обязанности мужских союзов входили инициации юношей, и что актом этой инициации у некоторых народов руководили жрецы [Пропп, 1986, с. 127]. Это обстоятельство свидетельствует о преемственной связи между домом жрецов (Алагата) и «мужским домом» (ныхасом). В связи с этим следует, по-видимому, процитировать также и Аммиана Марцеллина (XXVIII, 5, 14), сообщающего следующее о царях и жрецах у бургундов: «Цари носят у них одно общее имя “гендинос” и по странному обычаю теряют свою власть, если случится неудача на войне под их командованием, или постигнет их землю неурожай. Точно так же и египтяне обычно возлагают вину за такие несчастья на своих правителей. Главный жрец у бургундов называется синист и сохраняет свое звание пожизненно, не подвергаясь никаким случайностям, как цари».

Не потому ли нартовские старейшины, устраивая смертельные испытания для Урузмага, сами несколько не опасались за свою жизнь? Не потому ли в нартовском сказании о неурожайном годе ответственность за стихийное бедствие легла на плечи Урузмага? В положительном ответе на эти вопросы не остается сомнений. Нартовский эпос описывает общество, в котором старость сама по себе окружена почетом, тогда как старость и немощь правителя, в полном соответствии с архаическими представлениями, внушают опасения и тревогу, провоцируя нартов на соответствующие шаги. Такое отношение к социальному лидеру родилось задолго до эпохи военной демократии и, потому, мотив третирования стариков, который также проступает в рассмотренных сказаниях, возник гораздо позже.

⁸ Вопреки мнению З. В. Абаевой, считающей приведенное описание Урузмага типичным и высказывающей убеждение, что эта характеристика применима к любому из нартовских героев [Абаева 1969: 94].

⁹ О древнегреческом сенате см., например, Бенвенист 1995: 272

Источники и литература:

- ИАА – Ирон адæмон аргъæуттæ. Т. II. Цхинвал, 1960.
 ИАС-I – Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. I. Дзæуджыхъæу, 1961.
 ИАС-II – Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. II. Дзæуджыхъæу, 1961.
 Къубалты 1978 – Къубалты А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу, 1978.
 Нартæ – Нартæ. Цхинвал, 1975.
 Нарты – Нарты. Осетинский героический эпос. Т. I. М., 1990.
 НАГЭ – Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
 НК – Нарты кадджытæ. Т. I. Дзæуджыхъæу, 1989.
 НКЭ – Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957.
 ОДНИ – Осетинские (дигорские) народные изречения. М., 1980.
 ОРФ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ.
 ПНТО 1925 – Памятники народного творчества осетин. Т. I. Владикавказ, 1925.
 ПНТО 1927 – Памятники народного творчества осетин. Т. II. Владикавказ, 1927.
 ПНТО 1992 – Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1992.
 ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Т. V. Тифлис, 1871.
 Хетæгкаты 1999 – Хетæгкаты Къ. Уацмысты æххæст æмбырдгонд фондз томæй. Т. I. Дзæуджыхъæу, 1999.
 ХИФ – Хуссар Ирыстоны фолклор. Сталинир, 1940.
- Абаев 1990 – Абаев В. И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990.
 Абаева 1969 – Абаева З. В. Характер и обстоятельства в нартском эпосе // Известия Юго-Осетинского НИИ. Вып. XVI. Цхинвал, 1969.
 Акишев 1984 – Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
 Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
 Бессонова 1983 – Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
 Ванеев 1989 – Ванеев З.Н. Избранные труды по истории осетинского народа. Т. I. Цхинвал, 1989.
 Ванеев 1990 – Ванеев З.Н. Избранные труды по истории осетинского народа. Т. II. Цхинвал, 1990.
 Гаглойти 1989 – Гаглойти Ю.С. Осетинско-вайнахские нартские параллели // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1989.
 Дюмезиль 1976 – Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
 Дюмезиль 1990 – Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
 Лелеков 1979 – Лелеков Л. А. Ранние формы иранского эпоса / Народы Азии и Африки. 1979, № 3.
 Мелетинский 1957 – Мелетинский Е.М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. Владикавказ, 1957.
 Пропп 1986 – Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
 Смирнова 1959 – Смирнова Я. С. Военная демократия в Нартском эпосе / Советская этнография, 1959, № 6.
 Фрэзер 1983 – Фрэзер Дж. Золотая ветвь М., 1983.
 Чочиев 1985 – Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвал, 1985.
 Чочиев 1996 – Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996.
 Bailey 1980 – Bailey H. W. Ossetic (Nartæ) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1980.

Т. К. Салбиев

Осетинская сказка о Кобала

(Сюжет 122 Z СУС, АТ)

Записанная профессором Б. А. Алборовым осетинская сказка о Кобала «*Къобалайы аргъау*» до сих пор никогда еще не была обнародована в открытой печати. Хотя указание на эту запись и содержится в сборнике осетинских сказок о животных «*Цæрæгойты аргъæуттæ*», вышедшем в свет в 1998 году, все же в число опубликованных текстов она тогда, к сожалению, не вошла. Само собой разумеется, что ни одно издание памятников устного народного творчества не может представить весь имеющийся в распоряжении составителя фольклорный материал без каких-либо изъятий, целиком и полностью, поскольку неизбежные ограничения диктуются уже самим объемом предполагаемой публикации, так что всякий раз приходится делать вынужденный выбор между существующими вариантами сказочных сюжетов.

Впрочем, оставляя эту сказку за рамками издания, составитель мог руководствоваться еще, по меньшей мере, тремя достаточно вескими доводами более конкретного свойства, оправдывающими его отказ от сказки о Кобала.

Во-первых, запись сказки не имеет полных паспортных данных, что неизбежно ставит вопрос о ее подлинности. Нет никаких указаний ни на время, ни на место записи, ни на исполнителя сказки.

Во-вторых, сюжет 122 Z СУС, АТ, лежащий в ее основе, и так хорошо известен в осетинской устной традиции. В вышеупомянутом сборнике осетинских сказок о животных этот сюжет представлен не одним, а тремя вариантами. Кроме того, известна еще одна неопубликованная пока архивная запись, сделанная в 20-е годы прошлого века М. М. Соевым, указание на которую также содержится в названном сборнике (подробнее см. ниже).

В-третьих, даже профессиональный фольклорист не может не считаться с привычками и пристрастиями читателя, сформировавшимися под влиянием литературной традиции. В итоге, предпочтение того или иного из вариантов может определяться его представительностью. Сказка же о Кобала небольшого объема, лишена какой-либо значительности и незамысловата с виду.

В силу этих ли «отягчающих обстоятельств», или же по какой-либо другой причине, нам неизвестной, она не была включена в состав названного сборника. Между тем, имеются, на наш взгляд, достаточно веские причины в пользу того, чтобы запись Б. А. Алборова была, наконец, выволена из архивной неволи и стала доступной для всех интересующихся осетин-

ским устным народным творчеством. Вводя сказку о Кобала в научный оборот, мы, конечно, стремимся прежде всего расширить круг уже опубликованных вариантов названного сюжета. Давно прошло то время, когда рассмотрение различных вариантов представлялось избыточным. Более того, сегодня прочно утвердилось представление о том, что учет вариантов во всей их возможной полноте является необходимым условием изучения любого фольклорного сюжета. Однако гораздо более существенным представляется другое обстоятельство. Мы исходим из убеждения, что запись Б. А. Алборова незаслуженно обойдена вниманием фольклористов, еще и потому, что она единственная из существующих вариантов содержит сюжет в «чистом» или минимально достаточном виде, то есть без каких-либо дополнительных мотивов (второстепенных элементов). Ее бесспорная научная ценность заключается именно в этой «первозданности», благодаря которой при анализе названного сюжета она по праву приобретает ключевое значение, позволяя, как представляется, решить две наиболее актуальные для данного осетинского сюжета проблемы. С одной стороны, как выясняется при более близком знакомстве, в верификации нуждается не только запись Б. А. Алборова, но также и другие существующие варианты. С другой стороны, сам сюжет сказки, вопреки внешней простоте и незатейливости, представляет несомненные трудности при интерпретации. При этом обе названные проблемы оказываются взаимообусловленными и предполагают совместное рассмотрение.

Итак, интересующий нас сюжет 122 Z СУС, АТ известен осетинской устной традиции в общей сложности в пяти вариантах, записанных в первой половине прошлого столетия в разных частях Осетии. Диалектное многообразие вариантов позволяет уверенно говорить об общеосетинском распространении данного сюжета, а столь значительное количество его вариантов – о его бесспорной устойчивости в устной традиции. Отметим, что две из этих записей, первая и вторая, содержат лишь сам сюжет, три же других контаминированы с другими сюжетами.

Вот список этих записей вместе с принятыми условными обозначениями:

Вар. 1. *Къобалайы аргъау* (Сказка о Кобала). Исп. неизвестен, зап. Б. А. Алборов. ОРФ СОИГИ, фонд 19 «Литература», оп. 1, д. 86, л. 298. (Иронский диалект)

Вар. 2. *Гæззайы авд сæгъи æма берæгъ* (Волк и семь коз Газза). Исп. Б. Туаев. 1942 г., г. Орджоникидзе,

зап. Г. А. Дзагурова. ОРФ СОИГИ, фонд Дзагурова, д. 50, л. 5-9. (Дигорский диалект) Опул.: Сказки о животных. Серия «Памятники народного творчества осетин». Сост.: Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1998. С. 72-78.

Вар. 3. *Лæг æмæ усы аргъау* (Сказка о муже и жене). Исп. С. Дзуцев. 1928-1929 г., Даргавс, зап. М. М. Сеоева. ОРФ СОИГИ, ф. «Фольклор», оп. 1, д. 12, папка 68, л. 130-134. (Иронский диалект)

Вар. 4. *Къоблийы сæгъты аргъау* (Сказка о козах Кобли). Исп. А. Б. Амбалов. 1.11.1922 г., сел. Ардон, запись Цоцко Амбалова. (Иронский диалект) Опубликовано: Сказки о животных. Серия «Памятники народного творчества осетин». Сост.: Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1998. С. 63-68. Также: *Æмбалты Цоцко. Уацмыстж. Дзжуджыхъжу: Ир.* 1991 С.55-59;

Вар. 5. *Къобалайы сæгъты аргъау* (Сказка о козах Кобала). Исп. Ираклий Марданов из сел. Кусджыта, зап. в 1903 г. в г. Цхинвале. (Иронский диалект) Опул.: Сказки о животных. Серия «Памятники народного творчества осетин». Сост.: Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1998. С. 69-72; Также: Ирон аргъуттж. Саржзта йж Джыккайты Шамил. Орджоникидзе, 1983. С. 24-26.

Следует повторить, что серьезные сомнения в аутентичности возникают в отношении едва ли ни каждой из этих записей. Действительно, ни один из приведенных выше вариантов сюжета полностью не документирован. Как уже отмечалось, в записи Б. А. Алборова (Вар. 1) не указаны ни имя исполнителя, ни место, ни время записи. Известно, что Б. А. Алборов был не только собирателем и замечательным знатоком народной традиции, но также и ее носителем. Высока вероятность того, что приведенная им запись была сделана им по памяти. Кроме того, следы явной литературной редакции имеет запись Цоцко Амбалова (Вар. 4). Уместно в этой связи привести сделанное о нем замечание профессора Губади Дзагурова: «Он записывал фольклорный памятник, передаваемый ему устно народным сказителем не дословно, а отмечал у себя только узловыe моменты, его, так сказать, остов, а затем он сам этот остов оживлял, наполнял его по памяти так, как памятник отложился в его памяти. Естественно, что при таком методе записи фольклорный памятник восстанавливался в художественно-обработанном виде, а не так в точности как передавал его сказитель. А так как Цоцко от природы обладал большим даром писателя и глубоким знанием родного осетинского языка, то получался новый литературный памятник, но уже, как результат литературного творчества Цоцко». Это стало поводом для того, чтобы называть его «Осетинским Андерсеном» и даже считать его записи собственными авторскими произведениями [Цит. по: Цæллагты 1991: 11-12]. Наконец, в последней записи (Вар. 5) отсутствуют фонетические особенности, которых следует ожидать от текста, зафиксированного на Юге Осетии.

Забегая вперед, укажем, что каждый из вариантов несет на себе печать своеобразия. Они различаются между собой даже в том, что касается имени владельца коз: (Вар. 1,5) его зовут *Къобала*, (Вар. 4) он *Къобли*, (Вар. 2) *Гæзза*, (Вар. 3) он безымянный. Вообще, нас

не должно смущать присутствие в рассматриваемой сказке также и человека. В сущности, само выделение сказок о животных, или анималистических сказок, в качестве самостоятельного жанра во многом условно. Так, устная традиция чужда этого деления, например, осетины для всех видов сказок используют одно общее наименование *аргъау*. Указание на эту условность содержится и в определении данного жанра, предложенном В. Я. Проппом: «Под сказками о животных будут подразумеваться такие сказки, в которых животное является основным объектом или субъектом повествования. По этому признаку сказки о животных могут быть отличаемы от других, где животные играют лишь вспомогательную роль и не являются героями повествования» [Пропп 1984: 45]. Таким образом, присутствие человека в сказке о животных вполне допустимо.

Кроме различия имен хозяина, не совпадает и количество коз, которыми он владеет. Их может быть либо три (Вар. 1, 2,5), либо пять (Вар. 4), либо семь (Вар. 3). При этом в ряде вариантов козы отличаются между собой тем, что имеют различное количество желудков. Свободное варьирование названных мотивов свидетельствуют об их второстепенном, то есть дополнительном характере. Все вместе это, по-видимому, можно считать числовыми средствами, которые наряду с пространственными и временными составляющими обеспечивают динамику сюжета или, напротив, искусственно замедляют его развитие (прием ретардации). Заметим, что козы пасутся на гребне горы, а волк прячется в нору под землей — **пространственное** противопоставление верха и низа. Начинается сюжет всегда утром, когда коз выгоняют пастись. К обеду обычно насыщается первая из коз, а развязка сюжета наступает ближе к вечеру (**временная динамика**).

Все же сюжет при этом имеет и некое неизменное постоянное ядро, которое собственно и служит основанием для объединения всех записей воедино, в качестве вариантов одного сюжета. Думается, что именно это предполагаемое сюжетобразующее ядро и было выделено при типологической классификации сюжета. Напомним, что согласно Сравнительному указателю сказочных сюжетов его совершенно справедливо принято относить к сказкам о диких и домашних животных, тип 122 Z СУС, АТ [ЦА: 495], имеющему следующее определение: «Разные уловки с целью избавления от волка» [СУС: 71]. Таким образом, в центре нашего внимания и должны быть названные уловки.

Теперь же представляется уместным привести и саму сказку о Кобала. Целиком, без какой бы то ни было редакционной правки в полном соответствии с архивным оригиналом (ОРФ СОИГИ, ф. 19 «Литература», оп. 1, д. 86, л. 298).

Къобалайы аргъау

Къобалайæн æртæ сæгъты уыди æмæ сæ хизынмæ рагъты сæрмæ атардта. Иу сæгъ рагъыл æрцæйцыд. Бирæгъ йæ размæ фæци:

– Дзыджы-мыджы¹, кæдæм цæуыс?

– Рагъты сæрæй, хъæмæ!

– Дæ сагæхты 'хсæн цы хæссыс?

- Мæ дзыкъытæн къуыматæ²!
- Дæ сæры астæу цы хæссыс?
- Дыууæ сагой сыйы³!

Æмæ йæ ахордта. Дыккаджы дæр та афтæ ахордта. Æртыккаг дæр та рараст. Бирæгъ йæ размæ рауад:

- Дзыкъы-мыкы¹, кæдæм цæуыс?
- Рагъы сæрæй, хъæмæ!
- Дæ сагæхты 'хсæн цы хæссыс?
- Бирæгъ марæн дыууæ тымбыл дуры!
- Дæ сæры астæу цы хæссыс?
- Бирæгъ марæн дыууæ арцы!

Бирæгъ сæгъæй фæтарсти æмæ йæ хуынкъ-мæ алыгъд. Сæгъ хуынкъы былæй уасы:

– О, Къобала, Къобала! Тахъи 'мæ тахъи⁴, фи-йаг æмæ къахæн рахæсс: мæнæ не 'знаджы рамарæм!

Перевод: Было у Кобала три козы. Вот выгнал он их пастись на гребень хребта. Стала одна из них спускаться. Откуда ни возмись, волк:

- Дзыкы-мыкы, куда путь держишь?
- Иду с гребня домой!
- А что это ты несешь между ног?
- Моим козлятушкам замочки!
- А что это у тебя на голове?
- Два рога для вил!

Он ее и съел. И вторую точно так же. Вот и третья коза домой направилась. Волк ей навстречу.

- Дзыгы-мыгы, куда путь держишь?
- Иду с гребня домой!
- А что это ты несешь между ног?
- Два булыжника, чтобы убить волка!
- А что это у тебя на голове?
- Два копыа, чтобы убить волка!

Испугался волк козы и убежал в свою нору. Коза стоит у входа в нору и блеет: “Эй, Кобала, Кобала! Неси-ка ружье, неси кирку и лопату: убьем нашего врага!”

Сам оригинал приведенной сказки переписан на машинке и не вызывает проблем при расшифровке. Все же некоторые пояснения общего характера вполне уместны:

¹ дзыджы-мыджы, дзыкъы-мыкы – обращение к козе, аналогичное русскому коза-дереза; ср.: дзыгы-дзыгы обращение к козам (козлятам), чтобы их приманить [ОРС: 161];

² къуыма – замок, так коза в сказках называет свое вымя [ИЭС I: 641];

³ от сы, тождественного сыкъа – рог [ОРС: 281,282];

⁴ тахъи 'мæ тахъи – единственное темное место, предположительно, искаженное сочетание ос. тахъина – «(охот.) ружье» [ОРС: 286] и побудительной частицы ма.

Такова сказка о Кобала в записи Б. А. Алборова. Как и подобает памятнику устного народного творчества, синтаксис сказки в своей основе устный, то есть содержит либо бессоюзие, либо паратаксис: последовательность сочинительных связей, выражаемых союзом æмæ 'и', 'вот'. Лексика также представляет живую, разговорную традицию. С художественной точки зрения сказка, действительно, неприятельна.

Система образов сказки предельно проста, она включает волка, коз и их владельца. Первостепенное значение для сюжета сказки имеют, как и следовало ожидать, уловки, указание на которые содержит типологическая классификация сюжета. Вряд ли есть сомнения в том, что именно эти уловки определяют и композицию сказки, которая может быть представлена в следующем виде.

- Сначала зачин, описывающий исходную ситуацию и вводящий нас в действие.
- Затем встреча волка с первой козой, первый диалог и гибель травоядного.
- Вторая коза упомянута лишь вскользь.
- Вновь диалог, являющийся зеркальным отражением первого. Герои меняются местами. Теперь волк побежден, а коза жива.
- Бегство волка и появление человека можно считать счастливым завершением сюжета.

С уловками также следует связывать и очевидное назидание сказки, состоящее в том, что волк и сам боится того, кто способен за себя постоять. Трусость и отсутствие должной смекалки осуждаются, тогда как находчивость и сообразительность приветствуются. При этом возможность спасения, которой они не смогли воспользоваться, была и у других коз. Ведь волк не сразу бросается на свою жертву, а лишь после того, как та ответит на его вопросы. Волк как будто хочет выяснить, с кем же он имеет дело, насколько опасен для него противник. Последняя из коз одна не пасует перед волком, проявляет смекалку и в награду сохраняет свою жизнь. Но сводимо ли содержание сюжета лишь к дидактике и занимательности? В чем, собственно, состоит смысл уловок, к которым прибегают козы? Ведь речь следует вести о двух уловках: неудачной и успешной. Таков главный вопрос, ответ на который предстоит дать.

Очевидно, что указатель сказочных сюжетов бессилён помочь нам в его поиске. Важно, что в английской, то есть исходной версии указателя сказочных сюжетов – «Other tricks to escape the captor» – определение данной рубрики имеет несколько иной смысл: не разные, а **иные** уловки, то есть те, которые не были учтены в других разделах. Действительно, для данного типа сюжета характерны также и другие рубрики, перечисляющие те уловки, на которые идут животные, чтобы сохранить себе жизнь. Для полноты общей картины следует, по-видимому, привести и их.

Тип сюжета 122А. Волк-дурень: голодный волк поочередно встречается различных животных, хочет их съесть, соглашается подождать, когда лошадь **покажет паспорт**, свинья **окрестит детей** и пр.; волк остается голодным или погибает.

Тип 122В*. Белка (овца) **уговаривает** лису (волка) помолиться (исповедаться) перед тем, как съесть ее; убегает.

Тип 122 D*. Пойманный волком заяц (перепелка) **обещает** привести ему более желанное животное;

Тип 122С. Овцы (свиньи) **просят** волка спеть; тот начинает выть; прибегают люди с собаками и бьют волка.

Тип 122М*. Баран (козел) **соглашается** прыгнуть в пасть волка: разбегаются и ударяет волка в лоб рогами, волк падает, баран убегает.

Тип 122N*. Волк хочет стать начальником: баран (осел), просит не есть его, а **предлагает** стать начальником (управляющим), ведет к мужикам, и те расправляются с хищником.

Во всех приведенных подгруппах смысл уловки достаточно ясен. Домашние животные под разного рода благовидными предложениями избегают гибели, пользуясь наивностью, благовоспитанностью или другими слабостями волка. Чтобы отвлечь внимание, белка (овца) уговаривает хищника помолиться, пользуясь набожностью волка. Заяц обещает еще более желанную добычу и получает отсрочку благодаря жадности волка. Овцы просят доверчивого волка спеть и тем самым подают сигнал пастухам; баран усыпляет бдительность волка, а сам его атакует. Баран (осел) играет при этом на честолюбии волка.

В сущности, и в нашем случае сюжет также основан на слабости волка, на его трусости. Однако вместо борьбы – и в этом главное отличие – здесь **словесный** поединок, который провоцирует сам волк. Только в рамках этого словесного «препирательства» и следует рассматривать уловки, к которым прибегают козы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что волка интересуют рога и вымя коз. Трусливые и глупые козы уподобляют их вилам и замкам, а смелая и сообразительная коза – копьям и булыжникам. Знаменательно, что эти уподобления оказываются настолько действенными, что в одном случае козы расстаются с жизнью, а в другом, напротив, избегают смерти. Этого обстоятельства достаточно, чтобы отвести предположения о том, что уловки являются лишь «фигурой речи», художественным приемом. В подобной ситуации не может иметь место одно из так называемых общефольклорных выразительных средств, то есть сравнение. Представляется весьма вероятным, что в основе уловок лежат мифопоэтические отождествления, смысл которых не может быть понят без учета типологических особенностей так называемого мифологического сознания.

Дополнительный аргумент в пользу подобного предположения может дать обращение к даргинской сказке «Храбрый козлик», записанной в 1954 году в селении Кубачи, Дахадаевского района Ф. Абакаровой со слов П. Миркаевой [СНД: 22, 298]. Она опубликована в Сборнике сказок народов Дагестана, и хотя ее сюжет (ошибочно?) определен как АaTh 124 [СНД: 306], тождество с рассматриваемым нами сюжетом 122 Z СУС, АТ бесспорно.

«Жили три козлика. Как-то раз старший козлик отправился в поле. Повстречался ему волк и спросил:

- Козлик, козлик, куда ты идешь?*
- Иду травки поесть и водой запить.*
- Что у тебя внизу? — спрашивает волк.*
- Ноги.*
- А что у тебя на голове?*
- Рога.*
- А что твое сердце говорит?*
- Мое сердце дрожит от страха.*

Волк и проглотил трусливого козлика. Потом пошел в поле средний козлик. И его волк проглотил. “Куда же мои старшие братья делись?” - подумал младший козлик и тоже отправился в поле.

Волк его остановил и спрашивает:

– Что у тебя внизу?

– Стальные ноги! — ответил козлик.

– А что у тебя на голове?

– Золотые рога.

– А что твое сердце говорит?

– Мое сердце говорит: “Вонзи золотые рога волку в брюхо”.

Испугался волк и хотел убежать, но козлик догнал его и рогами распорол.

Выскочили из волчьего живота два старших брата козлика, и все трое отправились домой. Впереди шествовал храбрый младший козлик».

Укажем на некоторые отличительные особенности даргинской сказки. Вместо коз – козлята. Волк их встречает, когда они только еще направляются в поле, то есть еще голодными. При этом козлики обходятся без какого-либо участия человека, который даже не упомянут. Вновь содержание сказки сводится к осуждению трусости и одобрению храбрости, которая оказывается способна противостоять грубой силе. В основе системы персонажей по-прежнему разграничение хищника и травоядного. Обращает на себя внимание также полное отсутствие каких-либо уподоблений в даргинской версии сюжета: рога козлика остаются рогами, а его ноги остаются ногами. Здесь отсутствует какая-либо подмена. Единственное отличие ответов храброго козлика от ответов его трусливых братьев в том, что он сопровождает их **эпитетами**: стальные и золотые. Нет сомнений, что это именно эпитеты, поскольку ни золотыми, ни стальными определяемые ими предметы в действительности быть не могут. Благодаря приведенным эпитетам они приобретают чудесные свойства, характерные для волшебных предметов. Главным же оказывается сердце козленка. У первых двух оно трусливое, у последнего из них – храброе. В основе сказки – назидание и «психологизм». А самый младший из козлят оказывается не только самым отважным, но и самым красноречивым.

Однако принципиальным отличием осетинских вариантов сюжета следует считать то, что в них дело ограничивается лишь диалогами коз с волком, тогда как храбрый козленок спасает жизнь себе и своим уже съеденным братьям, прибегая к активным действиям, пуская в ход свои золотые рога. Отсутствие мифопоэтических отождествлений и вынуждает храброго козлика переходить от слов к делу. Тогда как в осетинской сказке козы ограничиваются лишь беседой с волком.

* * *

Ставя вопрос о мифопоэтической природе сюжетобразующего ядра рассматриваемой сказки, следует заметить, что сказки о животных, подобно всем остальным жанрам осетинского устного народного творчества, прошли долгую и сложную эволюцию. Не удивительно поэтому, что они без видимых усилий и впол-

не органично допускают возможность и современно-го, то есть по сути литературного прочтения. Так без труда может быть восстановлена система образов сказки, проанализированы особенности ее композиции, может быть выявлено ее идейно-тематическое содержание, описаны ее так называемые художественно-выразительные средства и т. д. Все же во многих из сказочных сюжетов и образов за внешней занимательностью и художественной выразительностью, иначе говоря, за литературной ширмой, еще достаточно уверенно распознаются архаические черты. Не будучи мифом в буквальном смысле этого слова, осетинские сказки в своей основе, несомненно, воспроизводят представления, восходящие к так называемому мифологическому сознанию. Восстановление мифологической «подоплеки» сказки и является, на наш взгляд, тем важнейшим средством, которое позволяет избежать ее неоправданной модернизации или «олитературивания», то есть ее произвольного упрощения. В конечном же счете при таком подходе удалось бы выяснить тот, не вполне явный сегодня смысл, который она имела, когда еще пребывала в пространстве народной культуры, в своей естественной среде обитания.

Вообще проблема интерпретации памятников осетинского устного народного творчества во многом обусловлена именно тем очевидным обстоятельством, что сегодня они изъяты из своего привычного историко-культурного контекста. Эта перемена наиболее очевидным образом отразилась на самом способе их существования. Вместо слушателя, как это подразумевалось изначально, они сегодня предназначены прежде всего для читателя. Устное по определению народное творчество представлено сегодня главным образом в письменном виде. Как следствие – неизбежные утраты. С одной стороны, оно теперь лишено импровизационности, компенсировать которую, хотя бы отчасти, позволяет рассмотрение вариантов. С другой стороны, и это обстоятельство представляется более серьезным, оно оказалось исключено из естественных и многообразных связей со всеми остальными элементами и областями традиционной культуры.

Долгое время основным и, безусловно, действенным средством, призванным восполнить эти потери, то есть по-своему преодолеть «немоту» письменного текста, был историко-этнографический комментарий. Отдавая ему должное, следует признать, что он был и остается важнейшим источником сведений об ушедшей эпохе, в которой был создан и бытовал фольклор. Обращение к нему всегда будет важным подспорьем при изучении народной культуры. Все же в последнее десятилетие прошлого века в осетиноведении была подтверждена не только состоятельность, но и безусловная плодотворность другого подхода, основанного на структурно-семиотическом методе. Стало очевидно, что речь можно вести не столько о частностях или деталях, не о единичных и разрозненных пережитках, сколько о неких общих закономерностях, так что в итоге «за деревьями стал виден лес». В этом случае во главу угла должна быть поставлена характерная для всей народной культуры особая картина мира или особый способ миропонимания, восходящий

к тем свойствам народного сознания, которые определяются антропологами либо как архаические, либо, что в данном случае равнозначно, как мифологические или мифопоэтические, (их структурно-семиотические особенности были впервые описаны французским антропологом Клодом Леви-Стросом).

Общепризнано, что сложившаяся во времена глубокой древности, эта система, подвергаясь достаточно значительным модификациям, но сохраняя свою основу, доживала до средних веков. Принципиально важно, что в отличие от современного, естественно-научного, мифологическое сознание делает мир умопостижимым, то есть осуществляет процесс абстрагирования через сходства и несовместимости чувственных свойств, выраженных в виде элементарных семантических оппозиций, которые соответствуют простейшей (интуитивной) пространственной и чувственной ориентации человека (*верх / низ, левый / правый, близкий / далекий, внутренний / внешний, большой / маленький, теплый / холодный, сухой / мокрый, тихий / громкий, светлый / темный*) парные различия цветов и т. п. Эти бинарные противопоставления обычно «объективируются» и дополняются простейшими соотношениями в космическом пространственно-временном континууме (*небо / земля, земля / подземный мир, земля / море, север / юг, запад / восток, день / ночь, зима / лето, солнце / луна*), в социуме (*свой / чужой, мужской / женский, старший / младший, низший / высший*) или на грани социума и космоса, культуры и природы (*вода / огонь, огонь солнца / огонь очага, сырой / вареный, дом / лес, селение / пустыня и т. д.*) [Мелетинский 1995: 85, 230].

Свойственная же мифологическому сознанию всеобщность ведет к тому, что его проявления мы находим в любой области культурной деятельности человека, как духовной, так и материальной. Памятники устного народного творчества в этом отношении не только не составляют исключения, но и отличаются замечательной исторической устойчивостью. Подход этот, таким образом, может быть назван этнологическим, поскольку исходит из признания памятников устного народного творчества полноценными элементами традиционной культуры. Таким образом, есть достаточно веские основания для того, чтобы предполагать в каждом отдельном памятнике осетинского устного народного творчества наличие не остаточных архаических явлений, а некоего мифопоэтического ядра, как единого **комплекса** пространственно-временных, интуитивно-чувственных и отвлеченных представлений. При этом специфическое своеобразие ядра, или особенности конфигурации подобного комплекса, в каждом отдельно взятом памятнике фольклора, всякий раз определяются благодаря некоей мифопоэтической **доминанте**.

В рамках данного подхода и следует рассматривать интересующие нас уловки, являющиеся безусловной доминантой сюжета. Напомним, что мы имеем две уловки, соотносимые с готовностью коз давать отпор хищнику. На вопрос о том, что находится у них на голове, испуганные козы отвечают: (Вар. 1) – *“дыууæ сагой сыйы”* ‘два рога от вил’, (Вар. 2) – (д.) *“сагойни сиутæ”* ‘рога от вил’, (Вар. 3) – *“сагой сæттæн сыкъа-*

тæ” ‘рога, чтобы сломать вилы’, (Вар. 4) – “*Къоблийæн сагой-сыкъатæ*” ‘рога-вилы для Кобли’, (Вар. 5) – “*Къобалайы сагойæн сыкъатæ*” ‘рога для вил Кобалы’. Во всех ответах одна и та же пара: *сагой* вилы и *сы/сыкъа* рог. На второй же вопрос о том, что находится у них между ног, дают следующий ответ: (Вар. 1) – “*мæ дзыкъытæн къуыматæ*” ‘для моих козляток замки’, (Вар. 2) – (д.) *мæ дæркъæн хъохъо дзедзетæ*” ‘для моего козленка соски-петушки’, (Вар. 3) – “*мæ дзыггитæн къаматæ*” ‘для моих козлят замочки’, (Вар. 4) – “*мæ дзыгыйæн къуыматæ*” ‘для моих козлят замки’, (Вар. 5) – “*мæ сæныккæн къуынадза*” ‘для моего козленка вымя’. Легко видеть, что трусливые козы говорят о хозяйственном использовании тех частей своего тела (рогов и вымени), на которые указано волком.

Последняя же из коз, единственная сохранившая присутствие духа, на первый вопрос дает следующие смелые ответы: (Вар. 1) – “*бирæгъ марæн дыууæ арцы*” ‘два копыя, чтобы убить волка’, (Вар. 2) – (д.) “*берæгъмарæн æфсæйнаг лæдзгутæ*” ‘железные палки, чтобы убить волка’, (Вар. 3) – “*бирæгъ марæн джебогътæ*” ‘пики, чтобы убить волка’, (Вар. 4) – “*бирæгъмарæн дыууæ цъæх арцы*” ‘два серых копыя, чтобы убить волка’, (Вар. 5) – “*бирæгъмарæн цъæх æрцытæ*” ‘серые копыя, чтобы убить волка’. Здесь рога соотносены с охотничьим оружием. На второй вопрос она отвечает столь же решительно: (Вар. 1) – “*бирæгъ марæн дыууæ тымбыл дур*” ‘два булыжника, чтобы убить волка’, (Вар. 2) – (д.) “*берæгъмарæн тугул дортæ*” ‘булыжники, чтобы убить волка’, (Вар. 3) – “*бирæгъ марæн тымбыл дуртæ*” ‘булыжники, чтобы убить волка’, (Вар. 4) – “*бирæгъæхсæн тымбыл дуртæ*” ‘булыжники, чтобы кидать в волка’, (Вар. 5) – “*бирæгъмарæн тымбыл дур*” ‘булыжник, чтобы убить волка’. Хотя здесь назван лишь булыжник, всякий раз поясняется, для чего он предназначен. Очевидно, что находчивая коза соотносит свои рога и вымя с охотой, поскольку ссылается на орудия, связанные с этим видом деятельности человека. Известно, что вооружение молодого осетина наряду с кинжалом, шашкой и винтовкой, также включало и пику с железным заостренным наконечником [Хетагуров 1953: 275]. Отсюда пики, чтобы убить волка.

Итак, в основе рассматриваемого сюжета можно предполагать мифологическое отождествление анатомических атрибутов козы сначала с хозяйственными орудиями, а затем с охотничьим оружием: волк не боится иметь дело с домашними козами, а перед дикой козой отступает. Таким образом, и здесь налицо ясное проявление мифологического сознания, которое проводит четкое разделение природы и культуры (присваивающего и производящего способа ведения хозяйства). Речь, конечно, идет не о буквальном воспоминании о так называемой неолитической революции, когда начало развиваться производительное хозяйство. Дело в том, что и в живой народной осетинской традиции охота имела совершенно особый статус. Она была одним из престижных видов деятельности. Пастух же, напротив, никаким почетом не пользовался. Профессиональные охотники составляли своего рода касту, они говорили на особом языке и с молитвой о даровании им добычи они обращались к покровителю диких

зверей *Æфсати*. У домашних животных, в свою очередь, был другой патрон – *Фæлвæра*.

Кстати, в одном из вариантов (Вар. 3) эта различие ясно обозначено. Здесь волк удосуживается спросить коз и об их хозяине. Трусливые говорят о том, что он бедный крестьянин: “*Гæзза мæгур лæг æй, æхецæн косуй*» (Газза бедняк, живет своим трудом). Смелая же коза называет его хотя и бедным, но все же охотником: “*Гæзза цауæйнон мæгур лæг æй, берæгътæ ка маруй, уæхæн*» (Газза – бедный охотник, а ходит на волков) [ЦА: 75, 77].

Это разграничение природы и культуры, соотношенное с животным миром, ясно прослеживается и в осетинской лексике. Сравни в этой связи, например, два осетинских названия голубя: *bælon* | *bælwæw* ‘голубь домашний’ и *æxsīnæg* ‘голубь дикий’ [ИЭС I: 249, 220]. Сказочный образ козы, главной героини сказки, как мы предполагаем, органично совмещает две ипостаси: домашнюю (культура) и дикую (природа). Указывая на различие культуры и природы, сказочная коза в то же время и объединяет их, выступая в роли мифологического медиатора, посредника между двумя контрастными составляющими. Примечательно, что когда коза зовет своего хозяина, то перечисляет как орудия охоты, так и орудия труда: *тахъина* ‘ружье’, *къахæн* ‘кирка’ и *фийаг* ‘лопата’.

При этом для понимания мифопоэтической природы ядра сюжета вопросы волка представляются не менее важными, чем ответы коз. Примечательно, что перед тем как съесть, волк всякий раз с удивительным постоянством спрашивает одно и то же. Легко видеть, что эти вопросы, указывающие на части тела козы, ясно соотносены с пространственной составляющей и предполагают разграничение верха / переда и низа / зада. Волк прямо их называет: *дж сæры астæу* ‘посреди головы’, *дæ сагæхты хсæн* ‘между ног’. В данном случае можно уверенно говорить о проявлении такого свойства мифологического сознания, как пространственный *изоморфизм*. Смысл этого свойства заключается, как принято считать, в отождествлении пространственных структур микро-, мезо- и макрокосмоса. Другими словами, тело козы представляется в виде двух контрастных пространственных составляющих верха и низа (выраженных через анатомический код), подобно тому как сюжет описывает рельеф места действия (посредством ландшафтного кода) через соотношение верха – *рагъы сæр* ‘гребня хребта’ и низа – *йæ хуынкъмæ алыгъд* ‘забился в нору’.

В этой связи также уместна ссылка, например, на сказку о волке и свинье (*Дзæргъ æмæ бирæгъ*). Когда волк собирается съесть свинью, та пытается его отговорить.

« – *Хæрын дæ дзæргъ!*

– *Цы мæ хæрыс, – ын загъта уый дæр, мæ сæр дур у, мæ фæрстæ къæй сты, мæ фæстаг æрдæг смаг кæны*» [ЦА: 52].

(– Свинья, я тебя съем!

– Что во мне есть-то, – она ему отвечает, – голова моя камень, бока у меня из сланца, зад мой воняет.)

Вновь пространственная структура (перед / зад) соотносена с анатомическим строением животного, то есть описана посредством анатомического кода:

с—р 'голова' (перед) – *фæрстæ* 'бока' (середина) – *фæстаг æрдæг* 'зад' (тыл). В этом можно уверенно распознать характерное для мифологического сознания оперирование бинарными, тринарными и т. д. оппозициями, позволяющими концептуализировать данные элементарно-чувственного опыта.

Таким образом, волк для начала пытается выяснить, кто перед ним, с кем ему предстоит иметь дело. Примечательно, что козы отвечают не однозначно, а развернуто, многословно, всякий раз указывая не только на предмет, интересующий волка, но и объясняя его предназначение.

Укажем в этой связи на схожую осетинскую народную загадку о рогатой козе (*д. сиугун сæгъæ*):

Е 'взедæнтæ – даргъ,
æ думæггаг – цубур. [Тм.]
(У нее грозилки длинные,
а хвостик короткий)

В основе загадки также уже рассмотренные нами пространственные отношения. С одной стороны, ясное семантическое противопоставление *даргъ* 'длинный' / *цыбыр* 'короткий'. С другой, не столь явное, но не менее четкое анатомическое разграничение передней и задней частей. Спереди *æвзедæнтæ* "грозилки" (отглагольное образование на -æн от *æвзидын* | *æвзедун* 'замахиваться', 'потрясать рукой или оружием', 'грозить'), эвфемистическое обозначение рогов. Для обозначения тыла употреблено *думæггаг*, здесь также как и в случае с рогами описательное обозначение небольшого козьего хвоста, к тому же еще и с ироническим оттенком. Оно образовано от существительного *думæг* 'хвост' и суффикса -аг, указывающего на предназначение (ср. *мой-аг* 'будущий муж', *ус-аг* 'будущая жена', *арахъхъ-аг* 'сусло для араки', *фæндагг-аг* 'дорожная провизия' и т. п.) [Абаев 1959: 109]. В приведенной загадке существенно то, что анатомические части тела называются иносказательно, с указанием на их функциональное предназначение, что требует принимать в расчет еще одну особенность мифологического сознания – диффузию анатомического атрибута и его функции [Мелетинский 1995: 165].

Сошлемся на группу осетинских отыменных глаголов, производных от обозначений частей тела (анатомических атрибутов человека), интерпретируемых в языке как орудия с определенными характерными свойствами, непосредственно из них проистекающими: *к'ах* 'нога' > *к'ахун* | *к'ахун* 'копать'; *пух* 'ноготь' > *пухун* 'чесать' [ИЭС I: 620]. В приведенных парах ясно обозначена связь между атрибутом и обусловленным им характерным действием. Очень близко к этой модели стоит еще одна пара: *qūs* | *ǰos* 'ухо' и *qūsun* | *iǰosun* 'слышать, слушать' [ИЭС II: 316, 318]. В данном случае можно также указать и на особый обряд осетинского застольного этикета, в основе которого также распознается рассматриваемая нами связь атрибута и его функции. Вот как он описан В. С. Уарзиати: «Произнося тост за младших, глава пиршества передавал им бокал с долей младших (*кæстæрты хай*). С этой целью отрезали правое ухо от лежащей перед старейшинами головы жертвенного животного и, разрезав ушную раковину на три части, клали поверх бокала и

через прислуживающего отправляли на противоположный конец стола. Этот обряд, символизирующий *послушание* (выделено нами – Т. С.) младшего поколения старшему, совершают в обязательном порядке. <...> Получившие долю младшие стоя выслушивали все пожелания в адрес молодежи. Поблагодарив за внимание, трое из их числа делили надрезанное ухо между собой» [Уарзиати 1995: 155-156]. Более сложный пример. Атрибут и способность слышать (физиология) – послушание (социальная норма).

В сущности, в осетинской традиции грань между хозяйственным орудием и оружием весьма зыбка. Более того, в языке сохранились следы былого единства. Корень *гарз*, лежащий в основе одного из осетинских названий оружия *хæцæнгарз*, вообще означает любое орудие, используемое человеком в широком смысле слова. Принимая различные определения, он может использоваться для обозначения, в том числе, и различных предметов обихода: *хæцæн-гарз* 'боевое оружие'; *куысæн-гарз* 'рабочее орудие'; *хуысæн-гарз* 'постельная принадлежность'; *дон-гарз* 'кадка, сосуд для воды'; *гæрзтæ* 'одежда'. Хотя его этимология не вполне ясна, В. И. Абаев как на наиболее вероятную указывает на связь с иранской основой *кар* 'делать' [ИЭС I: 508], то есть *гарз* могло означать «не-что сделанное».

Все же указанного основания явно недостаточно, чтобы включить в один ряд, вместе с орудиями труда и оружием, также и анатомические атрибуты козы. Существует еще одно обозначение, объединяющее их между собой, которое, по-видимому, и имеет ключевое значение для нашего сюжета. Оно представляет собой существительное *сyrǰag* 'всякое острое оружие или орудие (сабля, кинжал, нож, коса, серп и пр.)', производное от осетинского прилагательного *сyrǰ* | *cirǰ* 'острый' [ИЭС I: 325].

Так, например, производное от одного из видов боевого оружия ос. *арц* 'копье' название большой иглы с трехгранным острием для шитья подошвы к чувякам – ос. *æрцындз*. Оно образовано с помощью уменьшительного суффикса -ындз. Переносу значения с 'копья' на 'иглу', считает В. И. Абаев, способствовало то, что копья и стрелы у скифов и алан имели также трехгранные наконечники. (См. *æрттигъ* 'наконечник стрелы' буквально «трехгранник» [ИЭС I: 172]) Однако, в первую очередь, основанием для отождествления служило, скорее всего, то, что они имели острие на конце. Укажем в этой связи также на эпический вид оружия *сadjил фат* 'стрела с раздвоенным наконечником', изобретенная Нартами, чтобы избежать голодной смерти. Потребность в стрелах подобной конструкции возникает в сюжете, рассказывающем о гибели Нартов. В одной из записей *Нарт куыд фесæфтысты* «О том, как погибли Нарты» им мстит за гибель сына покровитель злаков Бурхор, который лишает их зерна. Однако Нарты находят выход из сложного положения.

«*Æмæ сын, нартæн, уыйфæстæ сæ хоры байста: æхсæв уу акастысты, æмæ сæ уд дæр нал уыди. Сadjил фат-уу акодтой æмæ-уу уымæй хуым æхстой нарт, æмæ-уу æфсиртæй кæй адафта,*

уыдон-уу райсом æруыгътой» [ОГЭ I: 423]. (И тогда он лишил Нартов их урожая: ночью посмотрят а [от посева] и след простыл. Смастерили они тогда стрелы с раздвоенным наконечником, и стали Нарты их пускать на пашню, и те колосья, что они срезали, утром можно было собрать.)

В другом варианте *Нарты сæфт* «Гибель нартов» им предлагается на выбор либо вечная жизнь, либо вечная слава. Нарты выбирают последнее. Однако Всевышний пытается вразумить их и насылает на них всевозможные напасти. И вновь нарты обращаются к этому необычному оружию.

«Бакодтой-уу хуымтæ, 'мæ сын-уу бон цъæх кодтой, æхсæв кæрдинаг. Æмæ-уу цæм æхсæв куы ацыдысты кæрдынмæ, уæддæр та-уу фестадысты цъæх.

Уæд сарæзтой хуымты уæлхъусты халагъудтæ æмæ дæрдтой сæ фæтты бырынчъытыл сæджил æрцытæ, 'мæ-уу уымæй фехстой, 'мæ-уу уый кæй алыг кодта, уый-уу уыдис райсоммæ дæр æфсир» [ОГЭ I: 426]. (Станут сеять, так днем поля зеленеют, а ночью можно косить. А как отправятся ночью их косить, они снова станут зелеными. Построили тогда вдоль полей шалаши и стали сторожить, а на своих стрелах надели раздвоенные наконечники, и пускали их, и что стрела срежет, то и утром остается колосом.)

Знаменательно, что луку и стрелам отводилась важная роль в одном из осетинских праздников весеннего цикла *Къутугæнæн*. Вот как его описывает В. С. Уарзиати: «Это был откровенно аграрный праздник, к которому специально готовились конусообразные булочки. Они символизировали сапетки для хранения зерна и имели с ними одноименные названия к ъ у т у. В этот день повсюду высказывались пожелания видеть сапетки ломящиеся от зерна. В этой связи хозяйки старались сделать свою булочку лучше и краше, ибо считалось, что в таких семьях осенью будет обильный урожай. Важная роль в празднике отводилась детям, которые по-своему готовились к празднику. В его преддверии они самостоятельно или с помощью взрослых изготавливали лук (*æрдын*) и стрелы (*фат*) и усиленно тренировались в меткости глаза и твердости руки. <...> В день праздника устраивали соревнования по стрельбе: кто быстрее и больше собьет выпеченных фигурок к ъ у т у. Победитель получал в качестве вознаграждения сбитые булочки своих товарищей и был своеобразным героем дня. Считалось, что дети своей игрой могли предугадать благополучие нового урожая. Чем больше было сбито фигурных печений, тем больше будет осенью сапеток, заполненных зерном.

Игры детей с выпеченными фигурками, кулинарные ухищрения женщин во время их изготовления и сам характер печенья, символизировавшего атрибуты земледельческого хозяйства, были направлены к одной цели — обеспечить богатый урожай» [Уарзиати 1995: 62-63].

Итак, именно *острота* рогов, вероятно, и позволяет отождествлять их поочередно либо с вилами, либо с копьями. Подобные отождествления хорошо известны осетинской народной культуре. Прежде всего, следует обратиться к традиционному быту. На концы осетинских двупалых, иногда трехпалых, деревян-

ных вил *sagoj* | *sagojnæ*, действительно, как об этом и говорили кроткие козы, обычно насаживали козыи рога [ИЭС III: 17]. И в загадке о вилах (ос. *сагой*) вновь повторяется этот мотив:

Гуыбын ын нæй, æмæ уаллон нæу,
сыкъатæ йын ис, æмæ сæгъ нæу. [Тм.]
(Без живота, но не червь,
с рогами, но не козел)

Несмотря на замысловатую первую часть загадки, во второй ее части уже знакомое нам соотношение рогов и вил: есть рога, как у козы, но не коза.

Называя свое вымя словом *къуыма* 'замок', коза использует схожий прием. Дело в том, что старинные осетинские замки изготовлялись из дерева и имели вид обрубков довольно большого размера [ИЭС I: 529]. Синоним этого существительного *гуыдыр* используется в сочетании *гъуы г'уыдыр* 'грудная клетка', то есть анатомический атрибут вновь отождествляется с одним из предметов хозяйства.

Не составит труда привести и другие примеры. В осетинском эпическом сюжете о женитьбе Хамыца присутствует персонаж, отличающийся малым ростом, однако наделенный завидной сноровкой и обходительностью. Он производит на Нарта Хамыца настолько благоприятное впечатление, что тот решает незамедлительно посвататься к его сестре. На вопрос о том, как их можно найти, маленький человек из рода *Быцента* отвечает следующее:

« — Хъæды куы цæуон, уæд мæ хъама иуфарс дæрдзынæн, æмæ, цы бæлæстыл æндзæва, — иууылдæр сæ фæлдахгæ цæудзæн. Стæй уырдыгæй быдырмæ куы ацæуон, уæд мæ къах зæххыл сæрфдзынæн, æмæ гутоны хаххы хуызæн зæхх фæлдахдзæн» [ОГЭ I: 251]. (Когда пойду лесом, то буду держать мой кинжал в сторону, и все деревья, что заденет, он будет валить. После, когда выйду в поле, буду волочить свою ногу по земле, и вспашет она землю словно плуг.) В приведенном отрывке существенно, что нога выступает в роли плуга, оставляющего за собой борозду, так же естественно, как и кинжал, который валит деревья. При этом следует принимать во внимание и то, что осетинский глагол *k'axun* | *k'axun* 'копать', 'рыть', как уже отмечалось выше, представляет собой производное от существительного *k'ax* 'нога' [ИЭС I: 620]. Лексика, подобно фольклору, также последовательно воспроизводит мифопоэтические представления.

Столь же охотно в народной культуре происходит отождествление определенных частей тела с оружием.

Загадка о кинжале (ос. *хъама*):
Нæ къулыл ис хæйрæджы къах. [Тм.]
(У нас на стене чертова ножка)

Вновь нога (ос. *къах*), но теперь отождествление не с плугом, а кинжалом.

Следует указать также и на то, что для обозначения острия любого вида оружия, копья, стрелы, меча и т. д., в осетинской традиции используются анатомические атрибуты: либо *ком* 'рот', 'пасть', либо *фындз* 'нос'. Отсюда и одна из игр юного Батараза с сыновьями Бурафарныга или, в другой версии, Бора. В одном из эпических сюжетов он предлагает, чтобы они вместо мишени стреляли ему в рот, сам же ловит их стрелы зубами.

«Уæд Борæты æфсымæрты хистæр фехста йæ фат: фат дзыхы сæмбæлд, æмæ йæ Батрадз рацахста йæ дæндæгтæй. <...> Байстой йæм сæхи Борæты æвд æфсымæры, æмæ сын Батрадз сæ фæттæ æрызгæлдта йæ дзыхæй» [ОГЭ I: 297]. (Пустил тогда свою стрелу старший из сыновей Бора: стрела угодила прямо в рот, и Батраз ее поймал зубами. <...> Подошли к нему семеро сыновей Бора, Батраз тогда высыпал им изо рта пойманные стрелы.)

В приведенном отрывке можно видеть мифопоэтическое соотнесение стрел и рта (зубов) героя (даже скорее пасти, поскольку самого Батраза Сырдон как-то называет барсом [ОГЭ I: 295]). Еще один пример, когда оружие противопоставлено зубам, связан с отцом Батраза, убитым Сайнаг-алдаром. На вопрос Батраза отчего на его замечательном мече появилась зазубрина, Сайнаг-алдар называет такую причину: «Хæрæджы дæндæгтæ куы бахæрид! Уый мын Хæмыцы дæндагыл къæртт фæхауди» [ОГЭ I: 302]. («Чтобы ему съесть ослиные зубы! Это из-за зуба Хамыца на моем мече зазубрина».)

Таким образом, речь должна идти не о сепаратных сопоставлениях, а о целом мифопоэтическом комплексе, сводящем воедино несколько составляющих. С одной стороны, вопросы волка задают пространственную структуру (верх / низ и перед / зад) этого комплекса. С другой стороны, интересующие волка рога и вымя козы ясно соотносимы, как будет видно ниже, по крайней мере, еще с одной оппозицией, основанной на элементарно-чувственном восприятии, а точнее – осязании: острое (твердое) / мягкое (круглое). В рамках данного мифопоэтического комплекса становятся, как представляется, окончательно ясны причины для включения рогов и вымени в ряд, в который входят орудия труда и охотничье оружие.

Следует заметить, что использование названного мифопоэтического комплекса вообще широко распространено при иносказательном обозначении орудий труда. Приведем для иллюстрации загадку о плужном ноже (ос. *дзыргъа*):

*Фæлмæн хъæдыл,
æфсæн фындз. [Тм.]*
(На мягком дереве,
железный нос)

В загадке, твердое (острое) это – железо, а мягкое – дерево. Укажем в этой связи также на стражей несметных эпических конских табунов в землях *Терк-турк*: волк с железной пастью (ос. *æфсæндзых бирæгъ*), ворон с железным клювом (ос. *æфсæндзых сынт*) и жеребец с железной пастью (ос. *æфсæндзых уырс*) [ОГЭ I: 122].

Загадка о молотке (ос. *дзæбуз*) имеет два варианта.

Вариант (1): *йæ сæр хъæбæр,
йæ гуыр та фæлмæн. [Тм.]*
(Голова его твердая,
а туловище мягкое)

Легко видеть две следующие контрастные пары: 1) *сæр* ‘голова’ – *гуыр* ‘туловище’ (анатомия, соотносимая с пространственным разграничением верха и низа), 2) *хъæбæр* ‘твердый’ – *фæлмæн* ‘мягкий’ (осязание). Следует заметить, что “туловище” молотка, то

есть его рукоятка, может только условно считаться мягким, только если по отношению к металлу. Таким образом, ради контрастного противопоставления в жертву приносится определенная доля достоверности. Во втором варианте этой загадки эта небольшая неувязка устранима, поскольку абстрактные качества теперь объективируются, получая вещественное воплощение.

Вариант (2): (д.) *гъæдин æ бæрзæй,
æ къæбут – æфсæн æй. [Тм.]*
(Шея у него деревянная,
а затылок железный)

Описание пространственной структуры вновь осуществляется посредством анатомии, только теперь в других терминах: *бæрзæй* ‘шея’ – *къæбут* ‘затылок’. Как видим, мягкость здесь соотнесена с деревом (д. *гъæдин*), а твердость с железом (д. *æфсæн*). Впрочем, список природных материалов может быть и продолжен.

Загадка об иголке с ниткой (ос. *судзин æмæ æндах*):

Вар.(1): *йæ бырынкъ – æндон,
йæ къæдзил гæн. [Сл.]*
(Рыло стальное,
а хвост льняной)

Вар.(2): *æфсæн галæн – бæмбæг къæдзелæ. [Тв.]*
(У железного быка ватный хвост)

В приведенной загадке сначала происходит функциональное объединение иголки с ниткой, а затем уже они рассматриваются как единое целое. Твердое это уже знакомые нам материалы: *æндон* ‘сталь’ или *æфсæн* ‘железо’, а мягкое – *гæн* ‘конопля’ или *бæмбæг* ‘вата’. Вновь пространственное соотношение, выражено через анатомический код: *бырынкъ* ‘рыло’ (впереди) – *къæдзил* | *къæдзелæ* ‘хвост’ (сзади).

Загадка о молотильной доске, подбитой кремнями (ос. *чъеури*):

*Дурын гуыбын, хъæдын чъылдым,
фæлмæн лыстæныл зилæнтæ кæны. [Тм.]*
(Живот каменный, спина деревянная,
по мягкой подстилке бродит.)

Теперь, напротив, одно целое разделяется на составные части. Контрастная пара: *дурын* ‘каменный’ – *хъæдын* ‘деревянный’, которая соотнесена с пространственными антонимами *гуыбын* ‘живот’ (впереди) – *чъылдым* ‘спина’ (сзади). При этом загадка противоречит естественному порядку вещей, то есть прибегает к пространственной инверсии. На самом деле, с анатомической точки зрения, именно спина бывает твердой, а живот, напротив, мягким.

Загадка о мельнице (ос. *куырой*):

*Хъæды цæв,
æмæ дур зилы. [ОТ]*
(По деревянному бей,
и каменный завертится)

Дерево здесь подразумевает мельничное колесо, а камень жернова. Таким образом, внутреннее устройство мельницы также удается выразить посредством осязательной контрастной пары: мягкое / твердое.

Загадка о топоре с топорищем (д. *æд гъæдæ фæрæт*):

Æфсæн сæхтæг æма гъæдин æгънæг. [Тв.]
(Железная петля и деревянная пуговица)

Вновь разделение орудия труда на составные части. Подразумеваются, по-видимому, отношения взаимодополнения. Здесь же и поговорка: *дурæй сæхтæг кæны, хъæдæй æгънæг* букв. “из камня он вытаскивает петлю, а из дерева вырезает пуговицу” – то есть на все руки мастер.

Согласно данным этимологии, рассматриваемое нами противопоставление дерева и камня находило свое выражение и в обозначении посуды. Так обожженная глина отождествлялась с “камнем”, и посуда из нее (*дурын*) противопоставлялась деревянной (*хъæдын, хъæзын*). Осетинское же название кувшина *дурын* представляет собой лексикализованное прилагательное «каменный», производное от существительного *дур* камень с помощью суффикса *-ын*, обозначающего материал, из которого сделан предмет (как *хъæд-ын* ‘деревянный’, *фæсм-ын* ‘шерстяной’ и т.п.) [ИЭС I: 377]. Воплощение в камне представления о твердости может быть, бесспорно, обнаружено и в осетинском существительном *дурвæткъу* ‘боярышник’, буквально «каменное яблоко» [ИЭС I: 377], которое действительно содержит твердую косточку.

В приведенных примерах дерево и камень, мягкое и твердое, выступают как взаимодополняющие, сопутствующие друг другу качества. Обратимся к другим примерам. Подтверждение мифопоэтической значимости для осетинской народной культуры оппозиции *фжлмжн / хъбжр* (мягкое / твердое) находим также и в обрядовой практике. Вот одно из описаний праздника, посвященного грозному святому-покровителю оспы: «Святой Аларды считается покровителем детей и женщин, поэтому как всякая замужняя женщина, так и девица стараются побывать у часовни святого Аларды, помолиться и испросить благословения и милость для себя и своих детей, настоящих или будущих; при этом всякая богомолка приносит в дар какую-либо серебряную монету с шелковыми нитками и пучком ваты» [Чибириев 1995: 259].

Сочетание серебра, шелка и ваты присутствует и в песнях, сопровождающих культ этого святого. Вот характерный пример.

(д.) *Будури дæуæн кæнунцæ
Хонсари мæнæуæй дæ къерехуар,
Цæгати хуар – дæ бæгæниаг,
Мисираг æвзестæ – дæ æвæрæн,
Мереттаг бæмпæг – дæ нисайнаг.*

Де 'зæлу дусæй сæ ду расæрфæ, рохс Алаурди!
[Хм.: 46]

На равнине тебе готовят:

Пшеницу южных склонов – на жертвенные пироги,

Зерно северных склонов – на пиво,

Египетское **серебро** – твоё хранилище,

Имеретинская **вата** – тебе приношение.

Осени их своим шелковым рукавом, светлый Алаурди!
(Перевод Т. Саламова, [Хм.: 200-201])

В данном случае мягкое и твердое (вата и серебро) являются подношениями святому, призванными умиловить его благодаря мифопоэтическому значению, которым обладает эта пара. Появление шелка (в данном случае речь идет о рукаве божества), так же, как и серебра взамен железа, связано с повыше-

нием социальной значимости предлагаемых подношений. Мифопоэтический смысл даров включает также и их реальную ценность.

В рамках рассматриваемой оппозиции возможны и другие отождествления. В осетинском названии репейника *жрцыхъжд* [ОПС: 102] уверенно распознается осетинское название копья *арц*. Еще один пример соотнесения оружия и растения – загадка о сосне (ос. *нжзы*):

*Иу æфсæддон нæм ис
æмæ йæ сæрыцъуппæй йæ къахы онг
иууылдæр хъаматæ у. [Тм.]
(Есть у нас один воин,
так он от макушки до самых ног
весь в кинжалах)*

В данной загадке верх обозначается через голову, а низ через ноги, и пространственная составляющая дополняется отождествлением сосновых иголок и кинжала, также основанным на рассматриваемой нами оппозиции.

Приведем еще один пример из области осетинской лексики. Существительное *къжпсыр* имеет три значения:

- клык (анатомия);
- крючок (орудие труда, хозяйства);
- шип (растение) [ОПС: 194].

Вновь уже знакомые нам отождествления в рамках рассматриваемой нами оппозиции острого / мягкого.

Ограничимся приведенными примерами, которые, как представляется, убедительно свидетельствуют о бесспорной значимости предполагаемой нами осязательной оппозиции для осетинской народной культуры.

Таким образом, имеется достаточно оснований для того, чтобы видеть в основе уловок, к которым прибегают козы, мифопоэтический комплекс, включающий несколько компонентов. Общий смысл уподоблений, к которым прибегают козы, следует видеть в соотнесении анатомических атрибутов, их рогов и вымени, поочередно то с хозяйством (культура), то с охотой (природа). Основой же для подобных отождествлений становится, прежде всего, пространственная оппозиция верха (переда) и низа (зада), выражаемая посредством анатомического кода. Решающее же значение приобретает осязательное противопоставление твердого / мягкого. Данный комплекс и следует считать ядром сюжета, определяющим его своеобразие.

* * *

В качестве косвенного подтверждения данного заключения можно сослаться на еще одну кавказскую версию рассматриваемого сюжета. Речь идет об абазинской сказке «Коза старика и старухи», записанной на Западном Кавказе. Сравнение убедительно свидетельствует о том, что отсутствие мифопоэтических отождествлений (следовательно, и мифопоэтической доминанты) не дает возможности объединить в мифологический комплекс разрозненные мотивы, которые, бесспорно, представлены в сюжете этой абазинской сказки. Следствием отсутствия мифопоэ-

тической доминанты становится трансформация сюжета.

Запись Т. З. Табулова не содержит каких-либо сведений о сказителе, месте и времени фиксации. Впервые сказка была опубликована в 1933 году. Составитель сборника, В. Б. Тугов, в этой связи замечает: «Многие собиратели и публикаторы абазинского сказочного эпоса, как и всего фольклора в целом, сами являлись его носителями. Они часто фиксировали и издавали те произведения, которые знали. Поэтому эти публикации часто не имеют научной документации» [АбзНС: 364, 6, 7].

«Говорят, жили-были старик со старухой. У них, говорят, была коза. Коза старика и старухи приносила каждый год трех козлят.

Повадилась, говорят, к старику и старухе волк и задирает козлят. Вконец отчаялась коза.

“Старик со старухой не смогут мне помочь”, – подумала она и отправилась в путь, намереваясь найти и наказать волка.

Шла, шла, шла коза. Долго ли шла, мало ли шла, а встретила козла.

– Коза, три соска! Куда направилась? Своих козлят ищешь?

– Эй, козел, полторы бороды! Тебя разыскивает чабан, который выщипал твою бороду. А ты чего ищешь?

– Тот чабан убил волка, который поедал твоих козлят, а шкуру его выдубил на шубу. Когда я узнал, что он собирается из моих рогов сделать рукоятки ножей, а из моей шкуры – полушубок, то я сразу же убежал от него, спасая свою жизнь. Он и тебя разыскивает.

– А зачем я ему? Какое у него ко мне дело?

– Из твоих рогов сделает наконечники для деревянных вил, а из твоей шкуры драгву!

– Ведь я не его коза! Я коза старика и старухи! Какое он имеет на меня право.

– Я слышал, как твои хозяйева, старик и старуха, договорились с моим хозяином, чабаном, обменять тебя на овцу. Чабан обещает дать за тебя хорошую овцу.

– Отчего так? Чем недовольны старик и старуха?

– Не знаю. Я говорю тебе то, что слышал. Если веришь мне, верь. Не веришь – поступай, как знаешь. Я давно слышал, что старик и старуха хотят избавиться от тебя, но не знают как. Только сегодня вспомнил я об этом. Не встретились бы, не вспомнил. Поверь, не нужна ты больше старику и старухе.

– Кому я не нужна, те и мне не нужны! Не видеть бы мне их, как свой затылок!

– Коли так, давай жить вместе. Будем жить так, чтобы враги завидовали, а друзья радовались. И от чабана спасемся.

Договорились козел и коза жить вместе, нашли пещеру и поселились в ней. И сегодня живут они там» [АбзНС: 22-23].

Сюжет приведенной сказки ошибочно классифицируют как АТ 30 [АбзНС: 401]. Убедиться в этом не

составит труда. Достаточно привести определение данного типа сюжета АТh: «The Fox Tricks the Wolf into falling into a Pit. Race» или СУС 30 «Лиса и волк бегут на перегонки; волк благодаря лисе попадает в яму». Представляется, что абазинский сюжет скорее следует считать трансформацией рассматриваемого нами сюжета 122 Z АТ, СУС. Обращает на себя внимание увеличение числа действующих лиц. Можно выделить три пары: старик и старуха, коза и козел, а также волк и чабан. Первые две пары имеют ясно выраженное гендерное противопоставление. Старик, старуха и чабан – культура. Волк – природа. Коза и козел переходят из одного состояния в другое. Главный смысл сказки в том, что козел, уходя от чабана, а коза, оставляя старика и старуху, и затем обосновавшись в пещере, из домашних животных превращаются в диких. Но волк к тому времени уже убит чабаном.

Поскольку отсутствует доминанта, мифопоэтические мотивы представлены в виде разобщенных деталей. Каждый год коза приносит трех козлят (числовая составляющая). Пространственная составляющая соотносена с анатомией. Обращаясь к козе, козел говорит «Коза, три соска!», то есть указывает на низ. Она ему отвечает «Эй, козел, полторы бороды!», то есть верх. Наконец, рассказывая о чабане, убившем волка, козел сообщает, что «шкуру его выдубил на шубу» – середина. Козел также рассказывает о том, что чабан собирается «из моих рогов сделать рукоятки ножей, а из моей шкуры полушубок». О козе же говорит, что чабан «из твоих рогов сделает наконечники для деревянных вил, а из твоей шкуры – драгву!», то есть нить для шитья обуви или других изделий из кожи. Это не отвлеченные ответы осетинской козы о том, что у нее на голове и между ног, а реальные угрозы, которых страшатся герои. Сами же указания уже лишены определяющего значения для сюжета.

* * *

Подведем итог. Вводя в научный оборот сказку о Кобале, записанную Б. А. Алборовым, мы не только расширяем круг уже опубликованных вариантов осетинского сюжета о волке и козах (122 Z СУС, АТ), но находим ключ к интерпретации самого сюжета и, как следствие, верификации его существующих записей. Действенность уподоблений рогов и вымени козы поочередно то с вилами и замками, то с копытами и булыжниками, убеждает в том, что они не могут сводиться к простой «фигуре речи». Представляется, что лежащие в основе сюжета уловки, на которые идут козы, пытаются сохранить свою жизнь – суть мифопоэтические отождествления, смысл которых непосредственно обусловлен особенностями так называемого мифологического сознания и в целом хорошо известен осетинской народной культуре. Речь идет о разграничении природы и культуры: охоты и домашнего хозяйства. Робкие козы пытаются уподобить свои рога и вымя орудиям труда, а смелая коза – орудиям охоты.

Это главное для рассматриваемого сюжета противопоставление оказывается частью мифопоэтического комплекса, включающего также пространственную и интуитивно-чувственную составляющие. С про-

странственной точки зрения решающее значение приобретает противопоставление верха (переда) / низа (тыла). Важнейшую роль при этом имеет также противопоставление, основанное на данных элементарно-чувственного опыта человека, которое предполагает разграничение твердого (острого) / мягкого (тупого или округлого).

При таком подходе, кроме занимательности и дидактики, удастся обнаружить связи, посредством

которых рассматриваемый сюжет включается в широкое пространство народной культуры, обретая тем самым присущие ему своеобразие и историческую устойчивость. Вместе с тем, оказывается возможным отвести сомнения в аутентичности существующих записей. Несмотря на явную литературную редакцию или же отсутствие необходимых паспортных данных, все существующие записи, несомненно, оказываются подлинными памятниками осетинской народной традиции.

Публикации фольклорных тестов

АбзНС – Абазинские народные сказки. Составление, перевод с абазинского, вступительная статья и примечания В. Д. Тугова. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1985.

ОГЭ – Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 1. М.: Наука, 1990; Книга 2. М.: Наука, 1989; Книга 3. М.: Наука, 1991.

ОТ – Осетинские загадки // Осетинские тексты. Собр. Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым. Изд. акад. А. Шифнером, СПб., 1868, с. 30-35

Сл. – Уыци-уыцитæ // Ирон адæмы сфæлдыстад. Сар. Салæгаты Зоя. 2-аг чыныг. Орджоникидзе, 1961, с. 443-447.

СНД – Сказки народов Дагестана. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1965.

Тв. – Бацеу-бацеутæ Æрæмбурд сæ кодта Тауасити Фæцбай. // Ирæф, 1994, № 1, с. 150-153, № 2, с. 165-167.

Тм. – Осетинские народные загадки. Сост. Дз. Г. Тменова. Владикавказ, 2000.

Хм. – Памятники народного творчества осетин. Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия. Сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1992.

ЦА – Памятники народного творчества осетин. Сказки о животных. Сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1998.

Справочная литература

ОРС – Осетинско-русский словарь. Редактор А. М. Касаев. 4-ое издание, Владикавказ, 1993.

СУС, АТ – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Литература

ИЭС – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х томах. Репринт. М., 1996.

Мелетинский 1995 – Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 2-е изд. М.: Наука. 1995.

Пропп 1984 – Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984.

Уарзиати 1995 – Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. М., 1995.

Хетагуров 1953 – Хетагуров К. Л. Особа (этнографический очерк) // Избранное. Орджоникидзе: Ир, 1953.

Цæллагты 1991 – Цæллагты В. Цалдæр ныхасы Цоцкойы тыххæй // Æмбалты Цоцко. Уацмыстæ.

Дзæуджыхъæу: Ир, 1991, с. 5-14.

Чибиров 1995 – Чибиров Л. А. Осетинский аул и его традиции. Владикавказ: Ир, 1995.

Д. В. Белецкий.

Заметки о нузальском храме¹

Маленький храм, расположенный в осетинском селении Нузал, занимает особое место среди средневековых памятников Северного Кавказа, являясь своеобразным феноменом в культуре восточнохристианского мира. Нузал находится в Алагирском ущелье Северной Осетии, на древней дороге, соединявшей Закавказье и предкавказские степи. Этот путь по своему значению конкурировал со знаменитой дорогой через “Ворота аланов” – Дарьял, и контролировавшие его феодальные фамилии, несомненно, относились к самым влиятельным и богатым в средневековой Осетии. Наиболее подробная публикация, посвященная нузальскому храму и содержащая исчерпывающую на момент издания библиографию, принадлежит В. А. Кузнецову.² В указанном труде детально изложен весь круг проблем, связанных с нузальским памятником, а также приведен обширный иллюстративный материал.

Большую часть работы автор посвятил владевшему землями этой части Алагирского ущелья (Уалладжир, осет. – *Ужлладжыр*) колену (роду) Царазонта и его месту в социальной структуре Осетии. Этот род, как считают многие осетиноведы, был связан с аланской и грузинской правящими династиями. Выказывалось предположение, что к Царазонта имели отношение знаменитый Давид Сослан, а также известный по грузинским историческим хроникам “мтавар овсов” Ос-Багатар, погибший в 1306 или 1307 г.³

Когда в 1946 г. в интерьере памятника было обнаружено и исследовано мужское погребение, находившиеся в нем останки сразу отождествили с Давидом Сосланом. Эта точка зрения, высказанная Е. Г. Пчелиной (которой и принадлежит честь открытия), была подвергнута критике, но окончательного ответа на вопрос, кто же был захоронен в нузальском храме-мавзолее, до сих пор не найдено. В последних

публикациях, касающихся памятника, разрабатывается версия (сформулированная В. А. Кузнецовым), что в храме был погребен упомянутый Ос-Багатар. Этому герою принадлежит зафиксированная в летописях организация последней попытки военной экспансии осетин в Закавказье, когда в течение почти двадцати лет “овсы” удерживали за собой город Гори. В народной же памяти произошла контаминация нескольких одноименных личностей, живших в разное время, и уже к легендарному Ос-Багатару возводит свое происхождение большинство алагирских фамилий. Ему приписывали некоторые реликвии, хранившиеся в местных святилищах⁴, с ним же традиция связывала саму нузальскую церковь.⁵

Напомню, что нузальский храм (по-осетински “Нузалы аргъуан”) представляет собой прямоугольное в плане сооружение, сложенное из грубого камня на сероватом известковом растворе и перекрытое ложным сводом (илл. 1). Считается, что своеобразная форма памятника говорит о возведении здания местными каменщиками, хотя истоки строительной традиции не ясны, и указать более ранние аналоги представляется затруднительным.

Размеры внутреннего помещения нузальского храма (илл. 2) очень невелики – ок. 180 на 420 см, его высота от современного пола до “перелома” свода – ок. 3,55 м, толщина стен – от 0,8 до 1 м. Ориентация алтарной части церкви – на северо-восток, с большим смещением к северу (далее, для удобства, стены именуются в соответствии с традиционной ориентацией алтаря, т. е. торцовую алтарную стену называю восточной, правую от входа – южной и т.д.). Входной проем расположен с западной стороны храма. В северной, южной и восточной стенах имеется по небольшому окну. Алтарная часть храма была отделена от основного пространства – наоса – невысокой алтарной преградой, ныне не существующей (об этом см. ниже). В перелом свода отверстием внутрь помещения вставлен керамический сосуд-голосник, который

¹ Эта работа не могла быть написана без дружеской поддержки Елены Руслановны и Людмилы Руслановны Габоевых и Аслана Аркадьевича Цуциева, оказавших мне неоценимую помощь в работе с музейными и архивными материалами, а также Нино Элгудзаевны Чихладзе, высказавшей ряд ценнейших замечаний и советов, за что приношу им свою искреннюю благодарность.

² Кузнецов 1990. Данные по истории нузальской церкви, источник которых не указан, позаимствованы из этой работы. См. также: Кузнецов 1977: 129-151; Кузнецов 2002: 105-107; Гутнов 1993: 73-75; Албегова 2000: 231-244; Абаев 1990а: 457-464. В печати находится работа Н. Э. Чихладзе, посвященная копиям нузальских фресок (Чихладзе 2005).

³ Кузнецов 1990: 37, 84 и далее; Цулая 1980: 208. См. также: Абаев 1990б: 408-422; Гутнов 1993: 70-94. По преданию, заселение Осетии началось из Алагирского ущелья, что говорит о месте Уалладжир среди прочих осетинских обществ (Миллер 1881: 138; Миллер 1998: 315). Об обществах Уалладжир см., напр.: Калоев 1971: 42-49.

⁴ Нарожный 2003: 114-119. В Урсдонском ущелье (ответвлении Алагирского) существует “могила Ос-Багатара и его жены Ахсин” (СОГОМИАЛ 2850, шк. 4, п. 1).

⁵ Есть указания исследователей, что о церкви часто говорится в преданиях, но из опубликованных оригинальных текстов могут указать только рассказ о сватовстве Ос-Багатара к царице Тамар, среди заслуг которой приводится и строительство нузальского храма (Ирон тауржгътж 1989: 111). Надо отметить, что данных о каких-либо ритуалах, связанных с “Нузалы аргъуан”, не имеется, хотя П. С. Уварова упоминает о “следах” (именно следах!) рогов на стенах и фасадах (Уварова 1887: 41). Если к моменту возобновления в храме богослужений какие-то “народные” обряды, связанные с “Нузальской часовней”, и существовали, то их, скорее всего, искоренило православное духовенство, активно борющееся с проявлениями традиционных горских верований.

В. А. Кузнецовым по извлеченным фрагментам был датирован золотоордынским временем.⁶

Особый интерес представляют росписи, покрывающие внутренние стены нузальской церкви. Фрески единовременны и однородны, никогда не поновлялись и не переписывались. Время создания росписи в работах различных исследователей предлагается в пределах от XII до XV в. Принятая в настоящее время датировка и самого храма и его внутренней декорации концом XIII – началом XIV в. принадлежит В. А. Кузнецову. Отмечая особо, что не является специалистом в области искусствоведения, исследователь в своей атрибуции опирался в основном на логические построения и разбор исторических источников.

Стилистический анализ изображений в нузальском храме затрудняет плохая сохранность красочного слоя – прежде всего утрата большей части личного письма. Тем не менее, все исследователи, писавшие о “Нузалы аргъуан”, единодушно признают, что автор (или авторы) фресок принадлежал к грузинской художественной школе. Это подтверждается как грузинскими надписями, так и некоторыми иконографическими деталями, прямые аналоги которым известны исключительно в Закавказье (см. ниже). Нузальские росписи я объединяю с памятниками монументальной живописи так называемой “группы Убиси”. В этот круг входит неоднократно публиковавшаяся импозантная стенопись главного храма монастыря Убиси (Верхняя Имеретия) – собственно и давшая название группе, а также фрески церкви в Сори (Горная Рача) и недавно открытые росписи храма Богородицы в Дирби (около Гори в Шида Картли). Указанные три памятника в различных работах датируют в пределах от начала до второй половины XIV в. Представляется несомненным, что их “развитый” стиль указывает на время не ранее второй трети этого столетия.⁷ Возникновение таких высококлассных фресковых комплексов следует связывать с возобновлением активных грузино-византийских связей в период политического и культурного подъема Грузии, начавшегося после освобождения от татаро-

⁶ По указанию Е. Г. Пчелиной, в 1946 г. голосник еще был целым, но из-за беспризорности “часовни”, куда проникали кладоискатели, к 1965 г. он оказался разбит. Фрагменты были собраны и сданы в Северо-Осетинский музей краеведения (Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 28).

⁷ Ш. Я. Амиранашвили в разных работах относит фрески Убиси к началу, пер. пол. и середине XIV в., В. Джурич – к середине XIV в., И. Г. Лордкипанидзе указывает на вторую половину, а Т. Вельманс – на 80-е гг. этого же столетия (см., напр.: Амиранашвили 1950: 242-244; Амиранашвили 1963: 276, 278; Амиранашвили 1987: 17; Лордкипанидзе 1983: 10, 11, сноска 5; Лордкипанидзе 1989: 98; Velmans 1989: 93; Velmans, Alpagò Novello 1996: 160). Стенопись Сори и Дирби исследователи относят к середине XIV столетия (Амиранашвили 1950: 244-245; Чичинадзе 1985; Чихладзе 2002: 74-79). Надо учитывать, что основанные только на стилистическом анализе узкие датировки памятников (в пределах 25-50 лет) зачастую субъективны. Поэтому предлагаемые даты создания художественных произведений в пределах нескольких десятилетий всегда следует принимать с определенными оговорками (это касается и моих построений).

Илл. 1. Нузальский храм. Фотография конца XIX в.

Илл. 2. Интерьер нузальской церкви, вид на восток. Фотография 2004 г.

Илл. 3. Схема росписи нузальской церкви. Западная и северная стены.

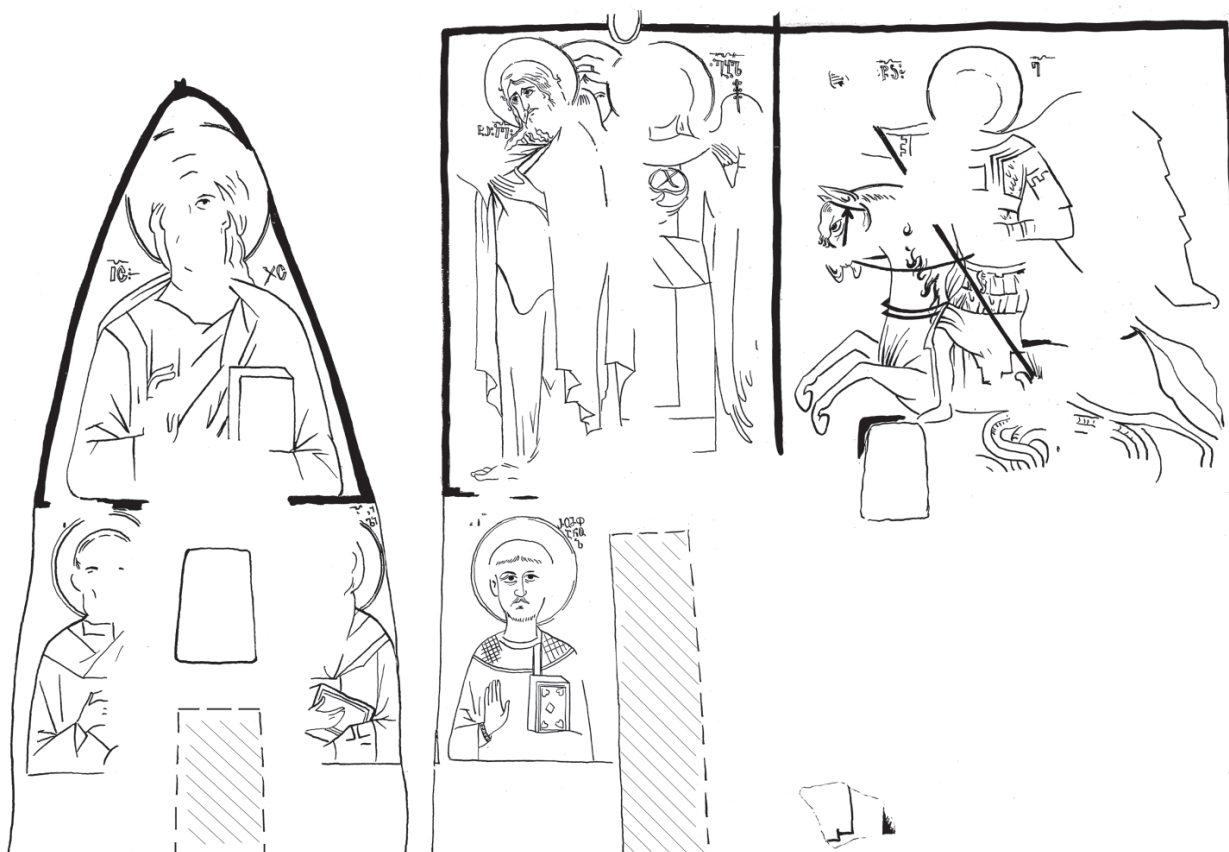
монгольской зависимости в правление Георгия VI (1314-1346 гг.). Живописный декор храма в Убиси является одним из центральных памятников грузинского искусства. Он выделяется своим качеством и развитой программой. Полагаю, что в его создании могли принимать участие мастера, получившие выучку в одном из византийских художественных центров. Нузальской же росписи, на мой взгляд, ближе фрески Сори, своей программой и иконографией во многом совпадающие с изысканным убисским комплексом, но, кажется, более простые по исполнению. В декорации нашего памятника очевидны и прямые пересечения с живописью Дирби, еще ждущей подробного исследования. Несомненно, что автор стенописи храма в Нузале обладал хорошей профессиональной подготовкой и был знаком с высококлассными образцами. Тем не менее, в его работе очевиден налет провинциальности, который можно принять за “архаизацию”. Вместе с тем, например, композиционную параллель образу св. Георгия на южной стене усыпальницы мы находим в памятниках живописи, созданных не ранее конца XIV в.⁸ В сложном развороте фигуры Великомученика проявилась тенденция к усилению “экспрессивного” начала в

византийском искусстве эпохи Палеологов. Это признак того, что нузальские фрески не могли быть созданы ни в XIII, ни в самом начале XIV столетия, когда в грузинской живописи еще ощущались традиции “комниновского” стиля. Соответственно, я полагаю, что датировать роспись нузальского храма (как и приведенных выше памятников “убисской группы”) следует не ранее второй трети XIV в. (допуская и третью четверть XIV столетия).

Фрески Нузала написаны на известковой штукатурке-левкасе, содержащей в качестве наполнителя рубленую солому и сверху покрытой тонкой (меньше миллиметра и без наполнителя) белой лощеной “грунтовкой”. Левкас имеет толщину до 1 см и наложен на тонкую известковую обмазку-“побелку”, нанесенную непосредственно на стенную кладку. При этом штукатурка, в целом сглаживающая поверхность кладки, повторяет крупные неровности и кривизну стен, что придает интерьеру “варварское” своеобразие. На северной стене по линии разгранки между регистрами росписи прослеживается так называемый “суточный шов”, свидетельствующий, что на начальном этапе работа велась в технике фрески по сырой штукатурке (обычно затем живопись дорабатывалась клеевой или темперной краской). При этом, судя по наложению слоев левкаса, сперва была расписана верхняя часть храма.

Специфической особенностью описываемого живописного комплекса является ограниченный набор исходных пигментов. Эту, в общем-то, очевидную при визуальном осмотре сдержанность палитры художника подтверждает сделанный во время консервации памятника в

⁸ Фреска в Цаленджиха 80-90 гг. XIV в. (см., напр.: Толмачевская 1931: рис. 27; Лордкипанидзе 1989: илл. 16), Набахтеви 1431 г. (Лордкипанидзе 1973) и русские иконы (см., напр. Живопись... 1971: илл. 33, № 16, авторы книги относят образ к XIV в., но более поздняя датировка вероятнее). Правда, есть грузинские чеканные изображения похожего извода, которые на основе стилистического анализа относят к XII-XIII вв. (напр.: Кения, Силогава 1986: 80, кат. № 81; табл. 49.).

Илл. 4. Схема росписи нузальской церкви. Восточная и южная стены.

1982-1983 гг. анализ пигментов.⁹ Их использовано только четыре – красная и желтая охры (обычные глины), сажа (простой древесный уголь) и известковые белила. Путем смешения получали промежуточные колера – коричневый из красной охры и сажи, зеленоватый – из сажи и желтой охры и т.п. Традиционный синий фон, на котором написаны композиции верхнего регистра (а также гиматий Спасителя, далматик архангела Гавриила, плащи Михаила и Евстафия, доспехи Георгия и т. п.), выполнен разбеленной сажой, но, благодаря противопоставлению теплым тонам, создается полное впечатление глубокого синего или голубого. В древнерусской иконописи для подобного состава, использовавшегося также как подкладка под холодные колера, существовал особый термин “рефть”. Ограниченность набора пигментов вполне характерна для многих как “народных”, так и профессионально исполненных живописных комплексов и известна по всему миру (в том числе – по византийской провинции, в частности в Каппадокии). В Грузии это, например, росписи Мацхвариши (Верхняя Сванетия), Земокрихи (Горная Рача) и Икви (Тедзамское ущелье в Шида Картли). Относящиеся к концу XI в. фрески последнего этапа росписи Сентинского храма в западной Алании написаны на основе трех (!) пигментов – красной охры, сажи и белил. Росписи в Северном и Среднем храмах в Архызе, судя по сохранившимся фрагментам, также отличались

ограниченностью палитры. В дополнение вспомним и целый ряд хорошо известных новгородских и псковских фресковых комплексов XIII-XV вв., которые аналогично написаны на основе четырех-пяти пигментов. Как отмечал И. Ф. Мамаишвили, использование сдержанного колорита с преимущественным сочетанием серо-синих и красно-коричневых цветов “в основном характерно для росписей скромных небольших размеров сельских церквей, выполненных провинциальными мастерами... Это, по-видимому, объясняется ограничением доступных для художников красок, добываемых на месте”.¹⁰ Тем не менее, важно отметить, что ощущения бедности колорита во фресках Нузала нет, что еще раз подтверждает высокий профессионализм художника.

Отмечу сразу, что, на мой взгляд, в росписи Нузала не прослеживаются никаких отзвуков “местного языческого культа” – все выполнено в рамках восточнохристианской традиции. Размещение изображений абсолютно укладывается в систему, сформировавшуюся в Византии к XI в. и подчиненную символике литургического богослужения. Общая для всего восточнохристианского мира, эта система имела различные региональные особенности. Во фресковой декорации нузальской церкви прослеживаются мотивы, характерные для обширного региона византийского Востока, включавшего в себя Грузию и древнюю Аланию, а также Сирию, Палестину, Малую Азию, Крым и т.д.

Общая схема расположения фигур и сюжетов подчинена строгой симметрии относительно продольной оси храма (илл. 3; 4). Фрески расположены

⁹ Проектный институт по реставрации памятников истории и культуры “Спецпроектреставрация”. Научный архив. Шифр. 45, № 3131: 34-35. Мною использован экземпляр отчета, хранящийся в Научном архиве Республиканского центра по охране памятников истории и культуры Республики Северная Осетия-Алания.

¹⁰ Мамаишвили 1991: 59. Это замечание верно лишь отчасти – вряд ли под такое определение подходят упомянутые псковско-новгородские росписи, в числе которых – знаменитые фрески Феофана Грека.

двумя регистрами, разделенными красной линией разгранки. В верхнем регистре восточной части памятника располагается Деисус в окружении Небесного Воинства. В наосе храма второй регистр занимают симметрично расположенные композиции “Чудо Георгия о змие” на южной стене, и “Чудо Евстафия Плакиды” на северной. Эти композиции написаны на синем фоне (точнее, на “рефти”). С запада над входом весь щипец заполнен изображением “процветшего” креста, написанного красной охрой по белому фону. Ниже креста узкие заплечики по сторонам от дверного проема, как, видимо, и откосы двери, были заполнены орнаментом (сохранился фрагмент с юга). Кстати, ближайшие параллели этому орнаменту мне известны именно в Убиси, Сори и Дирби.

В нижнем регистре значительная часть росписи утрачена. Все изображения этого яруса написаны на белом фоне. Местами просматривается довольно свободный подготовительный рисунок желтой охрой (графья не прослеживается). Четыре из сохранившихся фигур нижнего регистра находятся в восточной (алтарной) части храма. Это поясные фронтальные изображения святых в богослужебных одеждах – два епископа и два диакона. Подписи с именами читаются у диакона на отрезке южной стены (он назван святым Романозом)¹¹ и у епископа на восточной стене (Басили).

Остальные пять фигур в этом регистре (одна – с ребенком на руках) изображены в рост и располагаются единой группой на северной стене наоса. Они не имеют нимбов и представлены в трехчетвертном повороте с молитвенным жестом в сторону алтаря. Достоверно известны имена троих – Елиа (Илья), Фидарос и Сослан, причем последнее имя, судя по расположению надписи, относится к ребенку.

На противоположной, южной стене, пространство нижнего регистра почти полностью оголено от фресковой штукатурки. Вопрос о том, что же здесь было изображено, в литературе периодически поднимается, но окончательного ответа так и не найдено.

Место памятника в культуре Средневековья по сей день окончательно не определено. Все исследователи нузальского храма признают, что среди его фресок наиболее интригующей является “светская” композиция на северной стене (которую условно буду называть “киторской”). Но, несмотря на неоднократные

¹¹ Имя написано не совсем традиционно – через букву “ф”: “ϯⲟⲗⲁⲫⲥⲟⲗⲁ” – “Ромфаноз”. Эта буква сильно затерта и практически незаметна при черно-белом воспроизведении (напр., на опубликованном В. А. Кузнецовым снимке только слабо угадывается – Кузнецов 1990: 179, рис. 34-1). На прориси Т. Б. Мамукаева указанный знак пропущен (Мамукаев 1989: 114; Лолашвили 1971: 32), а на рисунке в архиве К. А. Берладиной показан неуверенно и в приводимом исследовательницей чтении имени тоже пропущен. Эта буква имеется, например, на копиях М. С. Шейблер 1958 и 1959 гг. из фондов Государственного музея Искусств Грузии (СХСМ/МН 282) и Государственного музея Истории Грузии (ССМ 43-67/3), и, главное, неплохо читается на подлинной фреске. Различия в написании имен святых в грузинских художественных памятниках встречаются, и в некоторых случаях это можно считать отражением региональных диалектов.

попытки истолкования этих портретов, по сей день неясно даже, все ли изображенные – мужчины. Это само по себе демонстрирует общее состояние проблемы. Недостаток письменных источников позволяет исследователям строить различные версии интерпретации нузальского комплекса, многие из которых на самом деле не находят подтверждения. В предлагаемой работе не ставится целью ни атрибуция погребения, ни стилистический анализ живописи. Здесь будет рассмотрен лишь ряд архитектурных особенностей памятника и иконографических деталей росписи, важных для правильного суждения о “Нузальской часовне”, но до сих пор не нашедших достаточного освещения.

Архитектурные формы и пространство интерьера.

Один из основных и самых спорных вопросов, касающихся нузальского храма, связан с мнением, что памятник был построен как склеп-“западз” или “языческое святилище”, и лишь позже его переделали в христианское культовое сооружение. На первоначальном “языческом” назначении “Нузаль аргъуан” настаивает, например, М. Б. Мужухоев, категорично отрицающий христианское происхождение целого ряда родственных между собой вайнахских и осетинских “святилищ”.¹² А. Ф. Гольдштейн назвал храм возведенным над христианским захоронением “памятником в виде жилого дома”, что указывает исследователь, “древним обычаем у многих народов”.¹³ Е. Г. Пчелина высказывала мнение, что первоначально это было “замаскированное убежище “хъаггжжж” для сторожевой охраны левого берега ущелья” со стрельчатым лазом и щелевидными окнами для стрельбы из лука.¹⁴ Противоположной – “церковной” – точки зрения придерживаются В. Х. Тменов и В. А. Кузнецов. По мнению последнего, нузальская церковь с самого начала строилась как храм-усыпальница и никогда “не претерпела функциональных трансформаций”.¹⁵

В числе аргументов нехристианского происхождения памятника приводится якобы “неканоничная” ориентация нузальского храма, алтарная часть которого обращена на северо-восток (а не на север, как утверждает М. Б. Мужухоев). На самом деле подобные “отклонения” очень часто встречаются в архитектуре всего христианского мира – строгая ориентация по сторонам света не была непременным условием при строительстве культовых сооружений – примеров тому множество повсюду. Кстати, наиболее распространено смещение алтаря именно к северу. Так, это отмечено в Тхаба-Ерды в Ингушетии, в Среднем и Южном храмах Нижнего Архыза. Восток в понимании средневекового человека означал точку восхода солнца над линией горизонта – при разметке плана продольная ось ориентировалась на первый луч восходящего солнца, и редко совпадала с магнитной осью Земли. Хотя этот вопрос

¹² Мужухоев 1977: 122-123; Мужухоев 1985а: 72-82; Мужухоев 1985б: 81-96.

¹³ Гольдштейн 1975: 65.

¹⁴ Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 8.

¹⁵ Кузнецов 1990: 60-62, 64; Тменов 1996: 162-163.

исследовался в отношении русских памятников, то же самое известно по всему христианскому Востоку, т. к. «процедура закладки храма была более или менее единообразной и традиционной». ¹⁶ Еще В. Б. Пфаф отметил, что «Нузал лежит в котловине, узком Касарском ущельи, среди отвесных высочайших скал, солнце здесь восходит поздно, а заходит рано». ¹⁷ Поскольку горизонт и, соответственно, точка восхода скрыты горами, то верно определить направление запад-восток без специальных приборов вряд ли возможно. Понятно, что ориентация храма была установлена «на глаз», чем и можно объяснить отмеченную погрешность.

Нузальский храм нередко называют «часовней», хотя этот термин, как и сами такие сооружения (в современном понимании – без алтаря) не характерны для византийской эпохи. Скорее всего, в «Нузалы аргъуан» не было приписного духовенства, а богослужение здесь совершалось только в определенные дни года. Вместе с тем, оформление интерьера памятника прямо свидетельствует, что это была именно церковь (по крайней мере, на определенном этапе существования) – то есть здесь существовали все элементы, необходимые для проведения литургии, прежде всего преграда, алтарь и жертвенник-протесис. Правда, Е. Г. Пчелина, проводившая в августе 1965 г. раскопки «в пределах площади алтаря» (в 1946 г. был вскрыт только наос, в отчете названный «кафоликон»¹⁸), ни основания преграды, ни остатков других литургических устройств не отметила. ¹⁹ В своих неопубликованных трудах исследовательница пишет, что правее ктиторских фигур стена носит следы перекладки, произведенной уже в пору существования росписи, возможно при нашествии Шаха Аббаса, во время которого в стене якобы был сделан пролом. ²⁰ Никакой закладки пролома сейчас не заметно, зато прекрасно прослеживается след примыкания к стенам храма алтарной преграды (на приводимой в данной работе схеме росписи показан штриховкой). Западнее фигур диаконов фресковая штукатурка обрывается по прямой вертикальной линии и хорошо видно, что штукатурный слой был «подмазан» к поверхности, перпендикулярной южной и северной стенам церкви. Особенно ясно это читается с юга, правее образа Романа (илл. 5); линия прослеживается до верха головы диакона, выше – утрата). На северной стене такой след сохранился на очень незначительном фрагменте левкаса у правого плеча диакона, а далее кладка открыта вплоть до красной вертикальной разгранки перед ктиторской композицией. Между восточным рваным краем этой разгранки и следом восточной поверхности преграды – 46–47 см. На противоположной стене, где штукатурка утрачена, пред-

шествовавший ей слой «побелки» обрывается примерно на том же уровне. Видимо, толщина преграды была ок. 40–45 см. Высота ее определяется предположительно – по остаткам «побелки» на северной стене и мало заметному следу на южной стене: на уровне волос диакона Романа имеется слабый «изгиб» линии, по которой обрывается штукатурка в месте примыкания. Этот след очень незначителен, но есть основания считать, что он отмечает верх преграды, которая, видимо, не доходила до разгранки между регистрами примерно на 14 см (в этом промежутке, кстати, не прослеживается и след «перехода» штукатурки на перпендикулярную поверхность). Соответственно, высота темплона составляла ок. 150 см от уровня современного пола (первоначальный пол был ниже).

Пространство между восточной стеной и темплоном было довольно узким (ок. 90 см. по южной стене, и ок. 80 см. – по северной). Важно отметить, что четыре фигуры святых епископов и диаконов были отделены преградой от основного пространства храма (наоса), и, соответственно, от остальных изображений нижнего регистра (т. е. от фигур без нимбов). Диаконы, написанные на северной и южной стенах, были практически не видны из наоса. С этой затесненностью, возможно, связана некоторая «эскизность» исполнения единственного сохранившегося в нижнем регистре лика

Илл. 5. След примыкания алтарной преграды около изображения Романа Сладкопевца. Снимок при боковом освещении, 2004 г

¹⁶ Раппопорт 1994: 107–108, см. также: Раппопорт 1974: 47.

¹⁷ Пфаф 18716: 136.

¹⁸ Использование термина неверно: «кафоликон» (греч. καπολικόν) означает соборный храм.

¹⁹ Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 23. По неясной причине, отчета о работах в 1946 г. не существует. Некоторые данные об этих раскопках приведены в отчете за 1965 г.

²⁰ ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 20: 26; Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 12.

(диакона Романа), письмо которого резко отличается от “личного” верхнего яруса.

Надо полагать, что преграда единовременна всей постройке – хотя со стенами она не перевязана, это не является свидетельством ее позднего происхождения. Особенностью строительной техники нузальского храма является то, что желтоватый строительный раствор редко выходит за границы швов. Он заполняет промежутки между блоками, сглаживая неровности – лицевая поверхность камней изначально была открыта. В месте же примыкания преграды частично сохранилась тонкая прослойка этого же раствора, заполнявшего шов между преградой и стеной, и полностью перекрывавшего поверхность камней. К сожалению, в результате многократных ремонтных работ XIX и XX вв. кладка внутри церкви была покрыта слоем обмазки, а промежутки между камнями (в том числе и по фасадам) заполнены известковым раствором, заменившим выветрившийся древний. Хотя в интерьере эту обмазку в основном удалили во время последней реставрации, все же оставшиеся поздние добавки сильно мешают обследованию памятника.

Преграда нузальской церкви была сложена уже после возведения стен, судя по всему – без заземленного фундамента – прямо на утрамбованном полу храма, поэтому ее основание и не было найдено при раскопках. Она представляла собой, видимо, упрощенный вариант византийского темплона без вертикальных колонок и космита-архитравной балки. Во всяком случае, никаких следов примыкания концов архитрава к стенам не прослеживается. Соответственно, проем преграды не имел перемычки и, видимо, не закрывался завесой. Отсутствие завесы вызывает недоумение, но в высокогорных кавказских храмах различных “отходов от канона” (впрочем, как и в данном случае, не принципиальных) достаточно много, что можно объяснять неизученной спецификой местного богослужения.

Если толщина нузальской преграды определена верно (40-45 см), логично допустить существование на ней с лицевой стороны неглубоких ниш и фресковой декорации – на преграде могли находиться написанные по штукатурке образа, к которым были молитвенно обращены фигуры в светских облачениях на стенах наоса. Хотя для современной российской богослужебной практики иконостасы с одним проходом (без диаконских врат) необычны, это не является чем-либо противоречащим восточнохристианскому уставу. В алтарную часть таких храмов входят только лица священного сана, имеющие право прохода через Царские врата. Вынос Евангелия и св. Даров во время литургии перед Малым и Великим Входом совершается не через боковые (“дьяконские”) двери, а прямо через Царские врата. Престол нузальского храма располагался вплотную к восточной стене, а протесис, скорее всего, традиционно находился в северной части алтарного пространства. По мнению А. Ю. Виноградова, во время посещения Нузала изложившего мне свои предположения по поводу литургических устройств “Нузалы аргъуан”, не исключено, что приготовление св. Даров осуществлялось в нише, которая могла находиться на преграде со стороны алтаря

(т. к. протесисы вне алтаря к XIV в. уже не встречаются).²¹ Допустимо также, что имела и симметричная южная ниша, возможно использовавшаяся как сидение для священнослужителя (которому, в соответствии с литургическим чином, в определенные моменты службы предписано “седание”). На широкую же поверхность преграды могли устанавливать необходимые для богослужения светильники.

Примеры алтарного пространства с одним проходом и примыкающим к стене престолом встречаются на Ближнем Востоке, Балканах, в Крыму и Закавказье (в том числе и в действующих в настоящее время храмах), но известны, в частности, и по русскому домонгольскому материалу.²² В России к XVII веку отсутствие северных диаконских дверей в иконостасе воспринималось как отход от нормы, что отразилось, например, в сделанном русскими послами описании церкви в Тушетии: “а жертвенника и северских дверей нет...”.²³ Вместе с тем обязательное присутствие боковых врат в иконостасе – это результат довольно поздней богослужебной редакции. В Нузале же мы видим один из древних вариантов византийской алтарной преграды, сохранившийся в восточной традиции по сей день.

Уже говорилось, что непосредственно по кладке проложен тонкий слой жидкой белой извести, хорошо заметный в местах утраты фрескового левкаса, который от “побелки” легко отслаивается. Эта прослойка отсутствует только в месте примыкания преграды. Можно допускать, что сначала храм был побелен изнутри, и какое-то время существовал без росписи, хотя и с алтарной преградой. Но, скорее всего, “побелка” наложена для лучшего сцепления левкаса с кладкой. Кстати, тонкий слой известки, видимо специально проложенный под фресковую штукатурку, мной прослежен и в Зругском храме.²⁴

Не я первый обратил внимание на отпечаток преграды на стене нузальской церкви. Этот след отметила и искусствовед К. А. Берладина, правда об алтарной преграде она не пишет. В архиве исследовательницы

²¹ Проблема решения алтарного пространства в храмах византийского времени разработана достаточно плохо (по русским домонгольским памятникам см.: Чукова 2003). В Грузии встречаются довольно неожиданные варианты организации алтаря. Например, в храме Георгия около селения Адиши в Верхней Сванетии “трехпролетная алтарная преграда ... вдвинута так глубоко в маленькую апсиду, что в ней уже нет места для престола, который выступает из пролета царских врат и загораживает полностью вход в алтарь” (Шевякова 1983: 25). Известны также странные престолы с выступами, которые трактуются как жертвенники, совмещенные с престолами (Меписашвили, Цинцадзе 1975: 41-42).

²² Речь идет о южном и северном приделах церкви Иоанна Богослова (вт. пол. XII в.) в Смоленске (Воронин, Раппопорт 1979: 123, 125-126). Преграда с одним проходом была, кстати, в Зругском храме, расположенном недалеко от Нузала. (Реставрация и исследования... 1990: 198-199, илл. 3).

²³ Материалы... 1937: 255.

²⁴ О разновременности либо синхронности таких “побелок” с лежащей на них штукатуркой уверенно говорить трудно. Возможно, ответ может дать сравнительный анализ известки.

хранится калька с прорисью композиций северной стены (илл. 6).²⁵ На месте примыкания преграды написано: “каменная перекладка входа в алтарь”. Следует полагать, что преграда была разобрана уже в “синодальный” период существования храма, когда на ее место был установлен отмеченный В. С. Толстым новый иконостас “писанный на холсте и имеющий один вход через царские двери”.²⁶

Кстати, погребение, исследованное Е. Г. Пчелиной, сильно смещено к западной стене, т. е. было

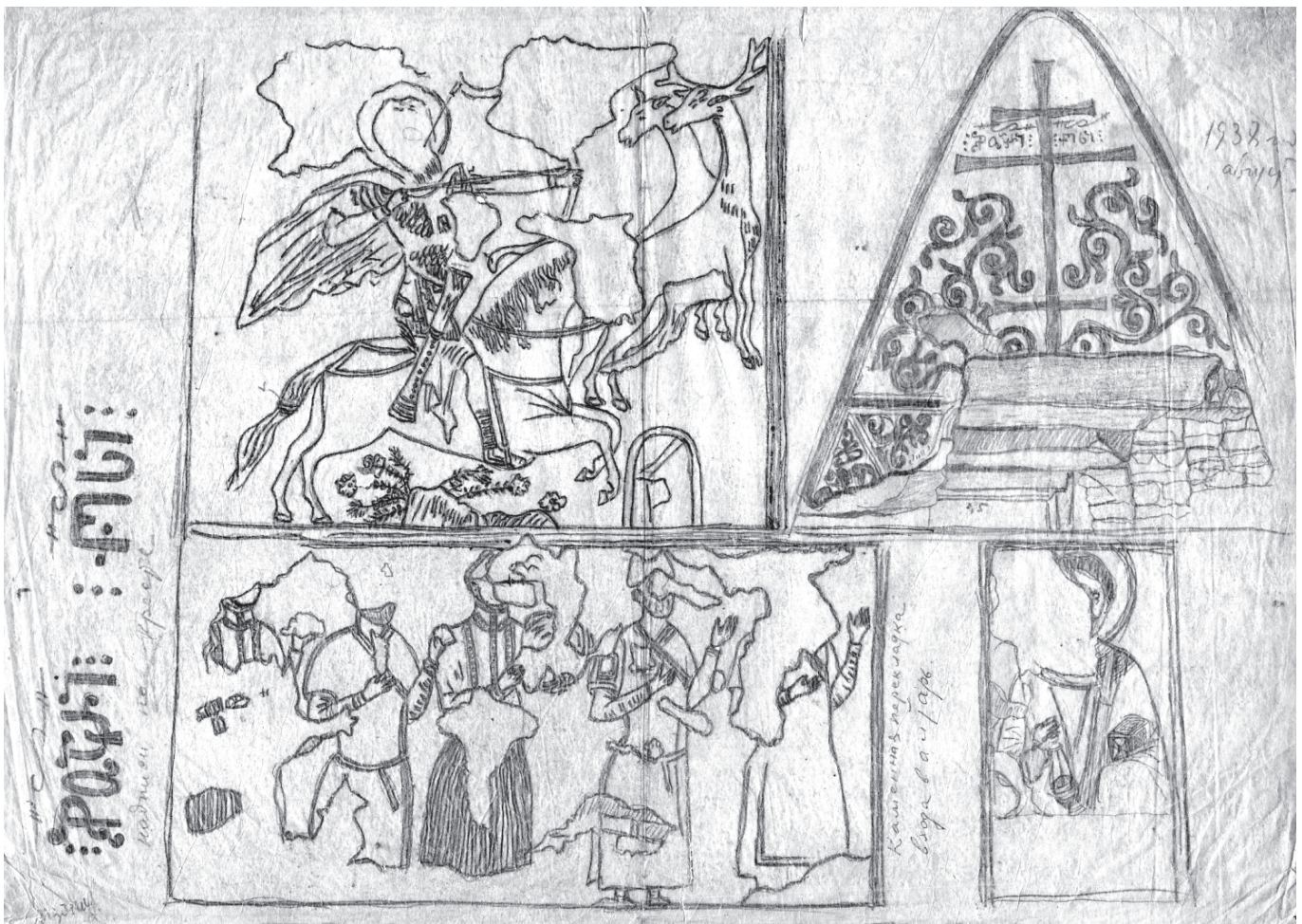
²⁵ ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 4, оп. 1, № 119, листы не нумерованы. В архиве имеется ряд негативов с фресок, а также кальки с прорисовкой надписей нузальского храма, в том числе и самая ранняя из известных мне копий так называемого “автографа художника”, впервые опубликованного В. А. Кузнецовым (напр.: Кузнецов 1990: 73-73). К. А. Берладина работала в Осетии уже после войны, калька же датирована августом 1938 г. Возможно, это материалы другого исследователя. Так, по указанию Е. Г. Пчелиной, уроженец Нузала Темиркан Тасоевич Мзоков (1892-1942), “получивший хорошее образование, будучи больным, после революции жил в Нузале, посвящая весь свой досуг записыванию преданий и изучению фресок Нузальской часовни” (Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 29). Он, в частности, снимал копию с “автографа художника”. Исследователь представлял свои материалы Е. Г. Пчелиной, и упомянутая калька может происходить из его архива.

²⁶ В. С. Толстой побывал в Нузале в 1840-х гг. (Толстой 1997: 68-69). Графиня П. С. Уварова отмечает, что иконостас

совершено с учетом алтарной преграды. Это в очередной раз опровергает версию, что перед нами типичный осетинский “склеп с открытой поминальной камерой и впущенным в материк погребением”²⁷, позже якобы переделанный в “часовню”. Захоронение было совершено именно в христианском храме – в его наосе,

располагался “не на своем месте”, т. к. пересекал “одну из пяти нижних фигур” (Уварова 1887: 42). Этот иконостас был подарен князем Воронцовым и его женой, и демонтирован перед раскопками Е. Г. Пчелиной. Видимо, его фрагментом является сохранившийся в храме деревянный позолоченный крест. Древняя каменная преграда могла быть разобрана с целью расширения алтаря при миссионере протоиерее Николо Самарганове “родом из города Горий”, присланном в Осетию после экспедиции князя Абхазова (Миллер 1998: 362). Известно, что Н. Самарганов в 20-х гг. XIX в. вкладывал свои средства в ремонт храма. Жители Нузала обвиняли его в порче фресок и в похищении неких рукописей и сокровищ. Аналогичные кражи “инкриминировали” и другим грузинским священникам, служившим в Нузале и Зруге (Маркович 1906: 68; Пфаф 18716: 151), поэтому очевидно, что эти рассказы тенденциозны и являются отражением не всегда доброжелательного отношения к грузинскому духовенству в Осетии, что отмечалось в литературе (см., напр. Толстой 1997: 23; Гатуев 1901: 45-47). Работа по разборке преграды в сознании нузальцев, вряд ли разбивавшихся в нюансах православного богослужения и понимавших смысл этой переделки, со временем могла трансформироваться в разрушение фресок.

²⁷ Мужухоев 1985а: 78; Мужухоев 1985б: 91.

Илл. 6. Изображения северной и западной стен. Рисунок из архива К. А. Берладиной.

и именно в соответствии с христианским обрядом: как указывает Е. Г. Пчелина – “головой на запад – лицом на восток”.²⁸

О первоначальном предназначении постройки для литургического богослужения свидетельствует и вставленный в “шелыгу” свода сосуд-голосник. Применение голосников восходит к античности и было распространено по всему христианскому миру. Эти сосуды главным образом использовались для облегчения веса перекрытия, но очень часто они вставлялись в кладку отверстиями внутрь помещения для улучшения его акустических свойств (хотя вовсе не являлись обязательной деталью интерьера).²⁹ Такие сосуды-резонаторы имеются в Среднем храме Нижнего Архыза и в Шоанинском храме, а также во многих памятниках грузинской школы, например, в своде колокольни Гергетис Самеба в Хеви (около Казбеги) и в Зругском храме. В Нузале голосник всего один, он расположен отверстием внутрь помещения непосредственно над алтарной частью. Очевидно, что в данном случае никакой речи об облегчении свода идти не может – сосуд служил резонатором – внутри усыпальницы проводились службы. Нет также никаких сомнений, что голосник был вмонтирован в процессе строительства, а не позже – сомнительно, чтоб ради столь второстепенной детали стали разбирать кладку свода.

Кроме того, уже отмечалось (не мной), что все проемы в памятнике первоначальны. Во всяком случае, визуально следы их позднейшей пробивки не заметны, в склепах же, с которыми памятник постоянно сравнивают, окон не бывает, что отметил В. А. Кузнецов.³⁰

Вообще, автор этих строк не видит в нузальском храме какого-либо элемента, противоречащего правилам канонического христианского строительства. Перед нами вполне традиционная, только совсем маленькая, однонефная базилика, каких множество по всему византийскому миру, в том числе в Грузии и западной Алании. Пожалуй, основное, если не единственное, отличие нузальского памятника от подобных храмов – это конструкция перекрытия его удлиненного пространства. Именно высоким ложным сводом и сланцевыми полочками снаружи определяется некоторая необычность внешнего облика сооружения, что стало причиной постоянных сравнений “Нузалы аргъуан” со склепами. Но такое устройство перекрытия – не более чем свидетельство работы местных зодчих. Выбор конструкции и формы верхней части храма – это вопрос не каких-то “узаконенных” правил, а технического

потенциала строителей и финансовых возможностей заказчиков. Не смущают же никого пещерные церкви, также не имеющие “каноничного” завершения. Отвлекаясь, отметим, что на поздневизантийский период (да и на более раннее время) практически не известно текстов, регламентирующих храмостроительство – и их действительно не было. Как верно указывает И. Л. Бусева-Давыдова, “теоретически православный храм может иметь любую конструкцию и любой внешний облик. То, что современные авторы, говоря о храмостроении, называют «каноном», в действительности является традицией, не имеющей канонического основания”.³¹ Именно использованием привычных форм объясняется сходство “Нузалы аргъуан” с другими местными постройками (так же как, например, деревянные клетские церкви похожи на избы, чему прекрасным примером служит Реком). Замечу, что если бы описываемый памятник был перекрыт стропильной конструкцией или обычным коробовым сводом, то споры о его первоначальном “языческом” назначении вряд ли бы возникли.

Нет никакого противоречия православному храмостроительству и в отсутствии полукруглого алтаря. Грузинские храмы с “плоскими” алтарями распространены и хорошо известны, что отмечалось В. А. Кузнецовым. Алтарные части таких сооружений чаще всего перекрывались полукуполами-конхами на трюпах. Вместе с тем зальные храмы, совсем не имеющие конхи и перекрытые только коробовым сводом (или стропилами), известны в христианской архитектуре с древнейших времен. Это, в частности, храмы в Бюракане, в монастырях Гтчаванк и Гтич в Армении³², также церкви с прямоугольными алтарями в Верхнем Чирюрте в Дагестане, которые связывают с многочисленными памятниками христианского Востока от Сирии и Месопотамии до Средней Азии и Закавказья.³³ Из грузинских “бесконховых” храмов могу назвать зальную церковь Архангелов в сванском селении Цвирми (IX в.)³⁴, а также церковь-усыпальницу семейства Ласуридзе в монастыре Сапара (или Сафара) в южной провинции Грузии Самцхе-Саатабаго (нач. XIV в.)³⁵. Известны многочисленные боковые придельные храмы с подобной конструкцией алтаря в так называемых “трехцерковных” (двухпридельных) базиликах: их, например, мы встречаем в монастыре Убиси (XII в.), в церквях селений Хциси (северный придел, 1002 г.) и Згудери (X-XI вв.). Правда, в основном приведенные примеры более ранние. Но и в поздней архитектуре Грузии (XVII-XIX вв.) алтари без конхи являются весьма распространенным явлением. Это свидетельствует о том, что форма алтарной части нузальского храма не является чем-либо необычным и может объясняться как небольшими размерами постройки, так и “неумением” каменщиков, не принадлежавших к центральной строительной традиции Закавказья.

Остается неясным происхождение двух вертикальных швов на восточном фасаде памятника. Они

²⁸ Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 14 и черт. Фиксационный чертеж каменного ящика, без указания его ориентировки по сторонам света, приведен в работе Т. Б. Мамукаева (Мамукаев 1969: 33). В. А. Кузнецов дважды воспроизвел план ящика, оба раза с направлением расширяющимся торцом (т. е. головой) к алтарю (причем изображение на весьма схематичном плане и разрезе храма совершенно не соответствует реальному масштабу: Кузнецов 1990: 174, 180). Об истинном же расположении погребения можно судить по приведенной цитате Е. Г. Пчелиной и по чертежу в ее отчете, на котором ящик сориентирован как раз в противоположную сторону.

²⁹ Раппорт 1994: 51-53.

³⁰ Кузнецов 1990: 61.

³¹ Бусева-Давыдова 2004: 64-65, 71.

³² Любезное указание А. Ю. Казаряна.

³³ Магомедов 1983: 158-159, 162 и далее; Якобсон 1983: 79-84; Кузнецов 2002: 23.

³⁴ Аладашвили, Алибегашвили, Вольская 1983: 114-115.

напоминают заложенный большой проем или нишу, низ которой находится на высоте почти 2-х метров над уровнем земли и пола. Со стороны интерьера стена покрыта штукатуркой с росписью, а на фасаде промежутки между камнями промазаны современным раствором, что препятствует тщательному обследованию кладки. Попытки объяснить происхождение этих швов, предпринятые Е. Г. Пчелиной, М. Б. Мужухоевым и В. А. Кузнецовым, одинаково не дают окончательного ответа. Е. Г. Пчелина высказывала предположение, что это лаз в «замаскированное убежище «хъагжнж»» Но такая версия кажется фантастичной, тем более что аналогий тому неизвестно не только в Осетии, но и по всему кавказскому региону. Не менее сомнительна и другая точка зрения, также предложенная Е. Г. Пчелиной и повторенная М. Б. Мужухоевым – что памятник представляет собой перестроенный «склеп с открытой поминальной камерой и впущенным в материк погребением», а указанные швы – это след переложенной «поминальной камеры». М. Б. Мужухоев считает аналогией относительно немногочисленные вайнахские, а также осетинские (известные исключительно в Тагаурии и только полуподземные) склепы с поминальной камерой, либо с «притвором» или «портальные» – с арочным оформлением фасада.³⁶ Такие ниши или камеры имеют только три стены. Отсутствует одна из торцовых стен, и это – вход в камеру, выглядящий как широкая арка, причем открытые «притворы» или ниши «являются как бы наружным продолжением «ложного свода» камеры».³⁷ Подобную арку никак нельзя назвать «лазом» – ширина «входного проема» определяется расстоянием между боковыми стенами склепа. В Нузале же существовали все четыре стены, и проем в камеру выглядел бы именно как широкий лаз, проделанный в восточной торцовой стене. При этом изнутри по сторонам от предполагаемого лаза имелись бы заплечики, образованные отрезками восточной стены, чего в указанных вайнахских и тагаурских примерах не бывает. Очень важно отметить, что и датировка таких склепов по сравнению с нузальской церковью значительно более поздняя.³⁸

В. А. Кузнецов, приводя убедительную аргументацию против версии о перестройке храма из склепа, предположил, что это была ниша «для помещения в нее плиты с изображением ктиторов, как это можно видеть на фасаде храма Тхаба-Ерды в Ингушетии, либо в качестве киота для иконы».³⁹ Как известно, резные блоки в Тхаба-Ерды – это часть декора храма грузинской школы, который неоднократно перестраивался, и блоки перемещены со своих первоначальных мест. Напрашивается сразу ряд вопросов. Почему в нузальском

храме больше нет резных деталей? Кто плиту вынул, а если она выпала сама, то куда пропала – почему не была установлена на место или сохранена? Ведь, судя по всему, к «Нузалы аргъуан» всегда относились с почтением. Красноречиво и отсутствие параллелей среди местных памятников. И, в конце концов, когда, а, самое главное, зачем ниша была так тщательно и аккуратно заложена заподлицо с поверхностью стены? Не могут ли здесь иметь место следы каких-то изменений в процессе строительства или просто совпадение промежутков между блоками, случайно «выстроившихся» в одну линию? Тем более что форма перекрытия предполагаемого проема или ниши четко не прослеживается. Впрочем, известно, что в конце 1830-х гг. производился ремонт храма с восстановлением разрушенной кладки⁴⁰, тогда и могли для «благообразия» заложить нишу. Но старый строительный раствор между камнями предполагаемой закладки (там, где он вычленяется среди поздних добавлений) визуально кажется аналогичным первоначальному древнему. В любом случае, версия В. А. Кузнецова представляется наиболее предпочтительной. Я присоединяюсь к точке зрения Владимира Александровича, что здание с самого начала сооружалось как храм, и полагаю, что происхождение этих швов следует увязывать именно с храмовыми функциями памятника. Описанная проблема еще долго будет вызывать споры – для окончательного ее решения необходимо проведение зондажей кладки и сравнительного анализа раствора.

⁴⁰ Кузнецов 1990: 59.

Илл. 7. Входной проем. Фотография 1956 г.

³⁶ Крупнов 1971: 92-93; Каменная летопись... 1994: 138, илл. 127, 151, илл. 139 и далее; Тменов 1984: рис. 25, № 14-18; рис. 32, № 1; Тменов 1996: 141, 142; илл. 40, № 5-13; илл. 53, № 9-14; Тменов 1979: 29-32.

³⁷ Тменов 1979: 29.

³⁸ Датировка надземных склепов XIV в. (Мужухоев 1977: 62 и далее) спорна. Кажется более реальным время строительства подобных сооружений не ранее XVI в. (см., напр.: Тменов 1979: 137-141). Однако этот вопрос выходит за рамки предлагаемой работы.

³⁹ Кузнецов 1977: 134.

Кстати, порог входного проема нузальской церкви изначально был выше, на что указывают выступающие снизу блоки, в настоящее время тщательно покрытые реставрационной обмазкой, но хорошо различимые на старых фотографиях (илл. 7). Следует полагать, что проем увеличили при одном из ремонтов храма в XIX в. Порог был выше на два ряда камней – как минимум на 40 см, притом, что и в настоящее время он заметно поднят над уровнем пола (который, в свою очередь, был еще ниже). Верх же и ширина проема (по мнению М. Б. Мужухоева “не производящего впечатления древнего”⁴¹) первоначальные, судя по незначительным фрагментам фресок, сохранившимся на южном дверном откосе, в том числе под самым “косяком”. Столь небольшие входные проемы встречаются как в средневековых сакральных, так и в гражданских постройках по всему миру, что часто определяется практическими целями. Единственный и очень невысокий вход имеет крупный храм Опиза в Кларджети, что связывают с оборонными функциями.⁴² Так называемая “дверь покорности” в храме Рождества в Вифлееме сделана очень низкой якобы для того, чтоб в него не могли проехать иноверцы на конях. Высокий порог нузальской усыпальницы вызывает в памяти входные проемы церковей “дигорской группы” (хотя надо признать, что предлагаемые аналогии поздние). Имеются в виду два сооружения в Дигорском ущелье (связанном, кстати, перевалом с Алагирским). Это “Сатайи Обау” у могильника Донифарс-Лезгор и “Юз Дзуар” в Галиате.⁴³ В указанных сооружениях эти очень небольшие (но крупнее лазов в склепах) проемы подняты на высоту почти метра над уровнем земли. Такая неудобная в нашем понимании форма входа, скорее всего, связана с частным характером богослужения и закрытостью этих фамильных молелен от посторонних. Приходит на память отмеченная в XVIII в. Я. Рейнеггом “таинственность”, которой покрывали свои обряды осетины: “Крещенный и мусульманский осс делает из своих старинных торжественных и суеверных обрядов тайну и язычнику никогда не открывает таковых. Он никогда даже не покажет предмет своего поклонения, под которым он подразумевает духа или бога, никому, даже своему ближайшему кровному родственнику...”⁴⁴

Значение архитектурных форм нузальского храма в том, что из сохранившихся памятников – это древнейшее более или менее датированное сооружение Северного Кавказа, перекрытое “ложным” сводом и имеющее сланцевые “полочки” по внешним скатам

⁴¹ Мужухоев 1985а: 79; Мужухоев 1985б: 92.

⁴² Павлинов 1893: 64; Закарая 1992: 69.

⁴³ По моему мнению, построены не ранее XVI в. К этой группе принадлежит и храм в Фараскатта, где вход, возможно, переделан. Об этих сооружениях см., напр.: Кобычев 1979: 149; Кузнецов 1977: 151-155, илл. 24, 5-6, 29, 2-5; Тменов 1984: илл. 45, 47; Тменов 1996: 164-166, 169-170, илл. 61, 5-8, 62, 3-4, 63, 6-10. О связи строительной традиции указанных построек (не исключено, что все они – погребальные) с нузальским храмом-усыпальницей в определенной степени свидетельствует голосник, существовавший в западной стене “Сатайи Обау” (возможно, их было два), отпечаток которого мной зафиксирован при обмере памятника.

⁴⁴ Рейнеггс 1967: 92-93.

кровли. Сравнивая формы “Нузалы аргъуан” с архитектурой наземных (именно наземных!) склепов, всегда следует учитывать, что сохранившиеся погребальные сооружения такого типа вряд ли были построены ранее XVI в. Представляется затруднительным указать на подобные памятники “местной традиции”, которые следует уверенно относить к предшествующему периоду. Выступающие между рядов кладки сланцевые плиты-полочки характерны именно для поздней архитектуры горских народов Северного Кавказа и Восточной Грузии (Пшав-Хевсуретии и Тушетии). Такие плиты обычно располагаются несколькими рядами и играют не только и не столько декоративную роль, сколько служат “водосливами” или “капельниками”, защищающими кладку от намокания. Это своего рода вариант лещадного кровельного покрытия, вероятно, порожденный крутизной ложных сводов. Более пологие своды или стропильные конструкции покрывали положенными внахлест сланцевыми плитами, державшимися за счет собственного веса (такие кровли распространены по всему Кавказу). Для сильно покатої поверхности ложного свода нашли остроумный способ закрепления “лещади” между рядами кладки, что и породило экзотичный облик сооружений. Надо отметить, что в “Нузалы аргъуан” на каждом склоне свода только по одному ряду выступающих плит. Расположены они по линии перелома со стены на кровлю и более напоминают карниз. В нашем памятнике “полочки” кажутся бесполезным элементом с точки зрения практики, но при этом они, расчленяя фасады, вносят в лаконичную архитектуру усыпальницы элемент тектоники. Хотя “свод в экстерьере неоднократно перекадывался, и его облик мог быть искажен”⁴⁵, дополнительных рядов плит выше по скатам свода, скорее всего, не было изначально. Если это так, то возникает вопрос: можно ли уверенно считать полочку-карниз нузальского храма тем же самым архитектурным элементом, что и “капельники” у склепов и башен?

Итак, сравнивая нузальскую церковь со склепами, мы находим больше отличий, чем черт сходства. Подобие заключается только в конструкции свода и наличии погребения. Остальное: характер этого погребения (грунтовое), присутствие световых проемов, “правильная” ориентация по сторонам света, голосник, ранняя датировка, и, наконец, преграда и фрески – все это “отталкивает” “Нузальскую часовню” от склепов. Конечно, памятник мог изначально иметь какие-либо иные функции, но этому нет серьезного подтверждения. Версия о “дохристианском прошлом” нашего храма слишком умозрительна – она возникла из-за внешнего сходства со склепами и основана на распространенном в советской историографии поиске языческих основ в христианских (и не только христианских) памятниках.

К системе росписи.

Вернемся к фресковым изображениям на стенах храма. Напомню, что в нижнем регистре изображения делятся на две группы. Во-первых, это фигуры в светских костюмах, не имеющие атрибутов святости.

⁴⁵ Кузнецов 1990: 63.

Они расположены на северной стене и представлены в рост. Другая группа – это полуфигуры священнослужителей с нимбами, размещенные по трем стенам в восточной части храма. Причем, как уже указывалось, от остальных композиций в нижней части росписи изображения лиц священного сана были отделены алтарной преградой. Согласно версии В. А. Кузнецова, все сохранившиеся фигуры этого регистра являются представителями колена Царазонта (в том числе одетые в богослужебные облачения и имеющие нимбы). В целом же, как считает ученый, здесь представлен “генеалогический” ряд правящего алано-осетинского рода, охватывающий два с половиной столетия. При этом исследователь опирался на работу И. А. Лолашвили, в которой сделана попытка идентификации “светских” изображений описываемой росписи и окончательно отведена версия о связи усыпальницы с именем Давида Сослана. Надо отметить, что ни И. А. Лолашвили, ни В. А. Кузнецов о существовании алтарной преграды в нузальской церкви не знали. По их мнению, там, где мы видим след примыкания темплона, должны были находиться ныне утраченные изображения ктиторов или святых.⁴⁶

Атрибуция И. А. Лолашвили и В. А. Кузнецова была основана, прежде всего, на прочтении надписей около фигур, частично совпавших с именами, упомянутыми в двух связанных с историей Осетии и Грузии письменных источниках. Эти источники – “генеалогия правящих династий феодальной Алании XI-XII вв.”⁴⁷, заканчивающаяся на “сыне царя овсов” Давиде Сослане, а также загадочная “нузальская стихоэпитафия”, которая якобы была написана на стене церкви (текст “эпитафии” приводится далее).

Указанная “генеалогия” фигурирует в исторической хронике “Картлис цховреба”, хотя по мнению Г. Д. Тогошвили, свободно владевшего грузинскими письменными источниками, данная схема является результатом фальсификации XVIII в., связанной с династическими интересами рода Багратиони.⁴⁸ Согласно этому тексту, скончавшийся в 1205 или 1207 году Давид Сослан был потомком грузинского царя Георгия I Багратида и “дочери царя овсов” Альды, живших в XI в. У Альды был сын Дмитрий, после гибели которого Альда вместе с его сыном Давидом бежала в Осетию. “Здесь Давид был усыновлен; он женился на принцессе царской крови. От Давида родился Афон, от Афона Джадарон, от Джадарона Давид Сослан, муж знаменитой Тамары”.⁴⁹

Другого из упомянутых выше источников, так называемой “эпитафии” (“нузальской надписи”, “нузальского стихотворения”), якобы имевшейся в храме, в

середине XIX в. уже не существовало, но ее текст неоднократно публиковался. Известно несколько вариантов этого произведения, написанного на грузинском языке. Они отличаются в деталях, не меняющих общего смысла. В тексте “эпитафии” очевидны фольклорные истоки; древнее ее происхождение также до сих пор вызывает споры. Привожу один из переводов, опубликованный В. А. Кузнецовым: “Нас было 9-ть братьев – Царазоновы – Цахиловы: Ос-Багатар, Давид и Сослан – с 4-мя царствами борющиеся. Фидарос, Долароз, Сокур – Георгий, с презрением на врагов взирающие. Братья наши Исаак, Романоз и Басил сделались добрыми рабами Христа (монахами). Мы содержим в 4-х углах узкие проходы дорог. В Касаре имею укрепление и сабаже (заставу), здесь содержу двери моста, о будущем обнадежен, в настоящем благополучен. Руды золота и серебра имею в таком обилии, как вода. Покорил кавказцев, противустал 4-м царствам (народам). У грузинского (батони) князя похитил сестру, не оставил своего рода; настиг меня, клятвою обманул, наложил на себя вину мою (грех). Багатар утонул в воде, войско осетин истреблено”.⁵⁰

Итак, по мнению В. А. Кузнецова, на стене усыпальницы мы видим изображение представителей мужской линии аланской правящей фамилии, часть из которых упомянута в “генеалогии”, а часть – в “эпитафии”. Среди фигур нижнего яруса исследователем были выделены “группа генеалогических предков”, “группа выдающихся воинов” и “группа первосвященников”.⁵¹ Интерпретация уважаемого ученого такова: начиная от входа расположены показанные в рост Давид (сын Георгия I и Альды, самый старший в ряду, но позади всех), Афон (Атон), Джадарон (предположительно) и Сослан, на котором родословие из “Картлис Цховреба” заканчивается (на фреске он почему-то представлен младенцем). Это – “группа генеалогических предков”. Далее расположены жившие в последующее время члены того же рода Фидарос и Елиа, возможно бывшие братьями. Причем впереди ряда – похороненный в храме младший из “братьев” Ос-Багатар, в подписи названный своим христианским именем – “Елиа” (как считает исследователь, “... номинация “Ос-Багатар” – не личное имя, а титул военного вождя осетин...”).⁵² Эти две фигуры, также показанные во весь рост – “группа выдающихся воинов”. Затем, согласно указанной версии, расположена “группа первосвященников” – полуфигурные изображения четырех священнослужителей – упомянутые в “эпитафии” Исаак, Романоз и Басил, сделавшиеся “добрыми рабами Христа” (что трактуется как указание на их монашество), и Сокур, “грозно встречавший врага”, но почему-то представленный диаконом.

Такая трактовка фигур первого регистра, несмотря на очевидные противоречия, была поддержана

⁴⁶ Лолашвили 1971: 53; Кузнецов 1977: 136.

⁴⁷ Кузнецов 1990: 86.

⁴⁸ Тогошвили 1981: 102-113; он же 1990: 10-40.

⁴⁹ И. А. Лолашвили приводит цитату из рукописи Вахушти Багратиони, что существует “маленькая церковь внутри Касарского ущелья, где нарисованы с надписями: Деметре и сын его Давид, сын Давида Атон, сын Атона Джадарон, сын Джадарона Сослан Давид, который был мужем Тамар”. Считается, что речь здесь идет о нузальском храме (Лолашвили 1971: 63; Кузнецов 1977: 138). Отмечу, что ни один из персонажей “генеалогии” не назван царем.

⁵¹ Кузнецов 1990: 89.

⁵² Кузнецов 1990: 85. Вместе с тем, по грузинским источникам “Багатар” – это имя, и с грузинского языка “Ос-Багатар” переводят как “осетин Багатар” (см., напр.: “О войне Вахтанга с оссом Бакатаром и убийстве Бакатара Вахтангом” – Аласаниа 1986: 110).

Илл. 8. Восточная часть северного склона свода. Фотография 2004 г. Видно отверстие голосника.

в работах ряда авторов.⁵³ Четыре подписи на фресках действительно совпадают с именами, упомянутыми в “эпитафии” (Сослан, Фидарос, Басили, Романоз). Однако достаточно общих знаний по системе внутренней декорации восточнохристианского храма, чтоб придти к однозначному выводу, что расположенные в алтарной части нузальской церкви изображения священнослужителей с нимбами (в их числе как раз Басили и Романоз) к Царазонта не имеют никакого отношения. Все четыре поясные фигуры без малейшего сомнения

⁵³ По авторитетному заключению В. И. Абаева, “такое отождествление связано с натяжками, и, может быть, не стоит на нем настаивать” (Абаев 1990а: 464). Нельзя не отметить версию Т. Б. Мамукаева, по которой в “эпитафии” говорится о шести персонажах (Мамукаев 1969: 109): номинацию “Ос-Багатар” следует объединять с именем Давид Сослан (“багатар” – осет. “отважный”), “фидар” переводится как “крепкий”, “стойкий” и является определением-прозвищем имени Джадарон, а “Сокур” (“сохъхъыр” – “кривой”, “одноглазый” и “слепой”) следует увязывать с именем Георгий. Речь идет о Давиде Сослане, его отце Джадароне – военачальнике Джада, и сыне Георгии Лаша, у которого был поврежден глаз. Кстати, существует и другое толкование имени Лаша, якобы данного своему сыну самой Тамар и означающее “Просветитель Вселенной”, что связывают с абхазским словом “алаша” – “свет, светоч” (Лордкипанидзе 1990: 54). Интерпретация Т. Б. Мамукаева в основном совпадает с точкой зрения Е. Г. Пчелиной (ОРФ СО-ИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 21: 122-128).

персонифицируются в соответствии с классическим византийским канонем храмовой росписи и соотносятся с расположенным выше Деисусом.

Прежде всего, вспомним, что полуфигуры священнослужителей, единственные из всего ряда в нижнем регистре имеющие нимбы, были отделены от наоса преградой и, соответственно, находились в сакральном пространстве алтаря. Как известно, по крайней мере, с XI в. общий принцип оформления алтарной части храма следовал единым правилам и сохранялся почти без изменений в течение многих столетий по всей восточнохристианской ойкумене. Верхнюю часть алтаря (обычно это конха) непременно занимало изображение Спасителя или Богоматери. Размещение в этом месте Деисуса характерно, прежде всего, для храмов восточных областей империи и связанных с ними регионов (в том числе Кипра, Малой Азии, Закавказья и Крыма), хотя встречается по всему христианскому миру. Как отмечает Ш. Я. Амиранашвили, “в тех грузинских и каппадокийских стенописях, где трехчастный Деисус занимает полукупол главной апсиды, отдельное изображение Страшного суда отсутствует. Это обстоятельство, несомненно, указывает на определенную догматическую связь композиции Страшного суда и Деисуса”.⁵⁴ Интересную параллель нузальским фрескам в композиционном построении и программе

⁵⁴ Амиранашвили 1957: 61.

росписи (правда, более раннюю – XI в.) мы встречаем в сванском храме Джграага – св. Георгия “в полях в четырех километрах к югу от высокогорного селения Адиши Ипрарской общины”.⁵⁵ В этой миниатюрной постройке изображения размещены всего в один регистр: в апсиде написан трехфигурный Деисус, на боковых стенах и склонах свода – обращенные к алтарю всадники Георгий (справа) и Феодор (слева), а на западной стене над входом – мучения грешников в аду. Иных изображений на стенах храма нет, и, кажется, в Грузии более “краткой” росписи не встречается. Очевидно, что все фигуры здесь подчинены единой программе (образы конных мучеников логически связаны с апокалиптической темой, о чем будет речь ниже). Фресковый декор Адиши является лапидарным изображением Второго пришествия, что согласуется с приведенным высказыванием Ш. Я. Амиранашвили.

Именно трехчастный Деисус мы видим в верхнем регистре алтаря нузальской церкви. Причем изображение Христа дано по пояс, и по масштабу оно значительно крупнее фигур предстоящих. Аналогичная разница в масштабе деисусных фигур известна в памятниках Закавказья, Малой Азии, Крыма (и даже Западной Европы). Возможно, здесь нашли отражение древние традиции восточного искусства, но в нузальском варианте это можно объяснить и стремлением художника сохранить монументальность, вписав образ Спасителя в непривычный по форме щипец восточной стены.⁵⁶ Важно отметить, что нузальский Деисус представлен в варианте, известном исключительно по алтарным конхам грузинских храмов (причем в основном сванских): Христос с предстоящими Богородицей и Иоанном Предтечей окружены Ангельским Воинством. В Нузале эта сложная по символике композиция, основанная на пророчествах о Втором пришествии Христа⁵⁷, размещена, за неимением привычной

полукупольной конструкции, по восточному щипцу и примыкающим к нему отрезкам свода. Сонм ангелов в данном случае передан несколько утрированно – между нимбами архангела Михаила и Богородицы (илл. 8), а также Гавриила и Предтечи видны верхние части двух кучерявых голов с характерными ангельскими повязками. Хотя изограф мог ограничиться только двумя фигурами ангелов (вернее, изображениями возглавляющих иерархию Сил Бесплотных архангелов Михаила и Гавриила), он “втиснул” дополнительные головы на второй план. Эта деталь явно играет принципиальную роль: автор росписи стремился показать не просто двух охраняющих престол Господень архангелов-протоспафариев, а все ангельские чины: “предстоят Тебе тысящи архангелов и тмы ангелов, херувими и серафими, шестокрылатии многоочитии, возвышающиеся пернатии...”⁵⁸. При этом надо было вместить столь многосоставную и сложную по смысловому наполнению сцену в ограниченное по площади и непривычное по форме пространство. Из-за нехватки места образ ангельского сонма, точнее – Сил Небесных, сведен до уровня знака, но этой “дополнительной” деталью-символом была подчеркнута эсхатологическая направленность композиции, соответствующая погребальному назначению храма.

Кстати, фигуры архангелов в нузальской росписи выступают за пределы, “ограниченные” алтарной преградой. Какого-либо противоречия традиции в этом нет – “сакральное зонирование” храмового пространства всегда воспринималось довольно условно. Подобным образом, например, в небольших храмах Ипрари, Пхотрер и Жибиани (Верхняя Сванетия) изображения архангелов, связанные по содержанию

соединяется с “видением Исаии”, а к XII в. сливается с Деисусом. Распространен и краткий извод Деисуса в апсиде только с двумя архангелами. В конхе храма Тбети в Тао-Кларджетии представлен Спас на престоле в окружении сонма ангелов, но без Богородицы и Предтечи (XI или XIII в.). Деисус в окружении “небесного воинства” (по тексту литургии “ангельскими невидимо дориносима чинми”) мы видим в большинстве изображений Страшного Суда, что снова указывает на апокалиптические мотивы аналогичных композиций в алтарях. Расположенные в апсидах Деисусы-Видения с ангельским сонмом (как в Нузале, но более развернутые) известны исключительно в Грузии: в росписях Накипари, Мацхвариши, Цвирми (кон. XI – нач. XII в.), Хе (XIII в.), Пхотрер (XIII в.), Чохулд (XIII в.), Тангил (XIII в.) и Местиа (ц. Пусда, XII в.) в Верхней Сванетии (о двух последних памятниках см.: Шевякова 1983, илл. 85, 102 и комментарии к рисункам), Убиси в Имеретии (XIV в., илл. 9). Еще три сванских памятника этой группы мне любезно указаны Н. Э. Чихладзе: Мами, ц. Спаса (X в.); Муцди, ц. Архангелов (кон. XIII в.); Сакдари, ц. св. Георгия (XV-XVI в.) – (National Cultural... 1998: 238-239, fig. 112, 117). О распространении иконографической композиции “Деисус” в грузинских памятниках, а также библиографию см. напр.: Thierry 1974: 5-22; Velmans 1981: 47-102; Амиранашвили 1957: 59-65; Вирсаладзе 1955: 227-228; Вирсаладзе 1963: 120-121; Аладашвили, Алибегашвили, Вольская 1966: 16-17; Привалова 1977: 22-23; Привалова 1980: 175-176, 179, прим. 9; Аладашвили 1983; Аладашвили, Алибегашвили, Вольская 1983: 40-43, 88-90.

⁵⁸ Из евхаристической молитвы Иоанна Златоуста.

⁵⁵ Шевякова 1983: 25; илл. 91-94. В литературе фигурирует как “Адиши за деревней”. Не путать с церковью такого же посвящения в самом селе.

⁵⁶ В восточные полуциркульные люнеты бесконховых алтарей в Цвирми, в церкви св. Марины в Сапара и в южном приделе в Убиси вписаны трехфигурные поясные Деисусы.

⁵⁷ Считается, что перед нами пример сложной редакции Деисуса, в которой с собственно Деисусом слилась композиция “Христос во Славе”. Это один из вариантов апокалиптической сцены Теофании-Видения, широко распространенной в алтарных конхах церквей Христианского Востока (в Каппадокии их сохранилось более 20: Jolivet-L. в 1991: 337), но известной также в памятниках Балкан (напр., Печ, ок. 1260 г.), Западной Европы (напр., фреска VIII в. в церкви Санта-Мария Антиква в Риме) и проч. В Грузии варианты такой композиции известны как минимум с X в. (Цамебули) и вплоть до позднего Средневековья (Бугеули – XVI в., Корети – XVII в.). Здесь также могут присутствовать херувимы, тетраморфы, крылатые и огненные колеса – детали, заимствованные из Апокалипсиса и пророческих видений, связанных с концом Света и воплощающих в себе ветхозаветный образ евхаристии. Иногда в подобные композиции вводятся и фигуры пророков Исаии и Иезекииля – прямое указание на литературный источник. Примеры композиции “видения Иезекииля”, размещенной в апсидах, известны в Египте, на Ближнем Востоке и в Закавказье с доиконоборческих времен, позже она

Илл. 9. Убиси. Деисусная композиция в конхе апсиды. Фотография 2003 г.

с Деисусом в конхе, вообще полностью вынесены на свод наоса.⁵⁹

Независимо от количества регистров росписи, в нижней части алтаря практически неизменно изображали ряд святителей в епископских облачениях, как бы соучаствующих в литургии одновременно с присутствующими в храме. Одним из символических значений этой композиции является преемственность Церкви непосредственно от Христа. Святители могли быть изображены в полный рост и по пояс, фронтально, либо в трехчетвертном повороте. В нашем случае фигуры поясные и фронтальные, подобно, например, декорации небольших апсид “Каранлык килисе” в Гёреме (Каппадокия, XI-XII вв.), или сванских храмов Лагурка (XII в.) и Барбал в Хе (XIII в.; здесь, кстати, в конхе написан Деисус с Ангельским Воинством, илл. 10). Святительский ряд с фронтальными изображениями по крайней мере с XI в. распространен повсеместно, но для XIV в. выглядит уже несколько архаично. Как известно, в конце XI столетия появляется “альтернативный” вариант – сцена “Служба святых Отцов” (“Поклонение Жертве”), не имеющая принципиального догматического отличия от фронтальной композиции, но более сложная по построению. В “Службе” отцы Церкви изображаются в трехчетвертном повороте и с образом “Жертвы” в центре. К XIII в. из указанных двух “версий” “Служба святых Отцов” становится преобладающей.⁶⁰ Именно ее мы видим в

грузинских росписях Бертубани, Озани, Сапара, Убиси, Сори, Дирби и т. д., как вообще в подавляющем большинстве восточнохристианских фресковых циклов этого периода. Но в тесной нузальской усыпальнице был выбран более краткий вариант, и это, полагаю, связано с чисто декоративным осмыслением задачи и во многом продиктовано недостатком места.

Количество фигур в святительском ряду может быть разным, что также зависит от размера храма, но в центре непременно помещали творцов важнейших литургических текстов Отцов Церкви Василия Великого и Иоанна Златоуста. Их изображения мы и видим на восточной стене нузальской церкви по сторонам от окна. Эти образы настолько обычны именно для алтарной части храма, а иконография до такой степени традиционна, что их нетрудно идентифицировать даже в случае полной утраты надписей и ликов. Святители одеты в епископские одежды – фелони с омофорами, а в руках держат закрытые кодексы. Епископ Кесарии Каппадокийской Василий Великий всегда изображается как чернобородый старец (“долгая до персей” борода и густые волосы), каким мы его видим в Нузале. Надпись около другого святого епископа полностью утрачена, а лик сильно поврежден, но тем не менее хорошо

сосуществовали как минимум до XVI в., иногда совмещаясь [напр. в росписи XVI в. в Табакини (Имеретия) две центральные фигуры – в повороте к центру, а остальные – фронтальные: Мамаиашвили 1991: 12, табл. VII]. О композиции “Служба св. Отцов” см., напр.: Церковь св. Георгия... 2002: 135-137.

⁵⁹ Аладашвили, Алибегашвили, Вольская 1983: 43, 35, рис. 13, 14.

⁶⁰ Впрочем, в восточнохристианском искусстве, в том числе в грузинском, фронтальный святительский чин и “Служба”

просматривается весьма характерный облик Иоанна Златоуста (худощавость, короткая редкая борода и высокие залысины), что не оставляет ни малейших сомнений в атрибуции этого образа.

По сторонам от Отцов Церкви, на южной и северной стене нузальского храма, изображены святые в диаконских облачениях – стихарях с ораями. Эти образы в алтарных композициях весьма часто фланкируют и замыкают святительский ряд. Диакон Романоз на южной стене покровенной левой рукой поддерживает закрытую книгу, а правая рука находится в жесте “приятия благодати”. Диакон на северной стене в левой покровенной руке держит ковчежец⁶¹, а в правой – кадило.

Этого диакона с кадилом И. А. Лолашвили отождествил с упомянутым в “нузальской эпитафии” воином Сокуром.⁶² На самом же деле никакого “Сокура” в этом месте изображено не было. Здесь, в соответствии с логикой и традицией, написан Первомученик архи-диакон Стефан, деяния и мученическая смерть которого описаны в Новом Завете (Деян. 6, 8 – 7, 60). На этот образ, кстати, указывал еще В. С. Толстой: “по правой стороне алтаря одно изображение неизвестно чье, а другое архидиакона Стефана; по левую сторону алтаря святого Василия и святого Романа”.⁶³ Фигуру Стефана практически всегда помещали в алтарях и в подавляющем большинстве случаев именно с северной стороны.⁶⁴

В Нузале от имени Первомученика ныне просматриваются лишь малозаметные следы. Но в материалах реставрации фресок 1973 г., когда сохранность красочного слоя была несравнимо лучше, имеется фотоснимок этой надписи. Кроме того, ее копия (точнее, зарисовка, не особо верная в пропорциях, но вполне соответствующая тому, что мы видим на снимке), опубликована Т. Б. Мамукаевым.⁶⁵ Надпись была исполнена шрифтом “асомтаврული” и состояла из двух строк (илл. 11). Полностью сохранилась только первая “с”-“ლ”. Незначительные фрагменты следующих двух знаков на прориси Т. Б. Мамукаева упущены, но хорошо видны на фотографии. Так, от второй буквы сохранилась часть вертикальной мачты, которая никак не могла принадлежать “о”-“ო”, но вполне подходит под

Илл. 10. Хе. Схема росписи алтаря (по Н. А. Алашвили, Г. В. Алибегашвили, А. И. Вольской).

фрагмент “т”-“ტ”. Третья буква по сохранившемуся верхнему углу реконструируется как “е”-“ე”. От следующего, четвертого в слове, знака осталась верхняя часть очень характерной формы, и это, без всякого сомнения, была литера, соответствующая греческой “фи”-“ϕ”.⁶⁶ Во второй строке на фотоснимке видны остатки вертикальной черты, закругляющейся внизу, и “точка” над ней. У Т. Б. Мамукаева же здесь почти полностью прорисована буква “а”-“ა”. Таким образом, без малейшего сомнения читается начало имени “Стефанэ”-“სტეფანე”. В работе И. А. Лолашвили воспроизведена та же копия-прорисовка из публикации Т. Б. Мамукаева,

⁶¹ Подобный атрибут диакона в виде прямоугольной коробочки в литературе именуется либо ладанницей, либо артофорием (дословно с греческого – “хлебоносец”, варианты – “дарохранильница” или “коробочка-пиксида для хранения св. хлеба”).

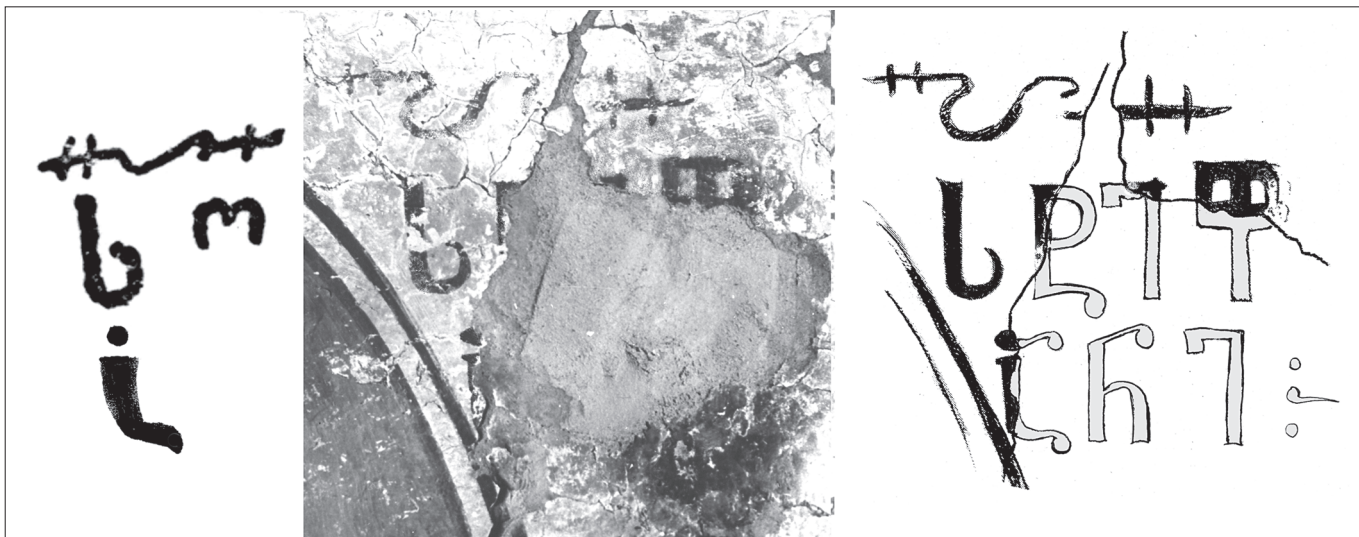
⁶² Лолашвили 1971: 31. А. И. Вольская и Н. А. Алашвили допускали здесь чтение “Германоз” (Кузнецов 1990: 67).

⁶³ Толстой 1997: 69.

⁶⁴ Среди грузинских росписей самые древние сохранившиеся изображения диаконов в алтарной части находятся “у наружного края апсиды” в монастыре Сабереби (IX-X вв.; Шевякова 1983: 10; илл. 27). Образ Стефана имеется, например, у северных “краев” апсид Озаани, Бертубани, Бедиа, Убиси и Сори. Вообще, “алтарные” изображения Первомученика столь распространены, что приводить еще примеры излишне.

⁶⁵ Мамукаев 1969: 114. В. А. Кузнецов указывает на какую-то зарисовку В. Л. Лакисова, якобы судя по которой здесь «были действительно буквы “со”» (Кузнецов 1990: 65).

⁶⁶ В грузинском языке “ϕ” – это губной придыхательный согласный звук, передающий, обычно, звук “ф” в словах негрузинского происхождения. Транскрибируется также как “п” (ср. “Фидарос”-“Пидарос”, “Сафара”-“Сапара” и т.д.). В одной из прежних публикаций соответствующую греческую букву я ошибочно назвал “фита” и пользуюсь случаем исправить ошибку. Греческое происхождение этого знака в грузинском алфавите подтверждается и самим его начертанием.

Илл. 11. Подпись Стефан (прорисъ Т. Б. Мамукаева, фотография подлинника 1973 г., калька-реконструкция).

но уже без буквы “а”.⁶⁷ В таком “подправленном” виде рисунок действительно выглядит как слог “Со...”, однако исполненный не в соответствии с остальными подписями на нузальских фресках – уставным шрифтом, а современной скорописью “мхедрули”: “*სო*”.⁶⁸ Результатом этой ошибки (или сознательной “подгонки” под желаемое прочтение?) стало ложное толкование указанной фигуры как “Сокур”, уже не одно десятилетие кочующее из публикации в публикацию.

Если первоученик Стефан – фигура “знаковая”, наиболее часто встречающаяся в росписях алтарного пространства, то выбор симметричной ему

⁶⁷ Лолашвили 1971: 32, илл. II. Другие приведенные И. А. Лолашвили рисунки нузальских надписей также взяты из публикаций В. Б. Пфафа и Т. Б. Мамукаева.

⁶⁸ Существует три основных вида грузинского шрифта: асомтаврули (заглавный), хуцури (нухури, нухуцури – строчный, церковный) и мхедрули (скоропись). Первые два очень схожи и употребляются в богослужебном письме (аналогично русским “уставу” и “полууставу”). Скорописный шрифт мхедрули ныне используется как повседневный рукописный и печатный. Грузинские подписи к изображениям в Нузале традиционно выполнены шрифтом асомтаврули. Скоропись-мхедрули сильно отличается от “заглавного” и “строчного” шрифтов. Совпадает написание лишь нескольких знаков, в том числе буквы “с”-“ს”, которая в нашем случае как раз полностью и сохранилась. Фрагмент же “ф” на зарисовке действительно напоминает букву “о”-“ო”, написанную скорописью (в “заглавном” варианте “о” выглядела бы совсем по-иному: “*ო*”). Надписи в Нузале палеографически характерны для XIV века. Скоропись “мхедрули” – светское письмо – стала широко использоваться во фресковой живописи только с XVI века (хотя в других случаях – напр., в деловой переписке – гораздо раньше). И. А. Лолашвили, вероятно, чтоб как-то объяснить бросающееся в глаза несоответствие шрифтов в его варианте чтения, предположил позднее поновление росписи, к которому, по мнению исследователя, относятся также якобы ошибочно помещенное около одного из “братьев” имя Ильи Пророка (?) и “совершенно нововведенный... русский (так! – Д.Б.) орнамент” вокруг креста над входом.

уфигуры не был столь регламентирован. Напротив Стефана могли изобразить Лаврентия, Филиппа, Пармена и других святых диаконов. Но в апсидах грузинских храмов в паре с Первоучеником весьма часто помещали именно диакона Романа. Так, образ “Романоза” имеется в южной части алтарей в Ахтала (XIII в.)⁶⁹, Убиси, Сори и Зарзма (вт. треть XIV в.), в Цаленджиха (кон. XIV в.). Это, несомненно, отражение определенной традиции, причем не только грузинской, а имевшей более широкое распространение – вплоть до Балкан (напр. Лесново в Македонии, ок. 1346 г.⁷⁰). В восточнохристианском месяцеслове известны два святых диакона с таким именем. Первый – священномученик Роман Кесарийский Антиохийский, погибший в 303 году. Другой не относится к лику мучеников – это преподобный Роман Сладкопеец, живший в VI в., классик литургической гимнографии, считающийся создателем особого жанра христианских песнопений – кондаков и икосов. На нузальской фреске Роман не имеет мученических атрибутов и подписан просто “цминда” – “святой”. Кодекс, а также жест правой руки, символизирующий “приятие” благодати или откровения, свидетельствуют, что перед нами – “творец кондаков” Роман Сладкопеец, свой поэтический и певческий дар чудесным образом получивший свыше.⁷¹ Соответствует и иконография: например в знаменитой “Ерминеи” Дионисия Фурноаграфиота, восходящей к ранним греческим текстам, этот святой описан как “юный, с бородою едва показавшейся” – каким мы его и видим в Нузале.

⁶⁹ Lidov 1991: 132.

⁷⁰ В этом известном монастырском храме Стефан изображен с севера в нише протесиса, а Роман – симметрично с юга “в малой нише диаконника” (Габелић 1998: 51, 69).

⁷¹ Служил клириком при Софии Константинопольской. Так о нем пишет Марк Ефесский в “известии о кондаках”: “творец кондаков – чудный Роман получил дар сей от Богородицы, явившейся ему во сне и подавшей свиток бумаги с повелением съесть; исполнив это, он тотчас встал ... и начал петь «Дева днесь». После этого он составлял и другие кондаки ... и икосы”. Всего по некоторым источникам Роман написал до тысячи кондаков.

В средневековом искусстве его изображения встречаются значительно чаще образа Романа Антиохийского.⁷² Кстати, важно отметить, что в упомянутой “Ерминии” имя Романа Сладкопевца упомянуто непосредственно после первомученика Стефана. Это соответствует традиции их парного изображения и подтверждает предложенную атрибуцию.⁷³

До сих пор споры вызывает и свободное от живописи пространство на южной стене церкви. Как уже указывалось, на узкой полосе правее фигуры Романа фресковых изображений никогда не существовало – это место примыкания преграды. Но остальное поле стены, без сомнения, было расписано.

Здесь следует отметить, что близких аналогий нузальской усыпальнице, по которым можно уверенно реконструировать утраченные детали росписи, не известно. В соседней Грузии храмов-мавзолеев, в которых сохранились более или менее целостные фресковые ансамбли, существует довольно мало. В основном это придельные церкви, например – придел Вамека Дадиани в Хоби и северный придел в Кобайре.⁷⁴ Отдельно стоящий погребальный храм (уже упоминавшийся нами) с настенной живописью нач. XIV в., существует в монастыре Сапара.⁷⁵ Все эти памятники расписаны по традиционной византийской схеме, и здесь, как и в подавляющем большинстве храмов, сохранивших ктиторские изображения, в одном регистре со светскими лицами находятся сакральные образы.

Вообще в грузинских зальных церквях портреты ктиторов чаще всего находятся на северной стене наоса (Земо-Крихи, Вардзиа, Бертубани, Павниси, придел в Хоби, церковь Марины в Сапара и т. д.), что Г. В. Алибегашвили объясняет большей освещенностью этой части храма.⁷⁶ Полагаю, что подобное размещение светских изображений может быть связано с византийской традицией, согласно которой наиболее почетное место было по правую руку (“одесную”) царского престола (в данном случае – по отношению к образу Спасителя и алтарю).⁷⁷ Этот древний обычай нашел отражение в богослужебных текстах

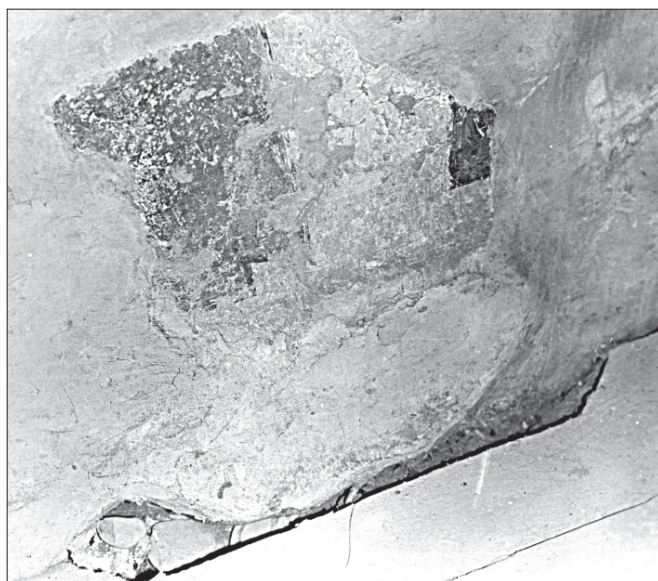
(“сидяща одесную Отца”, “предста Царица одесную Тебе” и т. п.). Вместе с тем, размещение ктиторских портретов на “почетной” северной стене не является непреложным правилом: их мы встречаем и в других местах храмов. В Мацхвариши, Кинцвиси, Бетания и церкви. Благовещения монастыря Удабно “светские” фигуры написаны как на южной, так и на северной стенах. Причем на северной стене расположены представители царской фамилии, другие же, не столь родовитые ктитория – на южной. А в главной части Хобской базилики, в Сори и в главном храме монастыря Сапара ктитория помещены на южной стене.⁷⁸

Таким образом, параллельный материал не дает оснований уверенно судить, что же было изображено в нижнем регистре южной стены наоса нузальской церкви. В. А. Кузнецов, например, пришел к выводу, что в этом месте должна была находиться “стихоэпитафия”.⁷⁹ Вместе с тем, еще В. Б. Пфаф указывал на существовавшие здесь изображения людей: “направо от входа... внизу, как говорят, были две фигуры, из которых только одна еще слабо заметна”.⁸⁰ А по свидетельству В. В. Марковича “при входе налево и направо (выделено мной – Д. Б.) нарисовано изображение девяти братьев – основателей этой часовни”.⁸¹ Е. Г. Пчелина же писала про находящийся на южной стене “фрагмент штукатурки с изображением ног и фрагментами одежд”.⁸² Причем этот фрагмент сохранился и по сей день – он располагается ниже южного окна, почти на уровне современного пола (илл. 12). Правда,

подобного принципа, что объяснялось “периферийностью” приводимых памятников (Лазарев 1970: 37, примеч. 28). Надо признать, что за пределами Грузии известны ктиторские изображения даже в конхе апсиды. Интересно, что в рамках традиционного этикета северокавказских народов (что мне известно по Осетии и Кабардино-Балкарии) правая сторона воспринимается как более “почетная”. Это можно проследить по сей день – иногда, например, во время застолья (место для почетного гостя – по правую руку от сидящего во главе стола) и даже зачастую в президиуме официальных собраний.

⁸¹ Маркович 1906: 67.

⁸² ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф.6, оп. 1, д. 20: 26.

Илл. 12. Фрагмент ктиторских фигур на южной стене.

⁷² Ср.: LCI: Bd. 8, Col. 278-279 и 281.

⁷³ Ерминия 1993: 163. На русских иконах Покрова изображается как безбородый юноша. Иконографию Романа Сладкопевца см.: LCI: Bd. 8, Col. 279.

⁷⁴ Лордкипанидзе 1978: 131-144; Драмлян 1979: 10-13.

⁷⁵ О росписи см.: Толмачевская 1931: 26; Амиранашвили 1950: 252. Работавшие здесь художники столкнулись, как и в Нузале, с отсутствием конхи в алтарной части. Программа росписи плоской восточной стены соответствует системе алтарной декорации: вверху находится поясной трехфигурный Деисус, регистром ниже изображены апостолы Петр и Павел, а под ними – ряд святителей (в иконографии “Поклонение Жертве” с оплечным образом Христа Эммануила в центре). На своде размещены евангельские сцены. На западной стене написаны Распятие и избранные святые. Группа ктитория занимает северную стену, южную же – святые воины.

⁷⁶ Алибегашвили 1979: 31.

⁷⁷ Впрочем, мои построения – не более чем гипотеза, – иногда в публикациях понятие “одесную” рассматривается как “справа от зрителя”. Это относится к византийским памятникам, но тут возможен различный подход к организации интерьера храма в центральной Византии и на Кавказе. Еще В. Н. Лазарев отмечал случаи отхода от

отмеченных Е. Г. Пчелиной “изображений ног” уже нет, но видны края одежды двух фигур. Облачение ближней к алтарю (судя по всему – первой в ряду) было красно-коричневым, имеется также характерная “складочка”. Фрагмент костюма другой фигуры выполнен сажай. Вряд ли можно сомневаться, что перед нами – остатки тех самых изображений, на которые указывали В. Б. Пфаф и Е. Г. Пчелина. Конечно, в этом месте могли быть написаны святые, но я полагаю, что здесь, как и с противоположной стороны, находились именно “светские портреты”. Это подтверждает и упоминавшаяся калька из архива К. А. Берладиной с рисунком композиций северной стены (илл. 6). Указанный документ важен тем, что на нем зафиксированы ныне утраченные нижние части двух ктиторских фигур. На кальке показаны ноги Елии. Но самое существенное, что задние полы одежд двух первых ктиторов (Елии и Фидароса) на рисунке К. А. Берладиной имеют снизу складку, очень схожую со складкой на фрагменте одежды с южной стены. Эта весьма характерная деталь почти не оставляет сомнения в том, что с юга были “светские” изображения в таких же костюмах, в какие облачены ктитория на северной стене.

Имена этих утраченных фигур, разумеется, не известны. Графиня П. С. Уварова, побывавшая в Нузале в 1879 г., сообщает о сохранившейся под Евстафием Плакидой (принятым ею за грузинского героя Фарнаваза) надписи “Сослан”, а затем указывает, что “В. Б. Пфаф говорит о такой же под так называемым Георгием”, и что эта надпись прочитана как “Суарег”.⁸³ Как мы знаем, “Сослан” – это имя ребенка на руках одного из ктиторов на северной стене. Не может ли и не дошедшая до нас надпись “Суарег” быть именем какого-то светского лица, изображение которого находилось на южной стене? Во всяком случае, христианского святого с таким именем не известно. В осетинском пантеоне существует некий “Саубарж” – “Черный Всадник”, который, согласно зафиксированной, по крайней мере, с XVIII века традиции считается покровителем преступников. По понятным причинам, его изображение в храме исключено.

Здесь стоит коснуться вопроса о посвящении храма. Конечно, мы вряд ли узнаем точно, кто был святым патроном нузальской церкви, хотя эта проблема иногда затрагивается исследователями. В 1780 г. протопоп Иоанн Болгарский писал о церкви: “в чие имя неизвестно”.⁸⁴ По свидетельству В. С. Толстого, в сер. XIX в. храм “праздновал святых архангелов Михаила и Гавриила”.⁸⁵ Это посвящение, судя по всему, позднее, и связано с тем, что известный по осетинскому пантеону Мкалгабртж, соотносимый с архангелами Михаилом и Гавриилом и особо чтимый в Уалладжире, считается покровителем колена Царазонта.⁸⁶

Существует предположение, основанное на анализе сказаний о нарте Батразе, которого сопоставляют с Ос-Багатаром (Батраз – Батыр-Ас), что нузальская церковь могла быть освящена во имя Софии Премудрости

Божией.⁸⁷ Главное, что противоречит данной гипотезе – то, что все известные храмы Софии Премудрости являются кафедральными соборами, сооружавшимися в важнейших городских центрах, прежде всего в столицах государств, претендовавших на политическую и церковную самостоятельность. Храмов Софии известно относительно немного, это весьма представительные постройки, обязательно связанные с резиденциями архиепископов, а посвящение их центральных алтарей – явное подражание главному кафедралу Нового Рима – Константинополя.⁸⁸ Нузал был лишь горным селением с феодальной резиденцией, а здешний церковный приход, полагаю, в XIV в. мог входить в сферу влияния Никозского епископа (Никози – около современного Цхинвала), которому подчинялась и Двалетия-Туалгом.⁸⁹ Все это заставляет сомневаться в столь претенциозном посвящении крохотной надгробной церкви. Если можно всерьез воспринимать “исторические” свидетельства из нартовских сказаний, то храм Софии Премудрости надо искать в каком-либо епархиальном или столичном центре, возможно в Нижнем Архызе.⁹⁰

Практически без исключения, в росписях храмов имеется указание на их святого патрона – либо несколько сцен, либо единичный образ. Фресковый комплекс Нузала очень мал и четко делится на две основные части – декорацию “апсиды” и роспись наоса.

Выбор фигур в алтарных композициях, как мы знаем, связан с общей литургической символикой, и не зависит от посвящения алтаря, хотя конечно патроном храма может являться кто-либо из традиционно изображенных в апсиде.

⁸⁷ Албегова 2000: 231-234. Согласно сказанию, Батраза похоронили в склепе Софии (у В. Б. Пфафа – “Аларв Софиа”: Пфаф 1871б: 169). В. И. Абаев считал, что речь идет о константинопольском храме и в предании отразилась борьба христианства и язычества в Алании. Правда, не ясно, почему название нартовского склепа связывают именно с Софией Премудростью Божией (по свидетельству Дионисия Ареопагита это одно из имен Бога), а не со святой мученицей Софией?

⁸⁸ Напр., это соборы в Трапезунде, Охриде и Софии, бывших столицами балканских государств, в Фессалониках, втором городе Византийской империи, в Сисе, столице Киликийской Армении, и в трех крупнейших центрах Древней Руси – Новгороде, Киеве и Полоцке. Есть данные о существовании такого храма около Питиунта, бывшего епископским центром Абхазии.

⁸⁹ Епархиальная принадлежность Уалладжира, как и вообще вопрос “воцерковленности” основной массы местного населения, остается малоисследованной проблемой. Трудно сказать, откуда сюда поставлялись священнослужители в XIV в. – с “оккупированных” ли земель Предкавказья или из относительно свободной Картли. Мы не знаем также, насколько формальным в это время было существование Аланского епископата и какие области он охватывал. Вместе с тем, Никози находилось на землях Ксанских эриставов, владения которых доходили до верховий Лиахвы и Терека. Впрочем, эти вопросы выходят за рамки нашей темы.

⁹⁰ Посвящение архызских храмов, определенное по направлению продольных осей (Демаков, Чумак 1988: 94-96) не может выходить за рамки гипотезы.

⁸³ Уварова 1887: 44.

⁸⁴ Донесение... 1934: 169.

⁸⁵ Толстой 1997: 68.

⁸⁶ ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 21: 94.

Исполненный красной краской крест над входным проемом нузальской усыпальницы тоже вряд ли является “храмовым образом”.⁹¹ Вообще, в этой части церкви, за спиной у молящихся, чаще всего (хотя не обязательно) помещали изображение Страшного Суда. В развернутом виде в эту композицию включено множество фигур – от Судии в окружении святых, до грешников в Аду. Но, например, в усыпальнице Дадиани в Хоби (кон. XIV в.) над западным входом расположен Деисус, что “можно интерпретировать как краткий вариант “Страшного Суда”.⁹² В упоминавшемся храме Георгия около Адиши здесь показаны мучения грешников – часть апокалиптической композиции, ключевая часть которой – Деисус – вынесена в апсиду. Такое решение – довольно необычное, но не выходящее за рамки традиционного расположения сцен в росписях – связано с крохотными размерами памятника. Монументальный крест, занимающий практически все пространство западной стены нузальского храма, можно считать аналогичным вариантом остроумного решения проблемы стесненности пространства без противоречия традиции. Изображения Процветшего Креста очень характерны для памятников палеологовского времени по всему византийскому миру. В. А. Кузнецовым были указаны иконографические аналоги нузальскому кресту в Сербии, где существовала традиция изображения красных крестов на откосах дверных проемов при входе в храм или в приделы (между прочим, в приделы поминального характера). Этой теме посвящена работа известного югославского исследователя С. Н. Радойчича. По его мнению, крест на дверях служил в христианском искусстве новозаветным символом кровавой дверной метки “на обоих косяках и перекладине дверей”, описанной во второй книге Моисеевой (Исход, XII, 7, 13, 22-23). Издревле ее истолковывали как кровь пасхального агнца, прообраз спасительного знака креста и Пасхи Господней. “Красные кресты на дверных косяках имели в сербском искусстве раннего XIV века определенное символическое значение, но вместе с тем им придавалась и первобытная ветхозаветная сила охранительного знака”.⁹³ Несомненно, тот же охранительный смысл вкладывался и в кресты в тимпанах арок со стороны интерьера, которые мне известны и по сербским (Арилье, XIV в.) и по грузинским (Убиси, Сори, Цхавати – XIV в.; Набахтеви – нач. XV в.; Гелати – XVII в.) памятникам, и это – прямая аналогия нузальскому кресту. Вообще, кресты над проемами, ведущими из храма, встречаются по всему византийскому Востоку, вплоть до Египта, и, по мнению исследователей, “символически связаны с идеей света”.⁹⁴ Но в нашем случае изображение важнейшего и универсального христианского символа подчеркивает, также, эсхатологическую тему, заданную алтарной композицией, символизируя путь к Спасению.⁹⁵

Наиболее вероятно, что нузальский храм был посвящен одному из всадников, которые написаны на склонах свода, но появление этих изображений можно объяснять и другими, более общими, причинами. Символическое значение таких парных композиций гораздо шире, чем просто популярные “избранные” святые, и зачастую никак не связано с посвящением алтаря. По меньшей мере наивно полагать, что мучеников Георгия и Евстафия поместили сюда исключительно из любви заказчиков росписи к воинской и охотничьей тематике. Абсолютно нет в этих фигурах, на мой взгляд, и элементов “деканонизации” и “упрощения с учетом местных вкусов”⁹⁶, якобы свидетельствующих о хорошем знании художником здешних обычаев.

Парные изображения конных воинов-мучеников чрезвычайно распространены не только в горах Кавказа, но и вообще в восточных областях христианского мира – Египте, Сирии, Малой Азии, Армении и т. д.⁹⁷ Такая композиция многозначна, один из ее смыслов – победа христианской веры. На нузальских фресках фигуры всадников как бы являются частью Деисуса, в который часто помещали изображения святых страстотерпцев, сопутствующих Христу Второго пришествия. Культ мучеников, подвиг которых считается прообразом-повторением добровольной жертвы Спасителя, издревле связан с заупокойной службой, и, несомненно, образы Георгия и Евстафия подчеркивают апокалиптическую и поминальную тематику росписей нузальской усыпальницы.⁹⁸

⁹⁶ Кузнецов 1990: 71.

⁹⁷ Эта так называемая “геральдическая композиция” (симметричные фигуры всадников) известна с раннехристианского времени (прежде всего, по коптским памятникам), встречается во фресках Сирии и Каппадокии. В Нузале фигуры воинов находятся на противоположных стенах, но, по сути – это та же “геральдическая композиция”. В двух храмах в Западной Алании (в Сентинском – слой росписи конца XI в., и в Среднем Архызском – фрески X-XI вв.) также отмечены симметрично расположенные изображения конных мучеников (Белецкий, Виноградов 2005; Древнехристианские храмы 1896: 18-19). В Армении на восточной стене храма в Лмбате рядом с апсидой имеется изображение двух всадников, датируемое VII в. (Дурново 1979: 140). В Грузии самая ранняя фресковая композиция такого типа сохранилась в храме № 5 (IX-X вв.) в Саберееби (Шевякова 1983: 10). Пример святых всадников на своде базилики, т. е. в верхнем регистре, мы встречаем в росписи Аца и Ипхи в Верхней Сванетии (рубеж X-XI вв.) – там воины помещены по одному склону свода и движутся навстречу друг другу. В последующее время в искусстве Грузии этот сюжет популярен чрезвычайно. Как отмечает Т. С. Шевякова, “помещение всадников на своде в Аце и Ипхи – наиболее ранняя традиция, позже они изображаются в церквях Верхней Сванетии в нижнем регистре” (Шевякова 1983: 18, 21; См. также: Thierry 1999).

⁹⁸ В одной из песен Канона за умерших говорится: “Смертию смерти Христове и страстями страсти подражающе честней, мученицы вси божественныя и блаженныя жизни получиша”. Во время панихиды и поминальных служб к лику мучеников обращаются особо и многократно, при этом другие “категории” святых почти не упоминаются. Показательный пример – богослужения в субботу на второй, третьей и четвертой седмицах Великого поста (эти три субботы посвящены поминовению усопших – см. текст Триоди Постной). Иоанн Златоуст, рассуждая о необходимости служения литургии за умерших, проводит параллель именно

⁹¹ Хотя образ святого покровителя алтаря могли поместить, как ни странно, даже на западной стене. Например, в упоминавшейся церкви св. Марины в Сапара изображение патрониссы храма находится на западной стене. Но это, возможно, частный случай.

⁹² Лордкипанидзе 1978: 132.

⁹³ Радойчич 1973: 324, 326.

⁹⁴ Граматюк 2003: 254.

⁹⁵ В богослужебных текстах крест сравнивается с Лестницей в Царство небесное: “Кресте, небесная лестнице, степенем наставниче, Христова высота и слава еси” (Канон честному Кресту. Песнь 5).

Надо отметить, что в подобных парных композициях почти всегда присутствует мученик Георгий, об особом почитании которого на Кавказе говорить излишне. В упоминавшейся выше церкви около Адиши, посвященной св. Георгию, роспись которой можно считать иконографической параллелью нузальского фрескового комплекса, святой патрон храма изображен справа – на южной стене, симметрично абсолютно равнозначной фигуре другого мученика с северной стороны. Таким образом, не исключено, что и нузальский храм был посвящен Георгию Победоносцу, образ которого расположен так же, как и в Адиши.

Вторым в паре святых всадников чаще всего изображали Дмитрия Солунского, либо мученика Феодора. Выбор в нашем случае Евстафия Плакиды сравнительно необычен, хотя в искусстве Грузии и Малой Азии его изображения довольно распространены.⁹⁹ Отмечалось, что образы этого святого встречаются в

с мученическим культом: “Для чего, думаешь ты, бывают приношения за мучеников, и они призываются в этот час? Хотя они – мученики, хотя это – приношения за мучеников, но великая честь быть названными по имени в присутствии Владыки, во время совершения Его смерти, Страшной Жертвы, неизреченных Таинств” (Толкования на деяния апостолов. Гомилия 21, раздел 5. – Joannes Chrysostomus: 170). Службы (“приношения”) за мучеников, проводившиеся в дни их кончины с раннехристианских времен, позже вылились в поминальные службы за всех умерших (Голубцов 1918: 52-54). О символическом значении образа “сопствующих Христу” святых всадников см., напр.: Сидоренко 2000: 247-250. Изображения воинов-мучеников занимают одно из центральных мест в двух пещерных храмах в Крыму (храм “Трех всадников” – посл. четв. XIII в. и храм “Донаторов” – кон. XIV в.), причем первый служил усыпальницей, а второй носил поминальный характер (Волконская 2004: 85-87, 89-99). Возможно, что фигуры святых страстотерпцев в Сентинском храме – а среди них особо выделяются всадники из “геральдической” композиции – также связаны с мемориальными функциями памятника, в котором был открыт ряд богатых погребений. Погребения логично искать и в Среднем храме на Нижнеархызском городище – с ними, возможно, связаны существовавшие на стенах образы мучеников, в том числе конных Георгия и Дмитрия. Этот храм, судя по давно отмеченному шву на северной стене – при отсутствии аналогичного с юга – изначально строился несимметричным, двухапсидным – с южным приделом, а о назначении таких приделов я уже говорил.

⁹⁹ О почитании Евстафия Плакиды см.: Смирнова 2004: 200-202; там же и подробная библиография. Среди памятников грузинской школы изображения “Видения св. Евстафия” известны во фресках Зруга (западная часть южной стены; XII в.) и Сапара (западная стена; нач. XIV в.), на рельефах Натлис Цемели (VII в.), Атени (VII в.), Эртацминда (VIII в.), Мартвили (X в.) и Зенобани (XIII в.). Изображение “Чуда” распространено в наружных росписях церквей в Сванетии: Ипрари (кон. XI в.), Лаштхвери (XVI в.), Лагами (XV в.) и проч. (Аладашвили 1977; Дидебулидзе 1990; Вельманс 1983). Мученичество св. Евстафия было переведено на грузинский язык в VI в, но, вообще, этот святой был популярен по всему христианскому миру – целый ряд его изображений известен в западноевропейских романских и готических памятниках (напр., в Шартрском соборе житию этого святого посвящено большое витражное панно 1200-1210 гг.). Об устойчивости почитания Евстафия на Западе свидетельствует, в частности, гравюра Дюрера нач. XVI в. с изображением Чуда (LCI: Bd. 6, Col. 194-199; см. также: Thiery 1991: 33-100).

памятниках, связанных с императорским (а на Руси – с княжеским) заказом.¹⁰⁰ Вместе с тем, в научных работах есть прямые указания на “заупокойный” аспект почитания Евстафия. Например, об этом пишет Э. С. Смирнова: “поскольку св. Евстафию было дано обетование спасения, его изображения связаны с погребальным культом и с темой воскресения мертвых. Так, иногда св. Евстафий изображается рядом с пророком Даниилом, символом Воскресения, а в ряде случаев по соседству со сценой Страшного Суда”.¹⁰¹ Это абсолютно соответствует тем сторонам почитания святых мучеников, о которых говорилось выше. Следовательно, появление образа Евстафия Плакиды в нузальской росписи логично связывать именно с погребальными функциями храма, служившего усыпальницей одному из представителей местной социальной верхушки.

Светские изображения.

Посетители храма, стоявшие в наосе, находились в окружении фигур ктиторов, обращенных к алтарю и как бы тоже участвовавших в молитве. Одно из самых ранних описаний нузальской ктиторовской группы принадлежит В. С. Толстому. Как указывает автор, “предание осетинов гласит, что изображение Пидароса, Сослана и прочих были портреты Осса Богатыря и его братьев”.¹⁰² Уже говорилось, что современными исследователями личности фигур без нимбов на северной стене храма определяются в соответствии с якобы существовавшей здесь “эпитафией” и с “генеалогией”, фигурирующей в грузинской хронике. Но, как мы знаем, древнее происхождение этих источников по сей день не доказано и подвергается сомнению. Во всяком случае, о связи “генеалогии” и “эпитафии” следует рассуждать очень осторожно. К тому же надо отметить, что из перечисленных в них имен только Давид и Сослан фигурируют в обоих текстах, что может быть простым совпадением распространенных антропонимов.

Первый, кто частично зафиксировал и издал эпиграфику нузальского храма, был В. Б. Пфаф¹⁰³, но им были упущены некоторые важные детали, заметные в настоящее время. Вместе с тем фрагменты подлинных надписей до начала 1980-х гг. сохранялись почти без изменений, неоднократно фотографировались и копировались, и доступные для изучения материалы могут дополнить наши знания о росписи.

Характер одежды на нузальских светских портретах прежними исследователями рассматривался

¹⁰⁰ Пивоварова 2002: 464-465, 474-475

¹⁰¹ Смирнова 2004: 201. Например, в Сапара “Чудо св. Евстафия” написано над сценой Страшного Суда. В небольшой церкви в Цкелкари в Абхазии (XVI в.) на северной стене сохранилось изображение “Видения Евстафия”, а под ним, около входа в придел-усыпальницу, размещены фигуры ктиторов (Шервашидзе 1980: 202-205.). Расположение образа конного мученика над светскими фигурами, зафиксированное в двух погребальных сооружениях, судя по всему, не случайно.

¹⁰² Толстой 1997: 69.

¹⁰³ Пфаф 1871б: 137. Исследователь пользовался копией надписей, снятыми генерал-лейтенантом И. А. Бартоломеем.

Илл. 13. Ктиторские портреты, 1-я и 2-я фигуры от входа. Копия М. С. Шейблер 1954 г.

достаточно обще. Так, графиня П. С. Уварова указывает, что на северной стене “удаётся разглядеть пять мужских фигур в грузинских короторукавых коричневых архалуках, в маленьких грузинских шляпах”. По мнению Е. Г. Пчелиной, три ктитора изображены в одежде XII-XIII вв., известной по ирано-индийской живописи, другие же две фигуры – в осетинских национальных костюмах, аналогичных тому, в который был одет и погребенный. Этому вопросу касались также В. А. Кузнецов, назвавший одежду двух нузальских донаторов черкеской и бешметом, и З. В. Доде, считающая всех ктиторов одетыми по тюркской моде.¹⁰⁴ Вместе с тем конкретные аналогии среди памятников этого же времени практически не приводились.

За последние 20 лет состояние нузальских фресок заметно ухудшилось, в чем легко убедиться, просматривая фотографии из реставрационных отчетов. Многочисленные утраты и белесый налет высолов мешают адекватному восприятию цвета и рисунка. Поэтому при описании изображений я привлек материалы из архива К. А. Берладиной, а также копии фресок, выполненные Т. С. Щербатовой-Шевяковой и М. С. Шейблер в 1950-х гг. Вообще, существует целый ряд живописных копий нузальских композиций, из них две сделаны с ктиторской группы. Одна, подписанная М. С. Шейблер и датированная 1954 г., хранится во

Владикавказе в СОГОМИАЛ, а другая, исполненная Т. С. Щербатовой-Шевяковой в 1959 г., находится в фондах Государственного музея истории Грузии в Тбилиси¹⁰⁵. При создании этих работ применялся так называемый “факсимильный” метод копирования, предполагающий высокую точность повторения оригинала, когда рисунок переносится с помощью кальки и последовательно воспроизводятся все технологические этапы живописи (а также и повреждения красочного слоя). Данные копии ценны тем, что на них зафиксированы некоторые ныне погасшие и утраченные детали. Хотя, напротив, ряд деталей, ставших заметными после промывки фресок, при копировании был упущен, поскольку в 50-е годы подлинная живопись находилась под слоем загрязнений. Конечно, следует учитывать, что в любой подобной работе, сделанной с поврежденного произведения, обязательно присутствуют элементы реконструкции, связанные с субъективным восприятием художника. Впрочем, это не умаляет ценность работ Т.С.Щербатовой-Шевяковой и М.С.Шейблер, являвшихся лучшими представителями российской школы копиистов.

Итак, ктиторская композиция состоит из пяти фигур, с молитвенным жестом повернутых в сторону алтаря. Они одеты в длинные, ниже колен, костюмы, причем эти одеяния двух типов. К сожалению, не сохранились

¹⁰⁴ Уварова 1887: 41; Архив Института археологии. Р-1, № 3097: 30; Кузнецов 1990: 69; Доде 2001: 54-55.

¹⁰⁵ Указание Н. Э. Чихладзе. Размер 160x295. ССМ 144-65\33. Эта копия опубликована: Гамрекели 1961: таб. V.

ноги и нижние полы одежд. Кроме того, уровень современного пола выше первоначального, что искажает пропорции и нарушает правильное восприятие композиции. Почти полностью утрачены и головы «светских фигур», что отметил еще В.С.Толстой: «почти все лики соскоблены.... Вероятно, это магометане шииты ... совершили это скифское скобление...».

Рассмотрение ктиторов начнем с последней в ряду фигуры, расположенной ближе всех к выходу (илл. 13). Из изображений молящихся это – наиболее утраченное. Костюм состоит из серо-коричневой рубашки, поверх которой надето платье красного цвета. Рубашка с высоким, почти полностью закрывающим шею, воротом. Ее борта расшиты красными полосами с «жемчужной» обнизью. На копии 1954 г. на рубашке просматривается красная волнообразная линия, вероятно след орнамента. В районе пояса живопись утрачена, а ниже полы одежды покрыты параллельными черными и белыми линиями, что, возможно, означает «плиссированность» (на копии по белым полосам – левкасу – просматривается желтый подготовительный рисунок). Сохранилась нижняя часть головы, по которой видно, что ктитор не имел бороды и длинных волос.

От надписи дошел только небольшой фрагмент (илл. 14). Во всех публикациях, касавшихся этого вопроса, указывается, что осталась только буква «σ»-«д». И. А. Лолашвили предположительно интерпретировал имя ктитора как «Давид». В. А. Кузнецов обратил внимание, что сразу после сохранившейся буквы стоят «три расположенные по вертикали точки», означающие «конец текста (в данном случае имени)». ¹⁰⁶ Действительно, это традиционный для грузинского церковного письма так называемый «разделительный знак», которым отмечали начало и конец слов. Но надо отметить, что имя «Давид» в грузинском написании оканчивается на «т» («q») – «Давит» (как, кстати, и по-осетински – «Дауит»). Мало того, в нашей надписи в центре буквы «σ»-«д», имеющей округлую форму, помещена буква «т»-«и». Подобная лигатура очень характерна для средневековой грузинской вязи. Следовательно, надпись оканчивалась слогом «ди»-«от», и имени «Давид» тут не было. От других букв подписи сохранились два незначительных фрагмента, недостаточных для сколько-нибудь точного их понимания (судя по копии, низ одной из букв округлый). Осетинских имен, оканчивающихся на «-ди», как мужских, так и женских, довольно много. Вопрос персонификации этого ктитора остается открытым.

Следующая фигура, значительно лучше по сохранности (илл. 13), в приталенном верхнем костюме коричневого цвета. Обшитый желтой каймой борт костюма продолжает линию ворота и, пересекая наискось грудь, уходит под левую руку. У верхней одежды короткие – выше локтей – рукава. Из-под них видны длинные рукава нижнего платья красного цвета. У этой нижней одежды заметен также высокий красный ворот, полностью закрывающий шею. Костюм подвязан узким поясом желтого цвета, свисающий конец которого завершается белой восьмиконечной «звездой» с темной серединой. От головы сохранилась часть

Илл. 14. Подпись «...ди» (копия М. С. Шейблер и калька с подлинника).

светлой недлинной бороды и правое ухо. Виден также небольшой фрагмент коричневого головного убора с узким полем, возможно загнутым вверх.

От надписи, согласно материалам В. Б. Пфафа, оставались три последние буквы: «...σq»-«...тон». Последующими исследователями этот фрагмент был интерпретирован как часть имени «Атон», которое фигурирует в «генеалогии». В настоящее время целиком сохранились две конечные буквы (илл. 15). От «т» остался небольшой фрагмент нижней части, а от предшествующей довольно широкой буквы (или букв – тут могла быть лигатура) – очень незначительные следы – низ вертикальной мачты в самом начале слова и возможно (судя по копии) такая же мачта за ней. Это была первая буква имени, поскольку перед ней (как и после конечной «н») сохранился разделительный знак. Очевидно, что имя начиналось не с «а»-«с». В начертании «асомтаврили» буква «а» не имеет вертикальной, обрывающейся снизу мачты, а плавно закругляется (ср. с такими же буквами в именах «Сослан» и «Елиа»). Кстати, суффикс «-он» в средневековой Осетии был одним из фамилеобразующих («патронимический формант» по В. И. Абаеву¹⁰⁷). С ним также могли образовывать персональные имена и отчества (правда, отчество другого ктитора – Елиа – образовано по-грузински, о чем см. ниже).¹⁰⁸ Так или иначе, вероятность того, что имя второй от входа фигуры было «чисто» осетинским, очень велика, тем более что таковыми являются еще два имени изображенных в этой группе (Сослан и Фидарос).

¹⁰⁷ Абаев 1990б: 411.

¹⁰⁸ Гаглоева 2002: 15-18.

Илл. 15. Подпись «...тон» (копия М. С. Шейблер и калька с подлинника).

¹⁰⁶ Кузнецов 1977: 136.

Илл. 16. Ктиторские портреты, 3-я и 4-я фигуры от входа. Копия М. С. Шейблер 1954 г.

Далее, ближе к алтарю, расположена фигура с младенцем на руках (илл. 16). Взрослый ктитор имеет одежды, аналогичные облачению первой из описанных фигур (крайней от входа). Верхнее платье красного цвета, светло-коричневая рубаха с высоким воротом расшита каймами, обозначенными красным контуром и украшенными “жемчужинами”. В районе пояса большая утрата, а ниже одежда несколько “вздута” и “плисирована” – по коричневатому фону проведены поочередно черные и красные линии. От изображения головы сохранился затылок и правое ухо. Бороды, вероятно, не было. Темно-коричневая шапка, судя по оставшемуся от нее небольшому фрагменту, повторяла абрис головы и, видимо, заострялась вверх. На обеих копиях ктиторской композиции, сделанных Т. С. Щербатовой-Шевяковой и М. С. Шейблер, впереди головы отмечен еще один фрагмент шапки. Правда, в настоящее время на подлиннике в этом месте при визуальном осмотре следы краски не прослеживаются, и очень вероятно, что за краску приняли покрытое слоем высолов пятно загрязнения. Но если такая деталь существовала действительно, то шапка могла иметь своеобразную форму, наклоняясь вперед.

Ребенок на руках ктитора одет в светлую рубаху и обращен к алтарю с молитвенным жестом, причем его левая рука касалась плеча следующей фигуры. Видимо, и лицом младенец был повернут в сторону

алтаря (голова утрачена). Рубаха чуть выше колен, ноги были открыты.

Несколько правее головы младенца – хорошо сохранившаяся надпись “СОСЛАН” – оформленная “декоративным” титлом и разделительными знаками (илл. 17). Надпись, несомненно, относится к ребенку.

В. А. Кузнецовым было предположено, что имя взрослого ктитора – Джадарон. Но эта догадка умозрительна и недоказуема.¹⁰⁹ В узком поле между головами

¹⁰⁹ По свидетельству В. Б. Пфафа, И. А. Бартоломей указывал на существование некогда на стене храма и имени “Джадарос”, правда, к какой фигуре надпись относилась – исследователь не пишет (Пфаф 1871а: 33). На мой взгляд, эти сведения малодостоверны – очень вероятно, что их источником является предание об “эпитафии”.

Илл. 17. Подпись «Сослан» (копия М. С. Шейблер).

ребенка и держащего его ктитора сохранились малоопытные красные линии (илл. 18). Они могут быть остатками подписи, относящейся к взрослому, но сохранившиеся фрагменты не удается соотнести с грузинскими буквами (надпись, кстати, могла находиться выше).

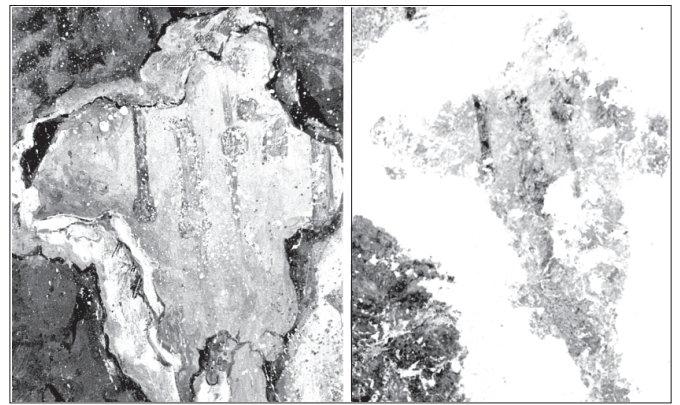
Следующий ктитор одет аналогично второй от входа фигуре, в верхний распашной кафтан коричневого цвета (илл. 16). Этот кафтан имеет короткие рукава и подвязан тонким желтым поясом. Борт отделан желтой каймой. Нижняя одежда красного цвета, с высоким воротом и длинными рукавами. Лицо сбито, но сохранилась короткая светлая борода, ухо и коричневый колпакообразный головной убор со слегка расширяющимися полями.

Хотя надпись в настоящее время практически утрачена, имя этой фигуры известно с большой достоверностью. В XIX веке оно еще сохранялось в более полном состоянии и было прочитано В. С. Толстым¹¹⁰, а затем В. Б. Пфафом, издавшим прорисовку подписи. Ктитора звали «ფიდაროსი»-«Фидарос». В настоящее время от подписи сохранилась, и, благодаря своеобразному начертанию, опознается без малейшего сомнения, первая буква имени – «ფ»-«ф» (илл. 19). Следует отметить, что подпись изначально состояла как минимум из двух строк. Незначительный фрагмент знака, который мог быть частью «с», сохранился над «ф». То, что это не титло, убеждает расположение и толщина линии фрагмента. Хотя в Осетии и распространено имя Фидар, не имеем ли мы здесь дело с прозвищем («фидар» – осет. «крепкий»), поставленным после собственно имени, от которого сохранился только крохотный фрагмент?

И, наконец, последняя, ближайшая к алтарю фигура одета в запахнутый кафтан (илл. 20), аналогичный по покрою одежде предыдущего ктитора. Костюм красного цвета с черным орнаментом, с желтой каймой по борту и короткими рукавами. Об орнаменте можно судить лишь по копиям. Если его рисунок передан правильно, а не является домыслом-реконструкцией Т. С. Щербатовой-Шевяковой и М. С. Шейблер, то это были стебли растений с листьями и цветами, похожие на «цветочный куст» под изображением Евстафия Плакиды. Нижняя одежда ктитора темного серого цвета. Голова полностью утрачена. Отмечу также отсутствие пояса у этой фигуры.

От двустрочной подписи сохранились довольно большой фрагмент: «...ღ ჟღ ლღღ»-«...ис дзе Елиа» (илл. 21). Дифтонг «ღღ» («дз») в настоящее время утрачен, но зафиксирован на рисунках К. А. Берладиной и Т. Б. Мамукаева. «...Ис» – это, скорее всего, окончание родительного падежа, слово «дзе» переводится как «сын», т. е. «такого-то сын Илья». Перед «...ис» еще фрагмент буквы, который К. А. Берладина читала в трех вариантах: как «ზ» («з»), «ლ» («л») или «ს» («с»), но даже предположить, что за «отчество» было у Елии, затруднительно.

Итак, на изображенных в нузальской церкви представителях средневековой аристократии мы видим одежды двух типов. На трех фигурах длинные приталенные кафтаны с запахнутыми справа налево полами. Борт костюма продолжает линию ворота и, пересекая грудь, уходит под левую руку, чему множество

Илл. 18. Фрагмент предполагаемой подписи около головы ктитора с ребенком (копия М. С. Шейблер и фото подлинника).

аналогий встречается в грузинских и армянских художественных памятниках. Для одежды знатных феодалов Грузии подобный покрой характерен по крайней мере с X по XVII в., и встречается, например, на рельефе в Кваисис-Джвари (вт. пол. X в.), на фресковых портретах в Земо Крихи (XI в.), Колагири (XI-XIII вв.), Хоби (кон. XIII – нач. XIV вв.) и Сапара (нач. XIV в.), а также в Чала, Корети и Табакини (последние три памятника – XVII в.).¹¹¹ На портрете Георгия Лаша в Бертубани одежда похожей формы имеет меховую опушку и удобный для верховой езды разрез спереди.¹¹² Но, вероятно, самые близкие аналогии – это изображения членов рода Чарелидзэ в Сори (илл. 22)¹¹³ и ряд ктиторских портретов в Зарзма¹¹⁴. Здесь, как и на нузальских фресках, верхняя запахивающаяся одежда имеет укороченные рукава. Подобные костюмы (в том числе и с короткими рукавами) известны по находкам в золотоордынских и половецких могильниках, хотя с документальной точностью восстановить их покрой нельзя.¹¹⁵ По половецкому погребению XIII-XIV вв. известен, например, приталенный и расклешенный нижний кафтан, названный в публикациях бешметом, с запахивающимися полами и удобный для верховой езды. Этот бешмет имел стоячий воротник и застегивался до

¹¹¹ Меписашвили, Цинцадзе 1975: 84; Аладашвили 1977: табл. 82; Алибегашвили 1979: 57, табл. 36, 38, 39; Схиртладзе 2000: илл. 6, 11, 15, 21, табл. 7, 11; Хуцишвили 1988: 70-78; Мамаиашвили 1991: табл. XXIII.

¹¹² Алибегашвили 1979: табл. 10.

¹¹³ Чичинадзе 1985: 64, 66, 67.

¹¹⁴ См., напр.: Velmans, Alpage Novello 1996, ill. 29. Фрески переписаны в XIX в., чем, возможно, объясняется некоторое отличие от нузальских костюмов.

¹¹⁵ Доде 2001: 52.

Илл. 19. Подпись «Фидар» (копия М. С. Шейблер и калька В. Б. Пфафа).

¹¹⁰ Толстой 1997: 69.

пояса на матерчатые пуговицы, а поверх надевался распашной же халат, перехваченный поясом. Бешмет имел узкие длинные – до кистей – рукава, в то время как рукава халата были короткие и широкие. Как указывает З. В. Доде, “подобный костюм носили аланы, монголы, адыги и нахи”.¹¹⁶ По описанию это напоминает облачение нузальских ктиторов. Несмотря на разницу в деталях, покрой и тип верхнего костюма во всех приведенных примерах относится к одному виду. Г. В. Алибегашвили, рассуждая о грузинских средневековых портретах, назвала такую одежду “поколенным облегающим фигуру низко подпоясанным кафтаном”. Более подробно исследовательница говорит о платье иного покроя – о кафтанах иранского типа, которые не запахиваются, а застегиваются встык спереди и имеют отворот (в такой кафтан одет, например, Георгий Лаша на фреске в Бетания).¹¹⁷ Хотя одежда на портретах в нузальском храме соответствует именно первому из указанных видов костюма, об иранском происхождении которого речь не идет, ее восточное происхождение также очевидно, как бесспорна и сама восточная направленность кавказской элитарной моды того времени. По мнению З. В. Доде, наряды нузальских ктиторов относятся к тюркской моде, которая “была широко распространена на Кавказе в тот период”.¹¹⁸ В одежду подобного покроя одет язычник Бубакар на фреске XII в. в храме Мучеников в Удабно, и, по мнению Э. Истмонда, Бубакар “изображен в платье турок сельджуков, которые недавно разорили Гареджу”.¹¹⁹ Однако аналогичные костюмы (запахивающиеся кафтаны) были приняты также в Персии и Аравии и хорошо известны по изобразительному материалу. Это, конечно, не только тюркская, а общевосточная мода, которой следовал высший класс Грузии, поздней Алании, а также жители Ирана, Средней Азии, кочевники Поволжья и многие другие народы, имевшие отношение к культуре Востока.

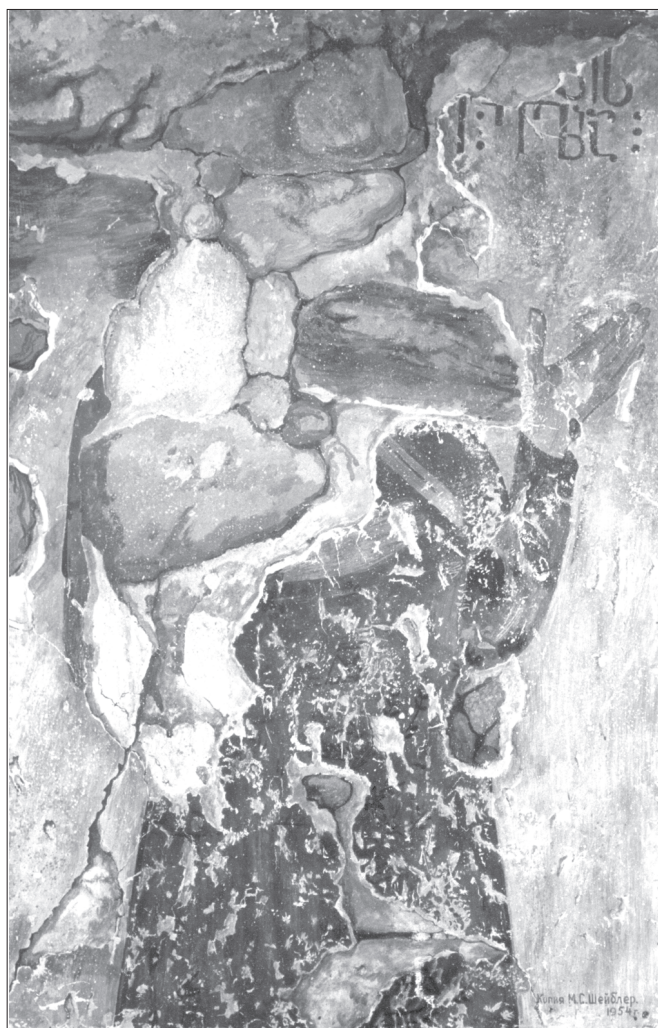
Кстати, кафтаны ктиторов запахнуты налево, что, по мнению исследователей, может определяться этнокультурной принадлежностью владельца костюма.¹²⁰ На грузинских же изображениях костюмы запахиваются как на правую сторону, так и на левую – вероятно, в Закавказье этому не придавалось особого значения.

Такие одежды, разумеется, имели свои национальные названия. В грузинской литературе отмечено смешение названий двух типов костюмов, названных “кабача” и “джуба” (последнее слово иранского происхождения). “Кабача” (или “кабарча”) названа одежда Георгия Лаша на фреске в Бертубани, без отворотов и с запахивающимися набок полами, но, как уже указывалось, в отличие от портретов из “Нузалы аргъуан”, с меховой опушкой и четырехугольным вырезом внизу.¹²¹ Вероятно, распашное облачение нузальских ктиторов

можно называть халатами, которые являются разновидностью кафтана, хотя, конечно, любое употребляемое название таких одежд следует считать условным.¹²² Название происходит от арабского “hil’at”, т. е. “почетное платье”.¹²³ Подобное одеяние жаловалось правителями мусульманских стран в знак особого благоволения. Интересно, что в Персии и Турции этот существовавший издревле восточный обычай продержался вплоть до XIX в., когда на смену ему были введены по европейскому образцу ордена. Тип халата, вероятно, определял ранговую субординацию при восточном дворе, играя роль своеобразного “мундира”. Такая традиция распространялась и на христианские народы. К примеру, на Московской Руси с царского плеча, как знак высшего благоволения, жаловались шубы, и хотя это известно по поздним материалам, древнее происхождение обычая не вызывает сомнения.¹²⁴ Аналогично и в Грузии царь при назначении эристава облачал его в свои одежды. Кстати, на грузинских изображениях рукава кафтанов обычно имеют нашивки на предплечье. Считается, что во многих случаях эти своего рода “погоны” обозначали придворный

¹²² Понятие “кафтан”, имеющее иранское происхождение, включает в себя большинство видов верхней одежды, в том числе архалуки, бешметы, черкески и т. п.

¹²³ Фасмер 1973.

Илл. 20. Ктитор Елиа. Копия М. С. Шейблер 1954 г.

¹¹⁶ Там же: 68-70, илл. 43.

¹¹⁷ Алибегашвили 1979: 27-28.

¹¹⁸ Доде 2001: 52, 54.

¹¹⁹ Eastmond 2001: 233.

¹²⁰ Доде 2001: 14, 52, 65.

¹²¹ Алибегашвили 1979: 27-28, там же и литература. См. также, напр.: Вирсаладзе 1955: 184.

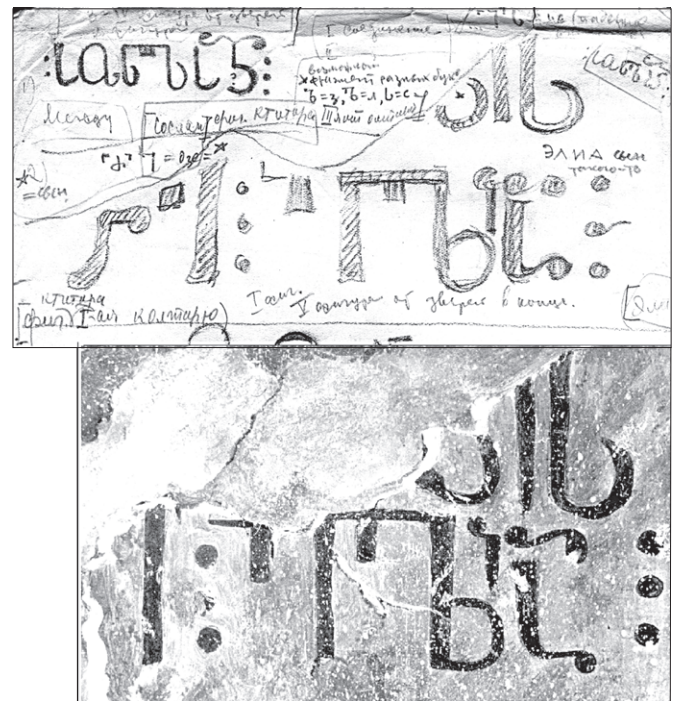

чин, были знаком власти и имели распространение в византийском придворном наряде, куда проникли под влиянием иранского костюма.¹²⁵ В нузальских портретах таких погон-нашивок нет, что, вероятно, неслучайно. Так или иначе, одежда изображенных здесь представителей аристократии соответствует облачениям князей-мтаваров, эриставов и т. п.

Следует также отметить, что З. В. Доде указывает на боковые разрезы на кафтанах Фидароса и Елии.¹²⁶ По всей видимости, так исследовательница трактовала вертикальные темные полосы на одеждах, заметные на копии, опубликованной В. Н. Гамрекели. Лучше всего это видно на фигуре Елии, сохранившейся почти до низа (на копии, хранящейся во владикавказском музее, фигуры срезаны выше колен и эти полосы отсутствуют). На упоминавшейся прорисовке из архива К. А. Берладиной некие похожие линии видны на кафтанах Фидароса и Елии. Если это был разрез, то, как и прямоугольный вырез на портрете Лаша в Бертубани, он мог играть утилитарную роль, делая костюм удобным для верховой езды. Конечно, считать отмеченные на копиях линии именно разрезами, а не просто складками, следует лишь предположительно, тем более что в настоящее время из-за состояния подлинника судить о них приходится лишь по указанной работе Т. С. Щербатовой-Шевяковой. Впрочем, на портретах в Сори и Зарзма такой разрез имеется. Существует и археологическая параллель, но значительно более ранняя.¹²⁷

Необходимо также отметить, что у двух фигур в “халатах” сохранились фрагменты колпакообразных головных уборов. Один из них имеет слегка расширяющиеся поля (на голове Фидароса), у другого (второго ктитора с конца) поля могли быть подогнуты вверх (фрагмент очень незначителен). Указать аналогии я затрудняюсь. Следует полагать, что эти головные уборы “местной” формы, возможно родственные современным горским войлочным шапкам.

По поводу двух ктиторов в одежде иного покроя (портреты: ближний к входу и центральный, с ребенком) Г. Г. Гамбашидзе высказано предположение, что это женщины¹²⁸, на что действительно указывает слегка вздутый и как бы плиссированный низ одежды, отсутствие бороды и ребенок на руках. Вместе с тем, Е. Г. Пчелина полагала, что указанные изображения – мужские (“подбородки у обоих выбриты”). По описанию исследовательницы, одежда этих ктиторов состоит из “короткой куртки, распахнутой спереди, с каймой по бортам”, под которой поддета “рубашка с высоким воротом, застегнутым до самого подбородка, как и сейчас носят ее осетины. Вниз от пояса падают мелкие складки, которые представляют или край длинной рубашки, или сборчатые шаровары”.¹²⁹ И И. А. Лолашвили, и В. А. Кузнецов также считают, что это портреты мужчин.¹³⁰

Илл. 21. Подпись Елии (зарисовка из архива К. А. Берладиной и копия М. С. Шейблер).

По мнению В. А. Кузнецова, “персонификация изображенных контролируется текстом стихоэпитафии, в которой ни одного женского имени нет”. Исследователь указывает, что “первая и третья фигуры безусые и безбородые юноши, одетые в черкески и бешметы. Различие в покрое платья может объясняться принадлежностью к различным возрастным группам, но не исключено и другое объяснение: молодые люди Давид и Сослан изображены в одежде и шлемах воинов; черкеска, вероятно, берущая свое начало от раннесредневековых кафтанов, очень удобна для верховой езды. Можно думать, что Давид и Сослан были конными воинами”. Кстати, именно в соответствии с костюмом ктитора, держащего ребенка, реконструирована одежда на “портрете Давида Сослана”, который был сделан Т. Б. Мамукаевым по черепу мужчины, погребенного в “Нузальской часовне”.¹³¹

Но, как мы помним, соответствие ктиторовской композиции и текста “эпитафии” весьма спорно. Кроме того, исследователями отмечалось тождество покроя северокавказской мужской и женской одежды, которое прослеживается по данным археологии как минимум с XI в. В этот период “покрой женского платья меняется, становится приталенным, приобретая силуэт, максимально схожий с мужским”, что связано с половецким влиянием. Такая тенденция развивалась и далее, и нашла продолжение в этнографическом костюме.¹³²

Условно одежду указанных двух ктиторов назову “бешметом” и “черкеской”, но надо учитывать, что последний термин (предполагающий наличие газырей) позднего происхождения. Как указывает В. Х. Тменов, “черкеска является результатом эволюции горской одежды на общекавказской основе”, а бешмет “по покрою

¹²⁵ Кондаков 1906: 104.

¹²⁶ Там же: 55.

¹²⁷ Доде 2001: 14.

¹²⁸ Гамбашидзе 1976: 75-76. Перевод С. Басиевой: ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 130: 9.

¹²⁹ ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, №20: 25-26.

¹³⁰ Лолашвили 1971: 90; Кузнецов 1990: 69.

¹³¹ Мамукаев 1969: 80, 81, 83.

¹³² Доде 2001: 35-36, 52-55, 59-60, 78; Доде 2002: 49; Студенечкая 1989: 259; Калоев 1971: 174-175, 180.

аналогичен черкеске, но значительно короче последней”.¹³³ Б. А. Калоев, напротив, считает, что “развитие черкески идет от бешмета”, а также что “возникновение черкески у осетин относится, вероятно, к после-монгольскому периоду и связано, несомненно, с появлением у них огнестрельного оружия”.¹³⁴ В любом случае, оба эти вида костюма – и бешмет и черкеска – являются разновидностями простого кафтана и, видимо, в общих чертах без больших изменений существовали с древнейших времен.

Фрагменты женской одежды, в которую входил кафтан с высоким стоячим воротником, охватывавшим шею и покрытым медными бляшками, были найдены П. С. Уваровой в Дигорском ущелье при раскопках погребений аланского времени. Этот кафтан поддевался под верхнюю одежду и был определен как “одеяние, похожее на поздние горские бешметы”.¹³⁵ Аналогичные костюмы с воротником-стойкой, как женские, так и мужские, фиксировались и в других могильниках Северного Кавказа.¹³⁶ Выше уже упоминался “бешмет” из половецкого погребения, также относящийся к подобному типу одежды. Украшение ворота и каймы на нижнем кафтане-бешмете ктиторов, которое в соответствии с принятой иконографической терминологией назвал “жемчужинами”, на самом деле можно трактовать по-разному. Вероятно, так показаны металлические бляшки, бусины либо бубенчики, которыми украшали обшитую шелком горловину. Вертикальные полосы на подоле одежды нузальских ктиторов – это, скорее всего, мелкие складки – кафтаны приспособлены по линии талии, что, видимо, являлось элементом моды того времени.¹³⁷ Впрочем, это могут быть и полосатые восточные ткани.

Неясно, как следует назвать головной убор одной из “спорных” фигур (у другой он полностью утрачен). В. А. Кузнецов назвал его “шлемом воина”¹³⁸, но с таким мнением трудно согласиться – странно видеть боевое наголовье, не закрывающее затылок и виски (ср., напр., шлем из Рекома¹³⁹). По мнению же Г. Г. Гамбашидзе, это “повойник” (во всяком случае, так убор назван в переводе С. Басиевой).¹⁴⁰ Вместе с тем, в соответствии с археологическими и этнографическими данными, на Северном Кавказе как мужчины, так и женщины (вернее, молодые девушки) носили шлемообразные головные уборы и, как указывает З. В. Доде, вопрос о таком единстве форм “может быть рассмотрен в контексте социального статуса обладательницы такого убора”.¹⁴¹ Кроме того, судя по фрагменту краски на копиях, у описываемой нузальской фигуры данная деталь костюма могла иметь не шлемовидную, а более сложную форму. Это вызывает в памяти головной убор “кур-харс”, известный по ингушским женским погребениям

XV-XVII вв. и отмеченный в 1638 г. русскими послами: “Жонки носят на головах... что роги вверх в поларшина”.¹⁴² Он имел форму “в виде конька” – верхняя часть загибалась вперед. Причем, судя по найденным экземплярам, “кур-харс” был принадлежностью богатых женщин.¹⁴³ Допустимо с большой осторожностью предполагать в ранний период более широкое распространение такого головного убора, что могло найти отражение на нузальской фреске.

У описываемых двух ктиторов, между прочим, волос не видно, хотя затылки открыты, и это – не результат утраты. Возможно, что головы выбриты. Судя по средневековым изображениям, в Грузии у женщин волосы, кроме отдельных прядей по сторонам лица, подвязывались или прикрывались накидками. Северокавказские же дамы могли подбирать волосы под головной убор¹⁴⁴, так что “отсутствие” волос на нузальской фреске вовсе не указывает на то, что перед нами мужчины. Я в настоящее время склоняюсь к тому, что эти две “спорные” фигуры – женские. Причем, судя по парному чередованию фигур в разных одеждах, каждая из дам стоит за спиной своего мужа.

Возвращаясь к описанному ранее портрету Елии, отметим, что, в отличие от других ктиторов, Елия не подпоясан. Неоднократно в аланских мужских погребениях среди хорошо сохранившихся поясных наборов не находили пряжек. Существует мнение, что таким способом могли “обезвреживать” покойников, лишив их возможности воспользоваться оружием, которое прикреплялось к поясу.¹⁴⁵ А по материалам этнографии известен осетинский

¹⁴² Полиевктов 1937: 251.

¹⁴³ Крупнов 1960: 73-74, 423; Крупнов 1971: 53, 94.

¹⁴⁴ Равдоникас 1990: 104.

¹⁴⁵ Плетнева 1967: 161.

Илл. 22. Сори. Группа ктиторов на южной стене. Фотография 2004 г.

¹³³ Тменов 1979: 122-123.

¹³⁴ Калоев 1971: 76; Калоев 1973: 30.

¹³⁵ Уварова 1900: 356-262.

¹³⁶ Кузнецов 1958.; Доде 2001: 75; Калоев 1971: 176.

¹³⁷ См. напр.: Доде 2001: 55, 74, илл. 2.

¹³⁸ Кузнецов 1990: 69.

¹³⁹ Нарожный 2003: 122-123 или Кузнецов 1990: 170.

¹⁴⁰ Гамбашидзе 1976: 75. Перевод: ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 130: 9.

¹⁴¹ Доде 2001: 20-22, 88, рис.18, илл. 9; Равдоникас 1990: 102.

обычай снятия пояса перед входом в святилище.¹⁴⁶ Не встречаем ли мы на нузальской фреске отголоски родственных древних традиций? Обращает на себя внимание и яркий красный цвет верхнего платья Елии, выделяющий фигуру из всего ктиторского ряда. У населения Северного Кавказа красный цвет являлся показателем привилегированного социального положения. Считалось также, что он имел свойство отгонять нечистую силу.¹⁴⁷ Одежда Елии, кроме того, покрыта орнаментом, видимо обозначающим богатство ткани. Возможно, это иранская или китайская ткань, какие во множестве встречаются в северокавказских погребениях, начиная с периода расцвета Алании и до позднейшего времени. Поскольку в средневековом искусстве каждая деталь одеяния могла нести определенную информацию и говорить о социальном статусе владельца костюма, то отсутствие пояса и богатство ткани, скорее всего, указывают на особое положение Елии.

Его фигура выделена не только отличием в одежде, но и самим расположением “одесную” престола и образа Христа, впереди ктиторского ряда. Понятно, что согласно с иерархической системой средневекового искусства, старшие в роду должны изображаться ближе к алтарю, во главе группы. Сказанное относится, прежде всего, к групповым портретам, представленным в виде “процессии”. Так, например, на ктиторских фресках в Кинцвиси и Бетания ближе всех к алтарной преграде стоит царь Георгий, за ним его дочь и соправительница Тамар, а уже позади всех – наследник Георгий Лаша. Соответственно, кем бы ни был Елия, он не может быть изображен впереди своих предков. Если бы перед нами действительно был “генеалогический” ряд правящего рода средневековой Осетии, то Илью-Ос-Багатара, как самого молодого из представленных в композиции и замыкающего “царственную” линию, по возрастной субординации поместили бы позади всех.

Правда Е. Г. Пчелина, уверенно связывавшая ктиторский ряд с “генеалогией”, также обратила внимание на то, что фигуры “своими местами нарушают традиции грузинской росписи”. Исследовательница объяснила это тем, что “в нузальской фреске расстановка фигур исходит из осетинского обычая стояния родичей у гроба во время погребального обряда”, и поэтому у изголовья мы видим самого старшего.¹⁴⁸ Версия Е. Г. Пчелиной остроумна, но недоказуема – в контексте византийской культуры аналогии неизвестны, тем более что среди изображенных на северной стене, вероятно, находится и сам погребенный.

Нельзя не отметить, что предлагаемая учеными датировка захоронения в нузальском храме началом XIV в. (как и прежняя – нач. XIII в.) основана на маловыразительном погребальном инвентаре (“подвешенные к остаткам узкого ремешка горского типа” два железных ножа, три железных кольца, кресало и осколок кремня, а также два альчика в ногах¹⁴⁹), и обычно соотносится с заданной

заранее атрибуцией погребения. Как указывает В. А. Кузнецов, найденные там железные нож и кресало характерны для XIV в., и “более узкой датировке имеющийся материал не поддается”, причем подобные вещи “бытуют ... вплоть до XIX в.”.¹⁵⁰ Несомненно, что росписи Нузала связаны с погребением и вряд ли их разделяет заметный временной промежуток. Обычно заказчиком подобных фресковых комплексов с ктиторскими портретами являлся либо изображенный и здесь же похороненный “основатель” усыпальницы, либо ближайшие его потомки. Надо отметить, что нузальские фрески по своему “развитому” палеологовскому стилю тяготеют к периоду позднему, чем предполагаемая дата смерти Ос-Багатара. Если наша датировка росписей верна, то разрыв между трагической гибелью осетинского героя и оформлением интерьера “Нузалы аргъуан” может составлять больше половины столетия (В. А. Кузнецов, кстати, основываясь на глубоко спорных данных, относит строительство храма к 1272-1273 гг. – когда Ос-Багатар был еще подростком¹⁵¹).

Конечно, отождествление изображенного на стене нузальского храма Елии и некоей похороненной под его “образом” персоны с легендарным “мтаваром овсов” Ос-Багатаром крайне соблазнительно, но вряд ли когда-то выйдет за рамки гипотезы. К такому же выводу пришел еще И. А. Лолашвили: “доказывать, что в Нузальской часовне похоронен Ос-Багатар, очень рискованно, вследствие чего этот вопрос сам по себе отпадает”, поскольку “у науки нет доказательств, необходимых для этого”.¹⁵² Справедливое замечание принадлежит также Г. Д. Тогошвили, по мнению которого “в настоящее время ... можно смело заявить, что с помощью нузальских фресок и надписи ... установить личность погребенного в церкви человека – дело безнадежное и напрасное”.¹⁵³ Вместе с тем, в различных трудах (и научных, и популярных) идентификация нузальского погребения и трактовка ктиторской группы нередко преподносятся как установленные факты. Увлекательная версия И. А. Лолашвили и В. А. Кузнецова заманчива и правдоподобна, но и сам Владимир Александрович не отрицал вероятность, что в нузальском храме похоронен кто-то иной.¹⁵⁴ К этнографическим данным – а в основном по ним судят о личности погребенного в нузальской усыпальнице – надо относиться с осторожностью. Все-таки к началу своего изучения храм существовал уже более 500 лет. Напомним, что и за меньший срок осетинские памятники обрастали легендарными сведениями, не имеющими ничего общего с истиной.¹⁵⁵ При этом важные факты истории

¹⁵⁰ Кузнецов 1990: 77; Кузнецов 1977: 132. Соответственно, определяется только нижний порог датировки.

¹⁵¹ Кузнецов 1990: 98-99.

¹⁵² Лолашвили 1971: 60.

¹⁵³ Тогошвили 1990: 38.

¹⁵⁴ Кузнецов 1977: 132-133. В работе 1990 г. исследователь этот вопрос не затрагивает.

¹⁵⁵ Например, склеп около селения Мацута в Дигории, принадлежавший какой-то местной семье и построенный видимо не ранее XVII века, к середине XIX столетия почитался, как могила легендарного нарта Сослана, став дзураром. Возможно, что род, владевший этим типовым склепом-“обай”, вымер, из-за чего принадлежность памятника забылась. Напомним и образ царицы Тамар, с которой связывали множество сооружений, не имевших к ней ни малейшего отношения. Примеры можно продолжать.

¹⁴⁶ Такой обычай зафиксирован, например, в Урсдонском ущелье – боковой ветке Алагирского (ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 21: 31).

¹⁴⁷ Доде 2001: 70, 99; Чибиров 1984: 192.

¹⁴⁸ Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 18.

¹⁴⁹ Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 14-15. Один из ножей назван “короткой однолезвийной саблей западноевропейской работы скарамасакс типа XII в.”.

полностью забывались, как было напрочь забыто и присутствие погребения в нузальской церкви. Да и фольклорный образ Ос-Багатара, напомним, является контаминацией, не привязанной к определенному времени, и имеет мало общего с реальной личностью XIII в.

Чем выделяется нузальская усыпальница – это наличием единственного захоронения (“второго ящика нет”¹⁵⁶), что, вкуче с заманчивыми версиями о принадлежности останков, трактовками ктиторской группы и проч., дает историкам основания рассуждать о значимости погребенного. Неоднократно приходилось слышать мнение, что такой выдающийся архитектурно-художественный комплекс был создан в честь одного человека – своего рода “martyrium” над гробом местного героя. Однако ничто не противоречит версии, что в усыпальнице предполагалось, но не было почему-то сделано, другое захоронение – ящик занимает только половину ширины наоса.¹⁵⁷ Тут, кстати, очевидно проявление христианского обычая самоуничтожения – посетители усыпальницы наступали на погребение, и это не очень похоже на посмертные почести герою. Кажется, что тот, кто был похоронен в “Нузалы аргъуан”, сам заранее выбрал и подготовил место для своего упокоения, как это делали представители аристократии по всему христианскому миру. Полагаю, что и каменный ящик, куда было положено тело, сверху никак не был отмечен – потому о нем и забыли. Погребения без надгробий, как и “анэпиграфные” (без надписей) – совершенно обычное явление в восточнохристианских областях. Для описываемого периода намогильные памятники, вероятно, не являлись обязательным элементом захоронения, эпитафии же характерны скорее для Западной Европы, где, собственно, впервые возникают и плоские надгробные плиты (не ранее X-XI вв.). В странах Византийского мира такие плитообразные надгробия начинают постепенно распространяться в развитом Средневековье не без западного влияния (в России ок. сер. XIII в.), а надписи на них – еще позже.¹⁵⁸ Поэтому мало оснований имеет звучащее иногда предположение о том, что “Нузальское стихотворение” было написано на плите. Во всяком случае, о надгробии в “Нузальской часовне” нет никаких свидетельств, как нет и близких аналогий – да и куда, собственно, оно могло пропасть?

Итак, вопрос атрибуции памятника остается открытым, и уверенно связать как погребение, так и светские изображения Нузала с конкретными историческими лицами пока не удастся. Остается присоединиться к мнению Г. Г. Гамбашидзе, лаконично заключившему, что на северной стене храма помещен групповой семейный портрет ктиторов.

К этому добавлю, что, скорее всего, впереди группы мы видим изображение покойного главы “сильного” алагирского рода, за спиной которого стоят два его сына с женами и ребенком. Вероятно, Фидарос –

это старший сын и наследник Елии, а младенец Сослан, показанный на руках своей матери – это сын Фидароса и будущий глава фамилии (к Давиду Сослану он не имеет никакого отношения). Таким образом, впереди ктиторского ряда представлены три поколения мужской линии семейства, владевшего нузальским храмом.

Трудно сказать, кто из осетинской социальной верхушки был изображен на южной стене храма. Можно, конечно, предполагать, что именно там и были написаны “Деметре и сын его Давид, сын Давида Атон, сын Атона Джадарон, сын Джадарона Сослан Давид”, хотя в соответствии с моими гипотетическими построениями, место портретов этих весьма значимых предков – на северной стене, “одесную” алтаря. Более вероятно, что справа также были изображения членов многочисленного семейства Елии (судя по расположению фрагментов, там было не более четырех фигур). Замечу, что оба сына главы рода представлены с супругами, а самого Елию мы видим без пары. Не могло ли изображение жены Елии располагаться впереди ктиторского ряда на южной стене? Тогда портрет этой знатной алагирской матроны также занимал почетное – но не главное – место во главе “процессии”, что вполне соответствует известному по осетинской этнографии глубоко уважительному отношению к “афсин” – жене главы семейной общины.¹⁵⁹ Правда, версия эта шатка: в грузинской средневековой традиции, как и вообще в традиции византийского мира, женщин в ктиторских группах впереди ряда не изображали никогда. Да и фрагмент одежды на южной стене не имеет следов параллельных вертикальных полос, как у других женских портретов в Нузале, и, скорее, соответствует мужскому костюму (складка, видимо, отмечает разрез на “халате”).

Вторая же фигура на южной стене располагалась прямо под оконным проемом, и, судя по расстоянию между обрезом одежды и линией подоконника, была ниже (сантиметров на 10) симметричного ей ктитора на северной стене. Не был ли здесь изображен подросток?

Следственно, не без сожаления приходится расстаться с романтической версией о растянутой на несколько столетий “генеалогической линии” осетинского правящего рода, якобы изображенной в усыпальнице для демонстрации связи с Багратидами и ради увековечения памяти Ос-Багатара. Несомненно, что на стенах нузальского храма мы видим представителей алагирской знати, живших в относительно короткий промежуток времени. Об их социальном статусе можно судить по костюмам, соответствующим облачениям закавказской аристократии.¹⁶⁰ Портреты “донаторов” были помещены

¹⁶⁰ Кстати, цари на портретах византийского времени всегда резко выделяются своими облачениями. Мне известно только одно изображение правителя Осетии, но на нем – именно царские лоратные одежды. Речь идет о плите алтарной преграды пер. пол. XI в. из знаменитого монастыря Зедазени в Кахетии (в экспозиции Государственного музея искусств Грузии). На плите помещены две фигуры с нимбами (правда, голова осетинского царя утрачена). Как указывает И. Ф. Николеишвили, которой принадлежит атрибуция этих портретов, “рельефная композиция представляет собой как бы иллюстрацию такого важного политического события страны, как заключение дружеского союза между царем Кахетии Квирикэ Третьим и

¹⁵⁶ ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф.6, оп. 1, д. 20: 41.

¹⁵⁷ Е. Г. Пчелина полагала, что место было подготовлено для царицы Тамар (Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: 22).

¹⁵⁸ Беляев 1996: 34-39 и далее.

¹⁵⁹ Калоев 1971: 202, 207-208.

на стены усыпальницы согласно с распространенной в христианском мире традицией (хотя Нузал выделяется многочисленностью ктиторских фигур). Как уже говорилось, в грузинских храмах, в том числе в высокогорной зоне, существует множество подобных “фамильных” портретов. Так, изображения членов семей “спонсоров” известны в Верхней Сванетии (Мацхвариши, Ипрари, Адиши, Лагами, Лэнджери), а также в граничащей с Осетией Горной Раче (Земо-Крихи, Сори, Никорцминда, Бугеули). У нас нет данных о погребальных функциях перечисленных высокогорных храмов, но ни один из них, кажется, не исследовался археологически.

Ценность нузальской ктиторской композиции заключается, прежде всего, в том, что это единственный сохранившийся изобразительный источник, по которому можно составить некоторое представление об облике средневековой осетинской аристократии. В этой “группе светских фигур” нашли отражение живые реалии быта высшего сословия горских обществ Осетии монгольского времени – парадная одежда знати, характерная для обширного восточного мира, а также (если конечно моя трактовка верна) традиционный северокавказский наряд.

* * *

Таким образом, определение нузальского храма как необычного и уникального “полусклепа-полуцеркви” – не совсем правильно. Перед нами распространенная в восточных областях византийского мира заальная церковь (однонефная базилика, необычная лишь своими миниатюрными размерами и конструкцией перекрытия – не привычным коробовым, а ложным сводом). Это был родовой храм-усыпальница, личная собственность семьи, принадлежавшей к социальной верхушке Уалладжира XIV в. Небольших “фамильных” церквей над гробами усопших известно множество по всему христианскому миру (в т. ч. и в Западной Алании). Можно предположить, что в Осетии и примыкающих областях “Нузалы аргъуан” не была единственной постройкой этого типа, но подобные погребальные сооружения еще не выявлены.

Среди памятников византийской ойкумены нузальская церковь выделяется неожиданным контрастом своей “народной” архитектуры и высокопрофессиональных фресок. Но это “противоречие” вполне объяснимо. В горах, где строительный материал лежал под ногами, существовала своя традиция каменного зодчества, и приглашать мастеров “из-за перевала” не было нужды. К тому же заказчики нузальской усыпальницы не ставили цель соорудить крупную постройку типа Зругского храма, для возведения которой требовались сложные технические навыки. Поэтому при строительстве обошлись местными силами. Вместе с тем, в Осетии XIV века, на-

царем Осетии Урдуре. Об этом выразительно свидетельствует и жест пожатия их рук. Согласно историческим данным, взаимная деятельность этих царей определяется временем с 1014 по 1037 гг.” (Николеишвили 1998; Николеишвили 1992: 144-150). В лоратных облачениях чаще всего изображались грузинские “цари-царей”, имевшие жалованный наследственный титул кесарей (в византийской светской иерархии занимавший второе место после императорского титула), сербские крали и деспоты, цари Болгарии и т. д.

ходившейся в состоянии кризиса, вряд ли имелась своя художественная школа и артели профессиональных изографов, тем более монументалистов. Для сохранения мастером высоких технических навыков необходима непрерывность ремесла, т. е. наличие регулярного заказа и рынка, чего в горских обществах Уалладжира монгольского времени по вполне объективным причинам быть не могло. Заказчики хотели видеть в храме “правильную” роспись, и поэтому художник-профессионал, “владевший” каноном и ориентированный в вопросах богословия, был приглашен из Грузии, где в те времена возникали первоклассные живописные ансамбли. В итоге был создан памятник, уже не одно столетие волнующий умы исследователей, и ярко отразивший тесные связи двух древних и самобытных культур.

Итак, абстрагируясь от письменных и фольклорных источников, “раннюю” историю “Нузалы аргъуан” в общих чертах можно представить следующим образом. Нузальский храм-усыпальницу строит для себя некий знатный алагирец из колена Царазонта примерно во второй трети XIV в. В постройке храма проявились амбиции “хозяина” и явная его ориентация на христианскую культуру византийского толка. Усыпальница возводится очень небольших размеров – в расчете на одно-два погребения – вероятно, из-за нехватки квалифицированных строителей, или по каким-то другим, неясным мне, причинам. Вероятно сам же заказчик постройки приглашает и художника (даже скорее – небольшую артель) для украшения стен храма росписью, куда в соответствии с традиционными представлениями вводятся портреты всей семьи ктитора. Допускаю, впрочем, появление фресок и после погребения, при детях покойного – установить точно момент создания росписи пока не представляется возможным. Так или иначе, основателя усыпальницы хоронят, в соответствии с его желанием, “похристиански”. Вместе с тем, в гроб кладут принадлежавшие умершему вещи и “ритуальные” (?) альчики, что можно считать единственным для “Нузалы аргъуан” бесспорным отражением традиционных дохристианских представлений местного населения. Нузальский храм не являлся приходским, а литургия здесь, надо полагать, проводилась лишь несколько раз в году, нося характер частной поминальной службы, специально организованной потомками покойного. По понятной причине спустя уже два-три поколения эти “заказные” богослужения прекращаются. Вскоре, как это обычно и бывает, стирается сама память о погребении. Вместе с тем, сохраняется определенный пиетет к усыпальнице, основанный на смутных воспоминаниях о былой ее значимости.

Я не отрицаю возможной принадлежности найденных Е. Г. Пчелиной останков Ос-Багатару, наличия портрета этого героя на стене усыпальницы, а также подлинности знаменитой “эпитафии”. Прежние версии исторической интерпретации “Нузалы аргъуан”, несмотря на неверность ряда положений, сохраняют свое значение. Но серьезные основания имеет и альтернативное толкование погребения и светских изображений храма. Приходится признать, что большинство затронутых здесь вопросов так и остаются без ответа. Весь круг “нузальских” проблем является своего рода ребусом, который еще предстоит разгадать. Но это – задача будущих исследований.

Литература:

- Eastmond 2001* – Eastmond Antony. The cult of st. Davit Garejeli. // Desert Monasticism. Gareja and the Christian East. Tbilisi, 2001.
- Joannes Chrysostomus* – Joannes Chrysostomus. In Acta apostolorum. // Patrologiae Graecae cursus completus. / Ed. J.-B. Migñe. Vol. 60, col. 13-384. Parisiis.
- Jolivet-Luvy 1991* – Jolivet-Luvy C. Les églises byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991.
- LCI* – Lexikon der christlichen Ikonographie. / Hrsg. W. Braunfels. Rom-Frieburg-Basel-Wien, 1994.
- Lidov 1991* – Lidov Alexei. The mural painting of Akhtala. M., 1991.
- National Cultural... 1998* – National Cultural Heritage Program, Open Society - Georgia Foundation / ed. N. Vacheishvili. Annual Report, 1998.
- Nikoleishvili 1992* – Nikoleishvili Irine. Georgische Ikonostas-reliefs der 10-11 Jahrhunderts mit Darstellungen historischen Persönlichkeiten, (Skieri, Saorbisi, Sedaseni). // Georgia, № 15. Universitäts Verlag, Konstanz, 1992.
- Thierry 1974* – Thierry N. A propos des peintures d'Ayvali Koy (Cappadoce). Les programmes absidaux à trois registres avec Deesis, en Cappadoce et en Georgie. // Zograf 5. Belgrad, 1974.
- Thierry 1999* – Thierry N. Aux Limites sacré et du magique: Un programme d'entrée d'une église en Cappadoce // Res orientales. 1999. XII: La science des cieux, sages, mages, astrologues.
- Thierry 1991* – Thierry N. Le culte du cerf en Anatolie et la Vision de Saint Eustathe. // Fondation Eugène Piot, Monuments et Mémoires, publiés par l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres, 1991. Vol. 72.
- Velmans 1981* – Velmans T. L'image de la Deisis dans les églises de Géorgie et dans celles d'autres régions du monde byzantin. I: la Deisis dans l'abside. // Cahiers Archéologiques, XXIX. Paris, 1980-1981.
- Velmans 1989* – Velmans T. Le peinture murale byzantine d'inspiration constantinopolitaine du milieu du XIV siècle (1330-1370). Son rayonnement en Géorgie. // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Београд, 1989.
- Velmans, Alpagò Novello 1996* – Velmans T., Alpagò Novello A. Miroir de l'invisible. Peintures murales et architecture de la Géorgie (VIe – XVe s.). Paris, 1996.
- Абаев 1990а* – Абаев В. И. О работе В.А.Кузнецова Реком, Нузал и Царазонта // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1990б* – Абаев В. И. Происхождение осетинских фамильных имен Сжразонтж и Жghuzatж // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Аладашвили 1977* – Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура Грузии. М., 1977.
- Аладашвили 1983* – Аладашвили Н. А. Композиция алтарной конхи в церквах Сванетии. // IV международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.
- Аладашвили, Алибегашвили, Вольская 1966* – Аладашвили Н. А., Алибегашвили Г. В., Вольская А. И. Росписи художника Тевдоре в Верхней Сванетии. Тбилиси, 1966.
- Аладашвили, Алибегашвили, Вольская 1983* – Аладашвили Н. А., Алибегашвили Г. В., Вольская А. И. Живописная школа Сванетии. Тбилиси, 1983.
- Аласаниа 1986* – Аласаниа Г. Г. Классификация грузинских письменных исторических источников. Тбилиси, 1986.
- Албегова 2000* – Албегова З. Х.-М. Склеп Софии нартовского эпоса // Проблемы осетинского нартовского эпоса. Сборник статей. Владикавказ, 2000.
- Алибегашвили 1979* – Алибегашвили Г. В. Светский портрет в грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1979.
- Амиранашвили 1950* – Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М., 1950.
- Амиранашвили 1957* – Амиранашвили Ш. Я. История грузинской монументальной живописи. Т. I. Тбилиси, 1957.

- Амиранашвили 1963* – Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М., 1963.
- Амиранашвили 1987* – Амиранашвили Ш. Я. Фрески Убиси. Тбилиси, Хеловнеба, 1987.
- Белецкий, Виноградов 2005* – Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // РА, 2005, № 1. (В печати)
- Беляев 1996* – Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. М., 1996.
- Брокгауз и Ефрон 1903* – Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXXVII. СПб., 1903.
- Бусева-Давыдова 2004* – Бусева-Давыдова И. Л. К проблеме канона в православном храмостроении. // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М., изд. УРСС, 2004.
- Вельманс 1983* – Вельманс Т. Роспись церкви Зенобани и тема Видение св. Евстафия в Грузии. // IV международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.
- Вирсаладзе 1955* – Вирсаладзе Т. Б. Фресковая роспись художника Микаэла Маглакели в Мацхвариши. // *Ars Georgica*. Т. 4. Тбилиси, 1955.
- Вирсаладзе 1963* – Вирсаладзе Т. Б. Фресковая роспись в церкви Архангелов села Земо Крихи. // *Ars Georgica*. Т. 6а. Тбилиси, 1963.
- Волконская 2004* – Волконская И. Г. Росписи трех пещерных храмов юго-западного Крыма. // Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем, 2004, № 1 (5).
- Воронин, Раппопорт 1979* – Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л., 1979.
- Габелиш 1998* – Габелиш Смилка. Манастир Лесново. Историја и сликарство. Београд, 1998.
- Гаглоева 2002* – Гаглоева З. Д. Осетинские фамилии. Цхинвал, 2002.
- Гамбашидзе 1976* – Гамбашидзе Г. Г. Памятники грузинской культуры в исторической Двалети. / Сабчота Хеловнеба (Советское искусство). № 3. Тбилиси, 1976. (На груз. яз.)
- Гамрекели 1961* – Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. н. э. Тбилиси, 1961.
- Гатуев 1901* – Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ, 1901.
- Голубцов 1918* – Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. Литургика. Сергиев Посад, 1918. (Переиздано: М., изд. Светлячок, Паломник, 1996).
- Гольдштейн 1975* – Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
- Граматык 2003* – Граматык А. А. Древнейшие росписи церкви Богородицы в монастыре Сирийцев в Египте. // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. VII. М., 2003.
- Гутнов 1993* – Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993.
- Демаков, Чумак 1988* – Демаков А. А., Чумак И. Л. К вопросу об исторической интерпретации Верхнекубанской группы храмов X века. // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Джанашвили 1897* – Джанашвили М. Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Тифлис, 1897.
- Дидебулидзе 1990* – Дидебулидзе М. Роспись в церкви Зенобани. // Известия Акад. наук Груз. ССР. Серия истории, этнографии и истории искусства. 1. Тбилиси, 1990. (На груз. яз.)
- Доде 2002* – Доде З. В. Женская одежда из позднесредневековых осетинских склеповых могильников в коллекции Б. А. Куфтина. // XXII “Крупновские чтения” по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Ессентуки-Кисловодск, 2002.
- Доде 2001* – Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.
- Донесение... 1934* – Донесение протопопа Болгарского епископу Астраханскому и Ставропольскому Антонию от 18 июля 1780 г. о нравах и обычаях осетин. // Материалы по истории Осетии (XVIII в.), т. I. [ИСОНИИ, VI.] Орджоникидзе, 1934.
- Драмлян 1979* – Драмлян И. Р. Фрески Кобайра. Издательство Советакан грох. Ереван, 1979.
- Древнехристианские храмы 1896* – Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта Кубанской области. Одесса, 1896.
- Дурново 1979* – Дурново Л. А. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М., 1979.
- Ерминия 1993* – Ерминия или наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом. М., изд. Свято-Владимирского Братства, 1993 (по изд. Киево-Печерской Лавры, 1868 г.).

- Живопись... 1971* – Живопись древнего Пскова. М., 1971.
- Закарая 1992* – Закарая П. Ф. Зодчество Тао-Кларджети. Издательство Тбилисского университета. Тбилиси, 1992.
- Ирон тауржгътж 1989* – Ирон тауржгътж. Сост. Джикаев Ш. Ф. Орджоникидзе, 1989.
- Калоев 1971* – Калоев Б. А. Осетины. М., 1971.
- Калоев 1973* – Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973.
- Каменная летопись... 1994* Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии. М., 1994.
- Кения, Силогава 1986* – Кения Р. И., Силогава В. И. Памятники грузинского чеканного искусства в Сванетии. Ушгули. Тбилиси, 1986. (На груз. яз.)
- Кобычев 1979* – Кобычев В. П. Храмов древние стены. // СЭ, 1979, № 4.
- Кондаков 1906* – Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.
- Крупнов 1960* – Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов 1971* – Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- Кузнецов 1977* – Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
- Кузнецов 1958* – Кузнецов В. А. Полный научный отчет Северо-Кавказской экспедиции 1957 года о работах в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской АССР. М., 1958.
- Кузнецов 1990* – Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.
- Кузнецов 2002* – Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.
- Лазарев 1970* – Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. М., 1970.
- Лолашвили 1971* – Лолашвили И. А. Тайна гробницы Давида Сослана. Тбилиси, 1971. (На груз. яз.)
- Лордкипанидзе 1973* – Лордкипанидзе И. Г. Роспись Набахтеви. Тбилиси, 1973. (На груз. яз.)
- Лордкипанидзе 1978* – Лордкипанидзе И. Г. Роспись придела Вамека Дадиани в Хоби. // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978.
- Лордкипанидзе 1983* – Лордкипанидзе И. Г. О некоторых художественных особенностях росписи в Убиси. // IV международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.
- Лордкипанидзе 1989* – Лордкипанидзе И. Г. Житийный цикл св. Георгия в Убиси. // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Београд, 1989.
- Лордкипанидзе 1990* – Лордкипанидзе М. Д. Абхазы и Абхазия. Тбилиси, 1990.
- Магомедов 1983* – Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Мамаиашвили 1991* – Мамаиашвили И. Ф. Роспись Табакини. Тбилиси, 1991.
- Мамукаев 1969* Мамукаев Т. Б. Тайна Нузальской часовни. Принадлежат ли исследуемые останки Давиду Сослану. Орджоникидзе, 1969.
- Маркович 1906* – Маркович В. В. В верховьях Ардона и Риона // Зап. ИРГО по общей географии. Т. XXXVIII, № 3. Спб., 1906.
- Материалы... 1937* – Материалы по истории грузино-русских отношений (1615-1640). Тбилиси, 1937.
- Меписашвили, Цинцадзе 1975* – Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии Шида-Картли. Тбилиси, 1975.
- Миллер 1881* – Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Вып. I. М., 1881. (Переиздан: Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992).
- Миллер 1998* – Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 1998.
- Мужухоев 1985а* – Мужухоев М. Б. К вопросу об интерпретации некоторых культурных памятников Северной Осетии эпохи средневековья. // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
- Мужухоев 1985б* – Мужухоев М. Б. Средневековые святилища Центрального Кавказа. // СА, 1985, № 3.
- Мужухоев 1977* – Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII-XVII вв.). Грозный, 1977.
- Нарожный 2003* – Нарожный Е. И. О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003.
- Николеишвили 1998* – Николеишвили И. Ф. Изображения исторических лиц в грузинской средневековой малой пластике. Плиты алтарных преград 10-11 вв. из Схиери, Саорбиси и Зедазени

- с рельефными изображениями. Автореф. ... канд. искусствоведения. Тбилиси, 1998.
(На груз. яз., русское резюме)
- Павлинов 1893* – Павлинов А. М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. // МАК. Т. III. М., 1893.
- Пивоварова 2002* – Пивоварова Н. В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде (1199 г.) // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб., 2002.
- Плетнева 1967* – Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
- Полиевктов 1937* – Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Тбилиси, 1937.
- Привалова 1977* – Привалова Е. Л. Павниси. Тбилиси, 1977.
- Привалова 1980* – Привалова Е. Л. Роспись Тимотесубани. Тбилиси, 1980.
- Пфаф 1871а* – Пфаф В. Б. Материалы по истории осетин. // ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1871.
- Пфаф 1871б* – Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии. // ССК. Т. 1. Тифлис, 1871.
- Равдоникас 1990* – Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения северо-западного Кавказа. Ленинград, 1990.
- Радойчич 1973* – Радойчич С. Н. Изображение отрока при церковном входе в сербской живописи начала XV века. // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М., 1973.
- Раппопорт 1974* – Раппопорт П. А. Ориентация древнерусских церквей. // КСИА. Вып. 139. М., 1974.
- Раппопорт 1994* – Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. СПб., 1994.
- Рейнеггс 1967* – Рейнеггс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
- Реставрация и исследования... 1990* – Реставрация и исследования памятников культуры. Выпуск 3. М., 1990.
- Сидоренко 2000* – Сидоренко Г. В. Михайловские рельефные плиты XI в. // Иконостас. М., 2000.
- Смирнова 2004* – Смирнова Э. С. Иконы Северо-Восточной Руси: Ростов, Владимир, Кострома, Муром, Рязань, Москва, Вологодский край, Двина. Середина XIII – середина XIV века. М., 2004.
- Студенецкая 1989* – Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XIX вв. М., 1989.
- Схиртладзе 2000* – Схиртладзе З. Н. Исторические фигуры в Колагирском монастыре Гареджийской пустыни. Тбилиси, 2000. (На груз. яз.)
- Тменов 1979* – Тменов В. Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979.
- Тменов 1984* – Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- Тменов 1996* – Тменов В. Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.
- Тогошвили 1981* – Тогошвили Г. Д. Сослан Давид (к вопросу о его генеалогии). // ИЮОНИИ. Вып. XXVI. Тбилиси, 1981.
- Тогошвили 1990* – Тогошвили Г. Д. Сослан Давид. Владикавказ, 1990.
- Толмачевская 1931* – Толмачевская Н. И. Фрески древней Грузии. Тифлис, 1931.
- Толстой 1997* – Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997.
- Уварова 1887* – Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887.
- Уварова 1900* – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Т. VIII. М., 1900.
- Фасмер 1973* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973.
- Хуцишвили 1988* – Хуцишвили Г. Я. Стенная роспись Сапара. Тбилиси, 1988. (На груз. яз.)
- Церковь св. Георгия... 2002* – Церковь св. Георгия в Старой Ладого. История, архитектура, фрески. Монографическое исследование памятника XII в. Автор-составитель В. Д. Сарабьянов. М., 2002.
- Цулая 1980* – Цулая Г. В. Грузинский Хронограф XIV века о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1980.
- Чибиров 1984* – Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвал, 1984.
- Чихладзе 2002* – Чихладзе Н. Э. Недавно обнаруженный памятник палеологовской живописи в церкви Богоматери селения Дирби в Восточной Грузии. // Кавказоведение. № 2. М., 2002.

- Чихладзе 2005* – Чихладзе Н. Э. Копии фресок Нузальской росписи в хранилищах музеев Грузии и их роль в изучении памятника. // Shalva Amiranashvili State Art Museum of Georgia. Issavs, № IX. Tbilisi, 2005. (На груз. яз., русское резюме)
- Чичинадзе 1985* – Чичинадзе И. А. Роспись Сорской церкви. Тбилиси, 1985. (На груз. яз.)
- Чукова 2003* – Чукова Т. А. Алтарь древнерусского храма конца X первой трети XIII в. СПб., 2003.
- Шевякова 1983* – Шевякова Т. С. Монументальная живопись раннего средневековья Грузии. Тбилиси, 1983.
- Шервашидзе 1980* – Шервашидзе Л. А. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси, 1980.
- Якобсон 1983* – Якобсон А. Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Ленинград, 1983.

Архивные материалы:

- Архив Института археологии РАН. Р-1, № 3097: Пчелина Е. Г. Отчет по экспедиционной поездке с 5 по 26 августа 1965 г. в Алагирское и Мамисонское ущелья Северной Осетии.
- ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 4, оп. 1, д. 119: материалы научного архива К. А. Берладиной.
- ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 20: Пчелина Е. Г. Нузальская часовня в Северной Осетии.
- ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 21: Пчелина Е. Г. Местность Уаллагир и шесть колен рода Особагатара.
- ОРФ СОИГСИ. Отделение истории, ф. 6, оп. 1, д. 130: Гамбашидзе Г. Г. Памятники грузинской культуры в исторической Двалети. Перевод С. Басиевой.
- Проектный институт по реставрации памятников истории и культуры “Спецпроектреставрация”. Научный архив. Шифр. 45, № 3131: Отчет о противоаварийных работах 1982-83 гг. по консервации живописи XV в. Нузальской часовни.
- СОГОМИАЛ 2850, шк. 4, п. 1: Материалы экспедиции Е. Г. Пчелиной 1938 г.

Список сокращений:

- ИРГО – Императорское Русское Географическое общество
- ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
- ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- МАК – Материалы по археологии Кавказа
- ОРФ СОИГСИ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований
- РА – Российская археология
- СА – Советская археология
- СОГОМИАЛ – Североосетинский государственный объединенный музей истории, архитектуры и литературы
- ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах
- ССК – Сборник сведений о Кавказе
- СЭ – Советская этнография

Историографический архив

Г.-Ф. Миллер

Скифы. Сарматы. Аланы. Роксоланы

В 60-х гг. минувшего века, извлекая в государственном архиве древних актов в Москве документы по истории Осетии, в фонде “Портфели Миллера” я обнаружил рукопись Герарда-Фридриха Миллера “Народы в России, жившие в древние времена” и счел необходимым перепечатать из нее страницы, так или иначе относящиеся к истории осетинского народа. С моей точки зрения, они представляют определенный историографический интерес, тем более, что: а) сделанные извлечения своим содержанием принадлежат к XVIII веку – времени, когда происходил переход от исторического знания к исторической науке; б) соотнесение алан с осетинами, которое уже наблюдается в XVIII веке, – первым, пожалуй, начинал Г.-Ф. Миллер. Стоит отметить и другое. О скифах, сарматах и роксоланах писали также В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов –

современники Миллера. По его мысли, “роксоланы”, – предки осетин, – “народ, который не только жил в России, но от которого по большей части производится начало российского имени”. Идея о том, что название “Русь” производно из осетинского языка, высказывалась и много позже, даже в XX веке. Происхождение названия “Русь” в устах Г.-Ф. Миллера, относившего его к роксоланам, тем еще привлекает внимание, что у Г.-З. Байера и А.-Л. Шлецера – соотечественников Миллера – оно связывалось с их норманской теорией. Публикуемый ниже текст – извлечения из сочинения Г.-Ф. Миллера “Народы в России, жившие в древние времена”. Орфография, пунктуация и подчеркивание автором отдельных слов в тексте сохранены без изменений.

М. М. Блиев

л. 1

I.

Скифы

Хотя и не невероятно, чтоб вначале под именем скифов почитался некоторый одинакий и сильный, около Черного моря живший народ, котораго происхождение и первую историю в баснях запутанный описал Геродот; однако ж не меньше верно, что следующие историописатели и географы под общим скифов именем разумели множество и иных народов, зависящих частью от первых скифов, а больше еще по отдаленности разстояния своего живших без всякой зависимости, и не имевших с скифами никакого в языке сходства. Все обитатели Российскаго государства как в Европе, так и в Азии, и еще в великой части средней Азии, назывались скифами. От сего произошла разность европейских и азиатских скифов по сю, и скифов по ту сторону горы Имауса. По сей то притчине имелось столь много особливых имян скифов, кои свойственно были имена особливых народов. Когда только слышали о каком либо еще не известном отдаленном народе, то называли оной скифами; как и ныне в тех же странах находится невероятное почти множество народов известных в России под именами остяков, самоедов и иных не имеющих с ними ни малейшего сродства. А примечается только между // ими сходство в некоторых наружных обстоятельствах. То же кажется бывало и в самыя древнейшия времена. Точная различность народов не состоит в нравах и обыкновениях ни в пище и промыслах, ниже в вере ибо все сие быть может общее разным народам, а напротив того разное между одинаким народом. Единственной необманчивой знак есть язык; где оной сходен тут никакая разность народов быть не может; где же язык различен, тут никакого общества народов доказать не можно. Язык доказывает нам происхождение народов.

л. 1 об.

л. 2

Но настоящий словоиспытатель не довольствуется сходством одинаких слов, ибо в сем много быть может приключительнаго, равно как в сходстве особ, не имеющих между собою никакого сродства. По сей причине он не делает никаких заключений, пока не увидит, что оныя и историею подтверждаются. Новейшия писатели а паче между поляками и употребляли в латинском языке имя скифов, когда они о татарах говорили, чаятельно для избежания варварскаго слова не известнаго римским писателям. Татары же в Европе не прежде прославились как в 13 столетии после рожества Христова нападением своим на Россию и ужасными разорениями учиненными ими не только в сем государстве, но в Польше, в Силезии, и в Венгрии. Положим что они во время древних римлян жили в границах Скифии, но со всем тем // не одни бы они заслужили себе имя скифов. Скифскую историю превосходным образом изяснил Байер в комменториях Санкт-Петербургской академии наук. А после его и другие. Далигл начало шведской своей истории произвел из скифской, сие могли бы сделать и иныя от скифов происшедшия народы, есть ли б они похотели столь далеко выныкнуть в древность, всего меньше осудить бы можно за то россиян, потому что великое множество скифских народов жили в границах России.

II.

Сарматы

л. 2 об.

Не можно не признаться в том, что был народ названный от греческих и латинских древних писателей сарматами, а земля их Сарматиею. Многия думают да оное и вероятно, что под сим именем разумелись славяне пока еще сие последнее имя не знакомо было ибо то не прежде сделалось как в пятом столетии, но когда самыя сии писатели Сарматию разделяют на европейскую и азиатскую, когда они первую к западу ограничивают Вислою, а последнюю к востоку оставляют не ограниченную так что оная пропадает в азиатической Скифии, то и видно, что один народ не доволен для столь великой земли. Из сего следуют два положения: 1) что не все сарматы были славянскаго происхождения, 2) что Сарматия в себе содержала разныя народы, из коих многия знакомы были под именем скифов. А когда сие так, то не можно согласиться с теми, кои под именем сарматов единственно разумеют поляков, включая всяких иных народов. Меньше же еще утвердить можно мнение новейшаго // российскаго писателя который почитая чухонцов под именем сармат, думает, что первыя российския владельцы призванныя из народа варях в Новгород ко владению, пришли из Финляндии. В сем случае равно как и в иных употребляет он вместо чухонцов им сармат. Он часто, упоминая о чухонских словах, называет оныя сарматскими, но по истинному понятию, которое себе сделать должно о множестве народов живших в пространной Сарматии, не возможно, чтоб был когда либо, а еще меньше чтоб и по ныне еще остался, особливой сарматской язык. Впрочем и то ест не отрицательно, что в древныя времена и чухонцы жили в Сарматии, да и весьма далеко в Литве и в Польше, а может быть и в России, даже до реки Оки. Кажется что славяне их оттуда прогнали, и притеснили их к нынешним их жилищам. На против того не находится, чтоб нынешняя Финляндия была когда либо причтена к Сарматии. Протиженное имя Sauromatae вместо Sarmatae может быть вымышлено от баснотворцев. По крайней мере не видно каким бы образом в натуре было основательно обыкновенное произведение сего имени из греческаго слова, ящеричные глаза.

л. 6 об.

V.

Аланы

Из разных мест Прокопиева сочинения доказать можно что аланы были народ гофский. Сем не противуборствует то, что они имели особливое имя не означивающее гофскаго происхождения. По большой части думают, да и не без вероятности, что имя аланов родилось у греков, и что оное происходит от греческаго глагола значущаго странствовать или бродить. Итак

л. 7 было бы сие перевод имени немецких вандалов, о которых Прокопий показывает, что они жили у Меотического моря, но будучи притесняемы венграми, перешли в Германию, приняв наперед в свое общество гофских аланов. Равное толкование имен находится у скифских номадов, у гамакситов и у немецких свевов. Когда сие так то думать можно, что были два рода готфов, один живший в городах и в деревнях, о котором в прежней статье упомянуто, и другой переходящий с места на место, и живший под палатками, то в одной то в другой стране, сие есть аланы. Аммиан Марцеллин почитал аланов остатком массагетов. И в том нет // прекословия, когда по причине сродства гетского и гофского имени массагеты почитаемы бывают предками гофов.

Аланов различали на европейских и азиатских. Одни жили, по объявлению Прокопия, между Черным и Каспийским морем от Кавказа даже до Каспийского прохода то есть до Гилян; другая на восточной стороне реки Дона, отделяющей их от гофов. Еще иные, которые были известнейшие, жили в середине России, где предлагали гору называемую Аланусом, или Алауносом. А иные на последок жили у Днепра, Днестра, даже до самого устья Дуная, где они тем легче могли гофам и римлянам быть сообщниками. О сих последних упоминает Плиний, прежних же знаем мы через Аммиана Марцеллина. Мы не хотим задержаться при горе Аланусе, хотя Птоломей и означил длину и широту ее, простирающуюся до уезда города Алатыра, ибо верно таковой одинакой горы столь важной величины, не токмо в показанной стране, но и нигде в России не находится.

л. 7 об. В первом столетии после рождения Христова при императоре Веспасиане кавказские аланы ворвались в Медию и в Армению, а во втором веке во время владения Антония Благочестиваго, днепрския и днестрския аланы оказали себя при Дунае врагами римския империи. Сих последних аланов видим мы так же во время императора Марка Аврелия между прочими в Маркомонской // войне. Около 242-го года отличили они себя наипаче, победив в явном сражении при Филипполесе в Трации, императора Гордиана, воюющаго против персов. Сто лет после сего аланы пришли в упадок, они равным образом как и гофы гуннами побеждены, прогнаны, разсеяны да принуждены были соединиться с победителями своими противу приятелей и неприятелей. Сим образом аланы вместе с гуннами пошли в Польшу, в Венгрию и в Германию, тут нашли они пред собою сродственников в вандалах и в свевах, для коих кажется отставали они от гуннов. В 5-м столетии ворвались они с ними в Францию и в Гишпанию и король их Атакс над всею соединенною силою приобрел себе такое почтение, что сначала все его воле подвергалось, но скоро потом щастие переменилось. Гофы победили аланов, король их Атакс убит с большею частию народа, а прочие принуждены были, поддаться власти вандалов.

л. 8 После сего история в западных землях ничего не имеет упомянуть об аланах, но в стране между Черным и Каспийским морем упоминается еще иногда об оных. Гербелот Ягиугский упоминает в арабском описании путешествия 9-го столетия что некоторый король аланов жил неподалеку от Дербента. Карпин и Рубруквис упоминает в 13 веке об аланах коих они нашли на пути // своем или о коих они слышали. Первый из сих писателей соединяет их с черкесами, и прозывает их ассами. Сие имя кажется имеет сходство с нынешними оссетами второй же описывает аланами народ названный от татар ациасами или акасами, кои исповедают христианский закон, говорят по-гречески, имеют греческих священников, и не бывают в законе раскольниками. Сей народ, живший от Волги к югу в великих горах, защищал вольность свою противу татар, тем наипаче, что они были искусные кузнецы и оружейники. И татары имели в службе своей аланов. М. Павел Венецианский свидетельствует что Кублай употреблял оных для завладении своих в Китае, с сим сходно об'явление П. Гаубила в Могольской его истории, где он упоминает хотя не об аланах, но о некоторых чужестранцах служивших в войне хану Гупилаю (Кублаю). Я думаю признавать здесь предков обитателей деревни Кубешага о коих находится примечания достойное описание во втором томе Собрания российских историй. Итак они не были генуезския но греческия поселенцы, недобно чтоб они еще прежде раскола церкви оставили свое отечество, чем долее они в кавказских горах жили, тем лехче могли они забыть природной свой язык и закон и вместо онаго принять татарской. Когда Рубруквис говорит: что // Исидор именовал Аланиею землю команов коих немцы называли валанами, то разумеет он под именем команов половцов живших в 11 и в 12 веках даже до пришествия татар в странах между Доном и Днепром. Сии то суть в коих одновременныя немецкия историописатели упоминают под именем валвов. Имя куманов кажется

л. 8 об.

взято от реки Кумы. Между Кумою и Кубанью в татарском произношении разность едва примечаема. И так земля Кумания, когда кто ее так назовет, великое пространство иметь может, из сей же земли произошли мало по малу все народы учинившие в России и в соседственных государствах великия беды, хотя и всегда под собственным своим именем. Знаем только о команах у Дуная и в Венгрии, и то суть половцы прогнанные в 13 столетии татарами. Более сего не требуется для опровержения мнения о таком народе, который собственным своим именем назывался команами или куманами. Когда напоследок литовские историописатели, как Алб. Вьюк Коялович, постановляют аланов в Литве, и от оных происхождение своего народа производят; то противуборствует сему, что аланы были гофской или немецкой народ, а литовцы говорят языком совсем от немецкого отличным. //

л. 9

VI.

Роксоланы

Народ, который не токмо жил в России, но от котораго по большей части производится начало российского имени, заслуживает чтоб об оном донести все что примечания достойного знаем. Первое известие о роксоланах находится у Страбона, который их поставляет в самых северных полях между Доном и Днепром, не зная живут ли за ними какия люди. Плиний упоминает об них купно с аланами, под скифскими народами. Птоломей означивает их пребывание около Меотического моря. Следовательно обитали они в тех же странах где и аланы, от коих они только отличались в имени приложением слова рокс или рос. Об истории их находится следующее: еще до Рождества Христова имели они войну с понтийским королем Митрадотом великим, и прозваны тут мужественным народом. Во время императора Оттона, 68 лет после рождества Христова, ворвались они в Мезию, поразили две римские армии, но вскоре потом претерпели и сами поражени. Они имели короля, о котором упоминает Грутер в некоторой надписи того времени, и Спарциан об'являет что оный король получал от римлян пенсию. Когда сей король не был доволен, что сию пенсию у него уменьшили, то император Адриан пошел на него с войском и заключил с ним мир.

л. 9 об. В 116-м году явились роксоланы в Маркоманской войне, // а в 270-м году и они были в числе народов побежденных императором Аврелианом. Но как все сие доселе сказанное принадлежит только до роксоланов вышедших из России в Дацию или к Дунаю, то много еще оных осталось в России, зависимых от гофов, а в 371-м году оныя от нападения гуннов претерпели с прочими общую погибель. Иорнандес о сем приключении доносит следущия обстоятельства: роксоланы зделались гофам не верными. Германрик хотел содержать народ в своей должности строгостию, и велел лошадьми разодрать роксоланку именем Сонилду, за то что муж ея перешел к гуннам. Через сие сонилдины братья Сарус и Аммиус будучи приведены в бешенство, ранили Германрика в бок, отчего он и вылечиться не мог, но скоро потом сам себе прекратил жизнь, в рукописной записке Иорнандеса хранящейся в Медиолане в библиотеке Амвросианской написано Rogsomanogum вместо Roxolanogum, хотя сие и кажется единственно опискою, однако ж из'ясняет тогдашнее произношение Рохо через Rogso. Более сего нигде не находится известия о роксоланах ни в России, ниже при последующих походах народов, но спустя несколько столетий паки они являются при Балтийском море около Вислы. Они может быть там поселены королем Германриком, когда оный владение свое распространил и чрез Пруссию. Может быть при том, что они несколько времени провожали гуннов в их походах и после смерти Аттилы отстали от оных для // избежания военных беспокойствия, избрали сию отдаленную страну для пребывания своего. Что они действительно жили в Пруссии по берегам Балтийскаго моря в том имеем мы свидетельство географа Равенскаго, которое испытующий любитель истории не может не уважить, поелику оное одно и есть в коем продолжается память роксоланов. Статья о варягах представит об оных прдолженное известие.

Литература свидетельства

Бимболат Бтемиров

«Я потерял свое имя...»*

В камере. Расстрел**

Из двадцати четырех часов самые худшие были вечерние от восьми до двенадцати ночи, если этот отрывок времени прошел благополучно, то значит нет расстрела. Тогда, казалось, до утра можно спать спокойно. Однако здесь жизнь устроена так, чтобы люди были лишены покоя круглые сутки, и чтобы наши нервы никогда не отдыхали. Если днем мы имели неприятности в одном виде, с вечера до полуночи переживали кошмарный страх расстрела, то ночь приносила нам свои неприятности в другом виде. Слишком большое скопление людей в камере не давало нам возможности создать хоть какое-нибудь удобство, и хотя бы иметь возможность посидеть, походить несколько шагов свободно, а ночью протянуть ноги во весь рост. Вся площадь камеры, включая место и под нарами, была распределена на тридцать три части для ночлега, за исключением небольшого клочка площади под ведром с питьевой водой на одном углу и под вонючей парашей в другом. На нарах полагалось от пятидесяти до шестидесяти сантиметров ширины на одного человека. На полу, по некоторым соображениям, эта норма была увеличена до семидесяти сантиметров. Порядок этот был основательный и твердый, каждое место имело метки, обозначенные выборными людьми и старостой в камере. Каждому заключенному было отведено место лежанки на ночь как бы в его собственность, днем же вся площадь камеры превращалась общей для всех заключенных. Лучшие места на нарах были отведены более старым арестантам, пребывающим в этой камере много месяцев, и городской интеллигенции, а сельчане спали на полу. Ширина камеры равнялась приблизительно ростам двух человек в лежачем положении, таким образом получалось два ряда на открытой площади, т. е. один на нарах, другой на полу. Третий ряд ложился под нарами, при чем головы этого ряда выступали немного в наружу, чтобы можно было дышать, а ноги и туловище до самых плеч уходило в глуб[ь] под нарами. Наихудшими местами лежанки считались у самой парашаи, эти места давались новеньким арестантам, не имеющим еще стажа камерной жизни. Нужно много месяцев пребывания в камере, прежде чем новичек дойдет до нар, т. е. на расстояние всего один метр, разумеется, если за это время он не будет расстрелян. С наступлением вечера у нас всегда менялось настроение, даже тогда, когда не бывало никаких признаков приготовления к расстрелу. Вечная неизвестность, и разные хитрые коварные уловки чекистов, всегда пугали и давили нас своей тяжестью. Каждый вечер был для нас тяжелым и тягостным, именно в эти часы мы были расстроены и озлоблены больше, чем в другое время. Вероятно, это и было главной причиной споров и нежелательных сцен в камере перед сном между заключенными за место лежанки, так как всякому из них хорошо было известно его место. Другой раз стоило много трудов старосте и более сознательным из заключенных урегулировать этот не сложный вопрос бесшумно, так как в ночное время дневальный запрещал нам громко разговаривать и чаще заглядывал к нам через "волчек". В конце концов споры кончались, все ложились спать на своих лохмотьях, но это еще не все, споры возникали и во время сна, даже худшие. При всех обстоятельствах, даже наихудших, всюду нужно уметь применять особое свое внимание к деталям и изучить основательно обст[ан]овку жизни, иначе вы понесете ошибку. Вот мы ложились спать, казалось, что тут особенного или хитрого, между тем и здесь нужно уметь. Прежде всего с самого начала нужно лежать на спине, чтобы ваше растянутое тело заняло всю площадь, принадлежащую вам по праву. Стараться всю ночь спать, не меняя положение своего тела, если же вздумаете перевернуться и спать на боку, то вы рискуете потерять, по крайней мере, десять сантиметров из шестидесяти вашего места. Оба ваши соседи, сжимавшие вам бока до этого момента, как пружины, немедленно займут часть вашего места, не сознательно, даже не просыпаясь от сна. Еще хуже вы можете осложнить свой отдых и сон, если вздумайте ночью встать с места внезапно, по естественным надобностям, неосторожно, ибо ваши соседи по обе стороны, почувствовав

* Продолжение публикации. Начало см.: ИФА, № 1, 2004.

** Название «В камере. Расстрел» дано издателем.

рядом свободное место, механически займут его до вашего возвращения от параши. В этом случае вы будете вынуждены или поднять скандал, будить людей от сна и доказывать им свое право на свое только что потерянное место, или же просидеть до утра на свободном клочке площади у самой параши, другого места, свободного даже стать ногами, вы в камере не найдете. Допустим, что вам удалось вновь занять свое место и вы лежите на спине, это еще не значит успокоиться и крепко заснуть до утра. Ваши соседи по бокам могут оказаться беспокойными, один громко бормочет во сне, почти у вашего уха, ругается с кем-то, сводит с ним старые счеты, другой сосед ваш выкидывает номера еще хуже, он отвратительно храпит, как полузarezанный, не дает покоя своим рукам и ногам. Уставшись от дневной сутолоки, от всей поганой камерной жизни, от постоянного вида голых грязных мужских тел и прикосновений к ним, вы начинаете все же дремать. Не успели вы еще заснуть как следует, вдруг неожиданно вы получаете хороший удар прямо по голому вашему животу болтающей по воздуху ноги услужливого соседа. Вы чуть было не подскочили на месте, сразу не поняв в чем дело, с возмущением сильным толчком вы отбрасываете обратно чужую ногу с своего живота, улегшую спокойно на самом мягко[м] месте. Сила удара по животу вам причинил[а] боль, вам это очень неприятно, не говоря о том, что ваш сон прерван, вы расстроились, проклинаете свою жизнь и только слыша с дальнего конца камеры подобную же сцену, вы успокаеваете самого себя: ведь я же не один, мою участь переживают вся наша камера, все подвалы нашего Отдела ГПУ и миллионы подобных нам людей в Огромной Советской России. Вы немного успокоились, сон начинает опять вас брать, мысли прервались, вдруг будит вас громкая ругань с другой стороны в двух метрах от вас, не успели вы послать им свое проклятие, как получаете второй молниеносный удар опять по животу той же самой ноги вашего беспокойного соседа. Спи спокойно после всего этого, – усни! – бывший советский “свободный” гражданин, бывший член бесклассового общества, успокой свои железные нервы и жди свою участь, что дадут тебе еще грядущие дни.

Однако это еще не все, ночные переживания далеко не кончились, в камере именно во время сна вас ждет неприятность совсем другого рода, продолжающаяся до самого утра. Кроме заключенных, в камере проживали разные насекомые в большом количестве: тараканы, прусаки, клопы и прочие. С вечера они выходили из своих гнезд группами и одиночками, кто на охоту пососать чужую кровь, кто просто на прогулку на правах Советского своб[од]ного гражданина. Тараканы и особенно прусаки очень забавны, они не кусаются и не приносили нам особенного вреда. Если отбросить в сторону нашу общепринятую брезгливость и внимательно присмотреться к их жизни, то всякий может убедиться, что в них никакой грязи нет, наоборот – они даже симпатичны. Правда, они по ночам беспокоили нас во время сна, бегая быстро по нашим голым телам в разном направлении. Приятного мало, нежелательно, но что делать, у них ножки жестки и очень чувствительно раздражают голое тело. Они ведут раз[н]узданную жизнь, – очевидно, пример взяли у своих хозяев-чекистов, бестолково бегая в разные стороны. Если они бегают по телу, то это еще полбеды, другое дело, когда какой-нибудь дурной прусак во время сна заскочит вам в губ[ь] открытого рта, в ноздри, в ухо, – конечно, это уже нахальство. Выходки таких нахалов нежелательны и неприятны для заключенных в камере, зато желательны и приятны тому, кто посадил нас в эту камеру. Однако, они все же безобидные насекомые, бегают спешно не для того, чтобы причинить кому-то вред, а потому, что они просто голодны и ищут где-нибудь пожить едой, кроме того, они крайне любопытны. Сознаться, нам они изрядно надоели, ибо их было бесчисленное количество взрослых, подростков и совсем маленьких детей. Однажды наш общий любимец и забавник Кацман взял кусок мякоти черного хлеба, намочил его слегка водой, помял пальцами и получилось тесто, перед сном он прилепил его к стене над своей головой. Через некоторое время тараканы и прусаки окружили кусок теста такой густой толпой, что заняли площадь вокруг него в диаметре полметра на стене. В следующую ночь перед сном мы все проделали то же самое, и с этого дня беготня их по нашим телам значительно уменьшилась. Кацман был в восторге от своего изобретения, каждый вечер перед тем, как ложиться спать, мы отрывали хлеб от скудного пайка, аккуратно лепили на стене кусок теста и насекомые его с такой же аккуратностью съедали до утра. Таким образом из бывших врагов мы превратились с ним[и] в настоящих друзей. Характерно также заметить, что эти малюсенькие животные привыкли к кормежке и вечером заранее уже собирались группами на тех местах стены, где прилепался хлеб. Днем они отдыхали где-то в разных щелях, редко когда какой-нибудь шальной выскочит в наружу и опять прятался. Однако мы их находили в гнездах, когда нам нужно было для игры одна или две пары тараканов однолеток, т. е. ростом одинаковых. Игру эту мы называли скачками, так как она представляла из себя нечто вроде скачек. На нарах или просто на полу чертили круг диаметром примерно около метра, а в центре второй маленький круг. Каждый игрок ставил свой таракан в маленький круг и придерживал его пальцами. Тараканы терпеливо ждали, симпатично крутили свои усики, затем по сигналу пускались они из маленького круга. Выигрывал тот игрок, чья воображаемая “лошадь-скакун” пересекала раньше других линию большого круга. Тараканы ловились опять и игра возобновлялась вновь.

Ставок не было никаких, так как у нас вообще ничего не было, ни денег, ни других предметов, все отобрано еще при обыске у каждого в комендантской, в первые же минуты его пребывания в доме ОГПУ. Поэтому игра в скачки кончалась всегда впустую, зато она давала нам убивать наше скучное, нудное время, так как абсолютно нечем было занят[ь]ся: ни книг, ни газет к нам не допускали.

Другое дело клоп, он просто дрянь и ничего симпатичного в нем нет. Клоп большой ночной разбойник, его ненасытную и кровожадную натуру можно сравнить с хищными зверями, с волком, с тигром и т. д., а также с ГПУ. Он вылезает из своего места только ночью, избегает света, подкрадывается к голому телу и высасывает кровь до тех пор, пока не надуется весь. По кровожадности он сильно напоминает чекиста, у него есть также свои уловки, довольно ловкие и хитрые. Одна из этих уловок его очень забавна и по хитрости ничуть не уступает уловкам нашего грозного коменданта. Неизвестно только, составляет ли клоп заранее план своих действий, как наш комендант. Ночью во время сна он лазит по стене до самого потолка, а потом, немного пройдя по нему, бросается вниз прямо на голые тела людей. Хорошо, если вы в этот момент не спите и заметили его хитрую уловку, а если вы успели погрузиться в глубокий сон, то вы получите укол, с потерей капли вашей жиденькой крови. Но это еще полбеда, результаты уловки ничтожного клопа могут быть гораздо хуже, если он, сорвавшись с потолка с быстротой пули, попадет вам прямо в открытый рот. Спросонья, не разобравшись в чем дело, вы обязательно раздавите его между зубами. Тогда вы сразу поймете, что это за отвратительная тварь. А вонище от него какое, и вкус какой гадкий. Три дня нужно выплевывать слюни и все же будете чувствовать[ь] противный вкус во рту, а память от хитрой уловки маленького клопа сохранится у вас надолго.

Нудные дни в камере проходили однообразно и настолько похоже друг на друга, что иной раз в памяти трудно было установить точно, когда именно произошли те или иные особые случаи в нашей жизни, вчера или неделю тому назад. Самые лучшие часы дня были рано утром, когда не было страха расстрела. Заключенные торопливо готовились к выходу на прогулку, каждый одевал брюки, обувь и набрасывал на голое тело измятый, грязный пиджак. Каждую камеру выводили на прогулку отдельно во двор и по истечении пяти минут возвращали заключенных обратно в свою камеру, запирали двери засовами и грубыми замками и только тогда выводили следующую камеру. Все предосторожности строго соблюдались для того, чтобы заключенные из разных камерей не встречались, не видели друг друга в тесном коридоре или во дворе. В самом начале, как только начиналась прогулка, окно наше закрывалось снаружи заслоном, чтобы мы были лишены возможности видеть во дворе находящихся там заключенных, выводимых из камерей. Мы строго были предупреждены, также под страхом строго[го] наказания, не смотреть в окно на двор во время прогулки других камерей. Однако мы изредка нарушали этот приказ, временами любопытство брало верх, мы смотрели во двор на других заключенных, прохаживающих по двору быстрыми шагами.

Однажды, во время очередного допроса следователь в своем кабинете строго предупредил и пугал меня наказанием, если я не прекращу свои наблюдения в окно во время прогулки. Конечно, я сознавал, что смотреть во двор было нарушением порядка, но у меня была особая цель, я хотел знать после каждого расстрела, жив ли еще мой дядя. Теперь же после нагоняя в кабинете следователя я больше не подхожу к окну, по крайней мере по утрам. Очевидно, в нашей среде был или шпик, или просто трусливый болтун, который передовал следователю наедине во время своего допроса о нашем поведении в камере.

Всегда с нетерпением мы ждали нашу очередь, одетые кое-как и готовые выскочить в любую минуту. Наша камера напоминала собой настоящий муравейник, сравнительно небольшое помещение, в тридцать пять - сорок квадратных метров, вмещало тридцать три человека живых людей, которые страдали от бездвижения не меньше, чем от душливой вони и отсутствием свежего воздуха. Кроме того, в камере занимали место ведро с питьевой водой, грязные наши циновка, одеяла, войлоки и прочее барахло, днем сложенное в кучу, и особое место занимала в углу наша параша, к которой подходили ежеминутно, а она издавала кошмарное вонище. Сгущенность людей в камере настолько давала себя чувствовать, что мы уставали друг от друга, от прикосновения к чужому голому телу, непрерывно днем и ночью. Верхняя одежда наша целые сутки валялась в разных местах под нарами где попало и лишь утром перед выходом на прогулку каждый разыскивал свой пиджак или обувь. Легко можно себе представить, как скоро можно найти свою вещь в такой сутолоке и хаосе. Предположим, что вы нашли даже пиджак и ботинки, но как их одеть? Присесь для того, чтобы обуть ботинки, нет места, это совершенно невозможно. Если же надевать обувь стоя, вы вынуждены приподнять ногу хотя бы сколько-нибудь или же нагнуться вниз к ним: и в этом и в другом случае вы успеете получить десять сильных толчков с разных сторон прежде, чем успеете приступить к делу. Ухитритесь теперь вы не только надеть ботинки, но вообще удержаться на своих исхудалых, слабых ногах; при таких толчках еще хуже дело обстоит, когда у вас тесные сапоги. Не лучше было с процессом одевания брюк

и особенно пиджака. Для того, чтобы вдеть руку в рукав, необходимо вытянуть ее, а куда вы прикажете? В какую сторону? Когда густая толпа со всех сторон давит бока и насаждает на спину?

В передачах сельчан по субботам иногда попадались вареные куры, мы выдалб[л]ивали в стене отверстие нашим чабанским ножом, и из костей этих кур устраивали вешалки для легкой одежды, это давало нам большое удобство. Обычно вешалками этими мы пользовались до первого очередного обыска, чекисты в поисках чабанского ножа, во время нашей прогулки, переворачивали всю камеру верх дном, срывали все косточки и уносили их с собою, разбросав все вещи по полу.

<Прогулка была коротенькая, продолжалась она всего пять минут, но все же была прогулка, т. е. движение, мы успевали сделать несколько десятков полных шагов по двору, вытянуть руки по сторонам, поднять их наверх несколько раз наподобие гимнастики и тем самым размять уставших, отяжелевших своих членов от сидячей, бездеятельной жизни, тянувшейся месяцами. Надышаться свежим воздухом глубокими вдохами, после чего кашляешь, как от настоящей чахотки, и всполоснуть лицо холодной чистой водой.>*

Однажды, в одно ноябрьское утро, мы поднялись раньше, чем обычно. На дворе, вероятно, предстоял солнечный день, тусклый свет, всегда скупо проникающий через наше окошко в глубокую яму, казался теперь ярче. Мы оделись кое-как неспеша и с нетерпением ждали свою очередь на прогулку. Почему-то всегда начинают выводить с дальнего конца коридора и этот заведенный порядок никогда не нарушался. Нам пришлось ждать долго одетыми, мы сильно потели и задыхались от духоты. Заслон уже был за окном, я стоял недалеко от двери в густой толпе. В это время по коридору проходили вернувшиеся с прогулки заключенные какой-то другой камеры, мимо наших дверей. Вдруг неожиданно я слышал ясно свое имя с коридора, произнесенное голосом моего родного дяди, и одну фразу: “жив ли ты”? Я остолбенел от неожиданности, ибо мне ничего не было известно об его аресте и водворения сюда в подвал ГПУ. Судя по тому, что ему было известно в какой камере я нахожусь, можно было предполагать, что он арестован позже меня, а не одновременно с мною в ту ночь, и номер моей камеры он мог знать от моей семьи. Теперь только я вспомнил о подобном случае вчера утром, также во время прохождения заключенных по коридору. Бедный мой дядя, – подумал я со скорбью, – и ты очутился здесь в темных подвалах ГПУ. Кто же теперь будет кормить твою большую семью. Твое ли место здесь, в капкане безжалостных, озверевших людей. Какую опасность представляешь из себя ты для “великой” советской власти. Не ты ли являешься подлинным тружеником земли, от имени коих создана эта самая “великая” большевицкая революция.

Почти каждое утро дядя, проходя мимо нашей камеры, звал меня и повторял свой вопрос, удавалось ему это потому, что ни дневальный, ни красноармейцы, выводившие заключенных с винтовками на руках, не понимали наш язык. Как-то в одно утро дядя опять позвал меня, и я успел ему ответить “я здесь жив”, на этот раз красноармеец, очевидно, догадался, в коридоре поднялся громкий крик и отвратительная ругань. Красноармеец требовал, кричал громко и повелительно: кто это посмел нарушить дисциплину. Однако, насколько можно было судить по всему, никто не выдал моего дядю, и все умолкло, а заключенные мирно вошли в свою камеру. Боже мой, что я наделал, – думал в отчаянии я, – испугавшись за участь своего дяди.

Наконец, настала очередь нашей камеры, дверь открылась, за порогом показался дневальный, – выходи – громко крикнул он в камеру. Мы вышли гурьбой, быстрыми шагами, теснясь по узкому полутемному коридору. По сторонам стояли вооруженные красноармейцы, которые вышли за нами во двор, а там их стояло еще несколько человек, также с винтовками. Сырой прохладный воздух солнечного нояб[р]ьского утра во дворе на нас действовал, как выпитое хорошее вино натошак. Какими счастливыми мы были когда-то, будто давно-давно, когда вдыхали этот свежий воздух вволю, когда ходили куда хотели широкими шагами, теперь мы превратились в каких-то крыс, вечно сидящих в норе.

Очутившись во дворе в окружении красноармейцев, наблюдающих за нами, как кошка за мышкой, за каждым нашим движением, вы должны исполнить целый ряд обязанностей в короткий срок. Как только успели подняться во двор, вы направляетесь быстрыми большими шагами к кранам, глубоко вдыхая свежий воздух в свои легкие, загрязненные и провонявшиеся от долгого пребывания в камере. Одновременно на ходу вы делаете гимнастику, руками наклоняя туловище то в одну сторону, то в другую сторону. У кранов вы всполаскиваете лицо холодной свежей водой несколько раз, затем два-три раза скорыми шагами успеваете пройти вдоль двора, продолжая свою гимнастику, и срок прогулки уже прошел. Все заключенные до единого начинают кашлять и выплевывать всю мразь, собранную на легких за сутки. Необходимо также соблюдать дисциплину во дворе, разговаривать не полагалось вообще, особенно не заглядывать в окна других помещений, в частности – в раздевальную, если она случайно осталась открытой, или в комендантскую комнату. При малейшей неосторожности

* Здесь и далее текст, заключенный в угловые скобки, вычеркнут автором — Изд.

или нарушения дисциплины, вы можете получить удар прикладом винтовки “вне системный” по тому месту, по которому пожелает красноармеец. Если же нарушение будет иметь более или менее серьезный характер, то вас ждет одиночная камера, со всеми видами наказания уже по установленной системе. – Заходи – закричал один из красноармейцев, по-видимому старший, заключенные нехотя повернулись к общему входу в подвал и начали спускаться вниз. С левой стороны совсем близко у самого спуска мы заметили стоящих трех человек, выделяющихся от других красноармейцев своими фигурами и блестящей чистой одежды форм войск ГПУ. Присмотревшись к ним еще издали, я узнал в одном из них грозного начальника нашего ОГПУ, в другом коварного нашего коменданта. Они стояли недалеко друг от друга позади, а в двух шагах впереди их, над ступеньками спуска, стоял третий и внимательно наблюдал за спускающимися заключенными, почти в упор заглядывая каждому в лицо. Оба наши начальника стояли без движения молча, а руки были опущены вниз по швам. Из всего этого можно было понять, что стоящий впереди неизвестный был большой человек, вероятно один из крупных чекистов, прибывший сюда из Москвы. Ростом он был нижесредний, худой, фигура совсем невзрачная, с отталкивающими чертами лица настоящего преступника, нос был слегка в[з]дернут, щеки впалые, острые скулы выпукло выступали на бледном лице, глаза его были узки и продолговатые, взгляд острый, ядовитый, пронизывающий, на лбу под козырьком форменной фуражки были мелкие длинные некрасивые складки, тонкие губы его были сжаты, а бритый подбородок выступал вперед. Этот человек даже в штатской одежде должен был произвести особое впечатление на всякого, но теперь, одетый в грозной форме войск ГПУ с ромбами на петлицах, он мог напустить страх на любого гражданина. Нужно было видеть его сосредоточенное, злое лицо, его дерзкую, свое[о]бразно высо[ко]мерную позу, с каким воровским, змеиным взглядом он рассматривал каждого заключенного в отдельности, медленно, лениво спускающихся по ступенькам совсем близко. Его ничтожная, жалкая фигура, несмотря на принятую им надменную позу, в сравнении с позади стоящими крупными, упитанными, с красными толстыми шеями, двумя нашими начальниками, выглядела как тощий исхудалый горский ишак перед тяжеловесными тамбовскими ломовиками. Вот где оригинал для художника, – подумал я, – который бы задумал изобразить на полотне изверга, дьявола или палача-садиста с лицом, сохранившим следы всех видов преступления, отобразить точно выражение его звериных хищных глаз, как символа зла, на взирание будущих поколений. При спуске вниз по ступенькам я имел неосторожность посмотреть в сторону большого чекиста и на один миг наши взгляды встретились, меня дернуло, как от укуса ядовитой змеи, я быстро отвел глаза в сторону и ускорил свои шаги. Когда же поравнялся с ним, над самой моей головой я слышал его голос в короткой фразе “Мерзость”. Неизвестно, относилось ли это слово лично ко мне или оно было сказано по адресу всех заключенных вообще. Мы привыкли ко всяким видам опасности, постоянно находились под страхом расстрела, жизнь наша не так уж была дорога, но все же взгляд большого московского чекиста настолько пронзил меня, что холодная дрожь прошла по телу с головы до ног и долго я не мог его забыть. Черт меня дернул на это любопытство, нужно было мне поймать поганый взгляд московского палача, каюсь я впоследствии много раз. Вообще я имел дурную, глупую привычку заглядывать туда, куда не следует, и мне она не один раз повредила впоследствии в моей арестантской жизни, продолжающейся несколько лет. Моя ошибка заключалась в том, что я никогда себя не признавал арестантом, ни перед каким начальством, здесь нужно ходить с опущенной головой и направленными вниз глазами, как на похоронах, а также обладать смирением и покорностью настоящего барана.

В камере мы застали полный хаос, наши одеяла, войлоки, циновки и прочее валялись на полу в разбросанном виде, висевшие на стене на примитивных вешалках рубашки и головные уборы были сняты и валялись на полу, а куриные кости исчезли. Видно, чекисты произвели опять обыск по какому-то случаю, черт знает, что они ищут. Если они хотели обнаружить наш чабанский нож, то он находился вовсе не в камере, а во дворе, т. е. у них, а не у нас. Вскоре возня с прогулкой закончилась, мы собрали все свои вещи и сложили их в кучу. Дверь вновь открылась, высокого роста казак, бывший гвардеец конвоя Императора Николая Второго поднес к порогу камеры железное оцинкованное ведро, наполненное горячей кипяченной водой. – Давай, бери чай! – громко закричал дневальный, стоящий там же за порогом. Заключенные подходили по одному, с кружками в руках, казак наливал каждому порцию по особой мерке в виде половника, равняющего примерно полтора чайным стаканам. Нужны были предосторожность и внимание для того, чтобы донести благополучно в толпе этот ценный напиток до того места, где вы намерены присесть для чаепития. В одной руке кружка с горячей водой, а в другой руке вы сжимаете, чтобы их не уронить, два-три мизерных кусочка сахара, прибавьте сюда еще двести граммов черного хлеба из четырехсот, получаемых в сутки, и завтрак ваш готов. Кипяток был роздан, все заключенные разместились кто как умел, чаепитие продолжалось молча. В это время со двора раздались стук колес и топот лошадиных копыт въезжающих одноконных арб. Всеведающий Бекир медленно встал с места, не спеша подошел к окну, взглянул во двор и вернулся так же неспеша, чтобы никто не заметил его подозрение и заранее не пугать

людей, особенно новых, еще не привыкших к нашей обстановке. Садясь вновь на свое место, он как бы нечаянно толкнул меня и шопотом передал мне, что во двор привезли песок, а сам нахмурился и безнадежно покачал головой. Такого факта скрыть никак невозможно, некоторые из заключенных заинтересовались, видели песок и отъезжающих арб. Возник разговор, для чего там песок, – спрашивали неопытные или новички. В таких случаях Бекир был бесподобный человек, он не только всегда успокаивал малодушных, неопытных или новичков, не только скрывал от них предстоящие опасные события, но уговаривал нас, также догадывающих и смыслящих в некоторых делах, чтобы не болтали лишнее и не пугать заранее людей. Он был верующий человек, вел себя твердо и уверенно, – все равно, – говорил он, – что предназначено свыше каждому из нас, тому не миновать. – Песок, – говорил он, – наверное привезли для ремонта зданий или печей, стоит ли обращать внимание на такой пустяк, какое наше дело, – закончил равнодушно он.

Обеденное время прошло давно. Сегодня дали нам нашу похлебку раньше, чем обычно, и вообще день казался особенно нудным, погода менялась. На том клочке неба, что видно из нашей ямы, через верхушку окна, движутся черные тучи – видно, будет непогода. Группа заключенных расселась на полу большим кругом, а в самом центре важно сидел молодой “гадальщик” Хаджумар со своим стаканом, наполненным водой, гадание шло во весь дух. Люди спорили между собой, не уступая очереди друг другу. Часть заключенных сидела на нарах по два, по три человека и мирно вели беседу. – Человек – удивительное животное, – начал говорить Кацман, облокотившись об стену, сидя на голых досках нар, обращаясь к ближайшей группе людей. – Жизнь – мудреная штука, можно с уверенностью ручаться за то, что из тысячи человек девятьсот девяносто девять далеко не понимают ее. Подумайте только, как разумно и красиво устроена жизнь, какие ценности в этой самой чудесной жизни: Зеленные равнины, высокие горы, дремучие леса, моря, реки, а роскошные душистые цветы разнообразной окраски и формы. Красота, – восхищался Кацман. – А я, глупый дурак, все это не замечал на воле, – ругал себя он. Нужно было посадить меня в вонючий подвал ОГПУ и держать здесь под постоянным страхом расстрела для того, чтобы я понял всю прелесть жизни. Дай Бог здоровье советской власти, – продолжал он совершенно серьезно, – она совершила во мне чудо, она дала мне новое, для меня неведомое, мировоззрение. И если мне суждено выйти отсюда живым на волю, то я уже философ. – Кацман что-то начал говорить еще, в это время со стороны коридора раздались голоса и шаги людей, а потом звон ключей дневального. Беседа мгновенно прервалась, гадание прекратилось, наступила абсолютная тишина, на подобие момента, когда хищный ястреб низко пролетает над стаем воробьев. Люди с полуоткрытыми ртами, подняв головы, напряженно прислушивались. Здесь нужно пояснить, что в это время дня в коридоре, кроме дневального, никого не бывает, и что всякое другое движение теперь там имеет свою особую причину и значение. Наученные горьким опытом, мы об этом знали. Заключенные молчали, только Бекир, опустив свои большие брови, проговорил – пока ничего плохого нет. – Тут мы вспомнили про песок, привезенный утром во двор ОГПУ, две или три арбы, значение коего новичкам не было известно тогда. Было около часа или двух часов дня. Мы знали, что в это время расстрелы не бывают, однако страх от этого не уменьшался, ибо всякий неизвестный шум или случайный стук всегда пугали нас, как трусливого зайца. Чекисты ходили по коридору, открывая и закрывая камеры на дальнем конце. Ясно, что-то происходило, но что именно. мы не могли разобрать. Страх неизвестности был велик, люди разговаривали шепотом между собою. Приближение смерти – величайший момент в жизни каждого человека, а насильственная смерть тем более. Она страшна для всякого и никто ее не желает. Нельзя сказать, что мы храбро вели себя в этой адской обстановке, в особенности во время расстрелов, когда разум тупеет и вообще не в состоянии работать. Каждый из нас думал, что заберут именно его. Постепенно шаги и голоса в коридоре медленно приближались в нашу сторону, все стало слышнее. Наконец, подошли и к нашим дверям. Лязг многочисленных ключей дневального, подбирающего ключик нашим замкам, страшно действовал на наши истрепанные нервы. Через минуту открылась дверь камеры, смертельно испуганные взоры всех обитателей камеры, как по команде, направились на стоящих у порога чекистов. – Кто хочет бриться, выходи по очереди, – прокричал один из чекистов в камеру полным голосом. Мы буквально остолбонели от неожиданности и ничего не могли понять. Что значит бриться? Как это следует понимать? Если это не очередная какая-нибудь дьявольская уловка, а простое бритье заросшей бороды, то каждый из нас с великой радостью готов согласиться сбрить все волосы, даже на голове, лишь бы сама голова осталась целой. Это был один из тех тяжелых моментов, когда оглушенное страхом сознание просыпается вновь и постепенно приходит в более или менее нормальное состояние. Люди начали разговаривать и лица их как будто немного прояснились, кроме Бекира, лицо которого по-прежнему нисколько не изменилось. Он стоял на том самом месте, где был в момент открытия двери камеры, и сурово смотрел в угол. Желающих бриться оказалось мало. Выходили по одному, а дневальный каждый раз

при выходе и входе заключенного аккуратно закрывал дверь, и при каждом его движении звенели ключи, висевшие у него на широком кожаном поясе.

– Что загрустился, старина – обратился Кацман к стоящему еще там же Бекиру не совсем уверенным голосом, хлопая его по плечу. – Трусы мы все, вот и все, ложная тревога, кричи ура. – Бекир серьезно посмотрел на него, как бы упрекая его, не произнося ни слова. По всему было видно, что это была одна из хитрых уловок для начала. Никогда не было случая, чтобы сюда в коридор нашего подвала пригласили парикмахера для господ арестантов. Кацман больше не настаивал, опустил голову и отвернулся в другую сторону. Я также, как и многие, колебался долго: выходить или остаться с бородой. Однако, когда подумал какое неудобство создает борода при поспешно[м] споласкивании водой лица по утрам, решил выйти. Настала моя очередь, я вылез из толпы и вышел из камеры. В коридоре, по сторонам у стен, стояли два чекиста в штатских костюмах, с готовыми наганами в руках. Парикмахер, по-видимому приглашенный из города, стоял в ожидании как раз против входных лестниц, так как сюда падал дневной свет. А у самого спуска вниз недалеко стояли два красноармейца с винтовками. Парикмахер посадил меня на табуретку спиной к лестницам и таким образом началось бритье. Воздух здесь был гораздо чище, я с наслаждением глотал его, но удовольствие мое продолжалось недолго. Парикмахер сильно нервничал, рука его дрожала, очевидно он здесь первый раз, и грозная обстановка ГПУ пугала его. С быстротой молнии нервность его перешла ко мне, я вспомнил свое колебание и глубоко пожалел, что вышел из камеры добровольно. Еще не успел парикмахер закончить свою работу, как со двора раздался грозный голос в нашу сторону, – заканчивай скорее и проваливайся. – Руки у моего парикмахера затряслись, он не в состоянии был продолжать свою работу, так как окончательно расстерялся. Мое положение было не лучше, я не знал, что делать дальше, сидеть еще, чтобы он провел свою бритву еще раз по недобритой моей щеке, или уходить. В это время один из красноармейцев, что стояли у спуска за моей спиной, сильно ударил меня по затылку прикладом винтовки, с криком, – на место, – и посыпались ругательства. Голова моя закружилась, искры полетели из глаз. Вскочил с места я, как ужаленный, но несмотря на страх и явный риск, я все же мимолетно взглянул во двор, не поворачивая голову, и вся картина мне стала понятна. Посередине двора стоял человек тридцати или тридцати пяти лет, вышесреднего роста, крупного телосложения, красный как рак, с бычачьей шеей и сатанинским лицом. Одним только своим видом он мог испугать самого дьявола. Это был наш коварный комендант, можно допустить, что его произвела на свет не женщина, как всех людей, а сама сатана. Он был, вероятно, сильно расстроен, может быть даже изрядно выпил. Далее я видел несколько красноармейцев с винтовками, выходящих из комендантской во двор.

В этот самый момент по лестницам спускался со двора в коридор и далее направился в свою камеру казак высокого роста, сорока или сорока пяти лет, с военной выправкой, как впоследствии выяснилось, бывший гвардеец конвоя Николая Второго, а теперь арестант ГПУ, работал здесь днем во дворе в качестве повара. Громадные усы его висели вниз, как у настоящего старинного запорожца, а лохматые густые брови его нависли на расширенные страхом глаза. Удрученный его вид, смешенный со страхом, и смертельно бледное лицо подтверждали мои догадки. Мне стало не по себе, ясно, что положение создается серьезное. Очевидно, я задержался на месте больше, чем следовало, мозги мои или приостановили свою работу совсем, или работали плохо. И только второй удар красноармейца по моей спине точно разбудил меня со сна и я быстрыми шагами пошел. В камере окно наше было уже заложено снаружи заслоном из старого кровельного листового железа, как обычно во время расстрелов. Это облегчало мое положение, так как не было надобности передавать своим товарищам о том, что я видел во дворе и какая опасность нам предстоит, все ясно и понятно для всех.

Момент был страшный, тишина в камере абсолютная, все наше внимание, весь разум превратились в слух и мы с величайшей напряженностью прислушивались к малейшему шороху. Тяжелые переживания в этом ожидании, пожалуй, не легче самой смерти, а время шло убийственно медленно.

– Ожидание понятие растяжимое, – говорил впоследствии Кацман, через несколько дней, когда к нему вернулся дар речи. – Предположим, что вы находитесь в условленном месте, в ожидании появления вашей возлюбленной. Перед вашими глазами мел[ь]кают, как во сне, ее стройная фигура, милое лицо, бархатные глаза, ее шелковистые блестящие волосы в красивой прическе, ангельская улыбка, посылаемая ею именно вам. Такой вид переживания в ожидании приятен для всех смертных вселенной. Или вот, – продолжал свою фантазию Кацман, – вы находитесь в приятном, душевном обществе, в ожидании семейного торжества, скажем, в гостинной богатого дома. Рядом, в столовой, накрывают большой стол всевозможными явствами. До вашего слуха доходит звон тарелок, металлический лязг вилок, ножей и прочей принадлежности стола. Вы замечаете заботливая беготня обслуживающих людей и случайным взглядом вы видите на одном углу стол, наполненный разными дорогими напитками. После ужина предстоят музыка, танцы, карты, приятельские беседы или просто обычные сплетни. Такое переживание в ожидании тоже приятно, без особых объяснений. Наконец, вы воин на боевом ф[р]онте,

с оружием в руках, – говорил далее Кацман. – Вы бросаетесь в атаку на врага, совместно с вашими товарищами. Вас ждет смерть, ранение или победа-торжество. Такое переживание также понятно всякому. Но, – особо подчеркнул Кацман, – находиться в глубоком мрачном подвале, в четырех каменных стенах, под крепкими затворами и замками, в самом беспомощном состоянии, вы превращаетесь в настоящего барана.

Тридцать три барана в камере № 10 и несколько сот таких же баранов в остальных камерах были в данный момент в ожидании позорной, насильственной смерти. В любую минуту двери камеры откроются и хозяева могут взять любого барана на убой. Такой вид ожидания ни с чем нельзя сравнить и переживания в нем едва ли возможно передать простым человеческим языком.

В коридоре все притихло, не слышно было никакого движения, даже шаги дневального приостановились, по-видимому, все ушли во двор. Зловещая, непонятная тишина наводила на нас ужас, нервы были напряжены до высшего предела. Некоторые из заключенных шопотом говорили между собою, высказывая свои предположения, более слабые молчали, уткнувшись носом в пол. А бедный мальчик наш, колхозный чабан Гази, рыдал навзрыд, забившись в дальний угол камеры. Старик Селим совершал намаз, торжественно произнося свою молитву на арабском языке. Он стоял на нарах лицом в сторону юга, то поднимая руки вверх ладонями к себе, то опуская их вниз, затем клал глубокие поклоны, призывая Аллаха на помощь. Лицо Бекира ничего хорошего не предвещало, а Кацман умолк, его совершенно не слышно. Педагог же забрался в самый куток, весь съежился, сидя на нарах и оттуда смотрел как хорек, загнанный охотнич[ь]ими собаками. А профессор наш стоял весь побледнев, глубокая печаль совершенно изменила его живое лицо. Наступало что-то большое и страшное. Вообще, когда дело касалось расстрела, то каждый из нас неузнаваемо менялся, становясь сам с собой одиноким, беспомощным и несчастным.

Напряженное состояние тянулось мучительно долго, по крайне[й] мере нам так казалось. Вдруг вновь раздались шаги и голоса людей, спускающихся по лестницам со двора, числом на этот [раз] гораздо больше. Они свернули направо вдоль коридора, направляясь на дальний конец, разговаривая необычайно громко и весело. Затем до нашего слуха дошел слабый скрип отворенной двери одной из дальних камерей. Через минуту раздались голоса оттуда еще громче и протяжный веселый смех целой группы людей. Этот смех здесь в подвалах ГПУ казался настолько диким, что мы не верили своим ушам. Воистину здесь можно лишиться последних остатков разума. Мы перегляну[ли]сь и смотрели в упор друг на друга, задавая немой вопрос: что это все значит? Как молния, искра надежды пронеслась в мыслях. Авос[ь] вся эта шумиха нужна им, может быть, для какой-то другой цели, а не для расстрела. Что не может быть вообще в этом аду и мы, бараны, как можем разобраться в этих дьявольских делах. За первой камерой чекисты открыли следующую, потом третью, четвертую и так далее, постепенно приближаясь к нам. Громкий говор, шум и веселый смех не умолкали все время. Двери камерей по очереди открывались и закрывались. Уже доносились к нам отдельные голоса чекистов, что-то разъясняющих заключенным. Судя по тону разговора, а также принимая во внимание веселое их настроение и смех, как будто ничего плохого не предстояло, хотя слова нельзя было разобрать. Заключенные нашей камеры начали успокаиваться, напряженное состояние уменьшилось. Мы с поразительной легкостью переходили из одной крайности в другую, смотря как складывались обстоятельства. Ибо не было между нами ни одного человека, который бы считал себя виновным в каких-либо преступлениях против власти. И если бы, вот сейчас, открылась наша дверь настуж[ь], и нам объявили бы полную свободу, распустили бы нас по домам, мы бы несколько не были удивлены, а сочли бы этот поступок совершенно нормальным и вполне законным. <Очень часто вспоминал я слова одного моего бывшего сотрудника по имени Иван Иванович. Он был человек старый, интеллигентный, начитанный. Ему очень не нравились порядки в советских учреждениях – безобразная волокита, бестолковые приказы и распоряжения, еще в первые годы советской власти. Во время занятий, наталкиваясь на какое-нибудь новое абсур[д]ное распоряжение, он вечно повторял одно и то же – “подумаешь, подумаешь и ничего не скажешь”.> В данном случае что можно сказать относительно нашего положения? Где правда, где справедливость, кому жаловаться, где законы, созданные веками цивилизованным миром? <В подвалах ГПУ думать можно сколько угодно, но сказать что можно? И кому? Кацман был отчасти прав, философами мы, конечно, не станем после долгого пребывания в подвалах ГПУ, но здесь на самом деле невольно спускаешься своими мыслями в неведомые глубины человеческой жизни. Много раз проверив свои мысли, постепенно возникающие годами еще на воле, и особенно здесь, путем внимательного наблюдения за событиями, создается впечатление, что большевизм есть зло, послеланное* человечеству свыше. Именно только этим можно объяснить звериную жестокость, применяемая в подвалах ГПУ по всей громадной стране над простыми труженниками, а также беспричинная вражда, ненависть, недоверие людей друг к другу. Эти отрицательные качества появились со дня революции и сильно укрепились

* Так в рукописи. По смыслу должно быть «ниспосланное» — Изд.

в народе. Возникает вопрос: почему такое наказание? За что? Вопрос этот по виду простой, но по содержанию очень сложный. Однако привилегированное общество, пользующийся всеми благами жизни в широком масштабе, кому достаются чистые сливки в жизни, могли бы дать частично ответ на этот вопрос. Пуст[ь] каждый аристократ с большими достоинствами, банкир, фабрикант, богач-миллионер или высший чиновник государственной власти проверит самого себя, свою жизнь, чиста ли его совесть перед теми массами, которые по той или иной причине лишены даже куска хлеба. А ведь на этом строил Карл Маркс свою теорию, которую Ленин сумел, якобы, поставить на рельсы, а Сталин катает ее, как грудного ребенка сегодня в масштабе огромной Советской России, и завтра намерен катать ее по всему миру. Да будет известно всем честным, но наивным людям, что большевизм и коммунизм совершенно разные понятия. Они не только не имеют ничего общего, они отрицают друг друга в самом корне. Самый несчастный, жалкий человек в мире тот, кто со своими чистыми идеями сомкнется с большевизмом, будь он аристократ, миллионер, земледelec или рабочий, ибо его ждет, рано или поздно, неминуемое разочарование, и чем чище будут его убеждения, тем глубже будет его трагедия.>

Наконец чекисты дошли и до нашей камеры, на пороге открытой двери появился некто Раевский, заочно нам известный со слов нашего Бекира, и за ним несколько чекистов, сопровождавших его. Раевский – бывший морской офицер, стройный, высокого роста человек лет сорока, с красивой черной бородой на гладком породистом лице. Он был также заключенный из камеры № 13, но играл роль провокатора. Днем он ходил по двору ГПУ свободно, исполняя какие-то, нам неведомые, обязанности. Поговаривали, что иногда его даже посылали в город по каким-то делам.

Веселые лица и самого Раевского, и чекистов, за ним стоящих, почти дружеское обращение их к нам окончательно было успокоили нас. Слава Всевышнему, – пронеслась мысль в голове, – сегодня опять остаемся, а завтра посмотрим, Бог велик. Насколько тяжел момент ожидания смерти, насколько мучительны минуты переживания, настолько сладко и приятно сознание минувшей опасности. Если чувства и переживания в момент расстрелов трудно поддаются описанию, то сейчас чувство безумной, дикой радости вовсе невозможно передать словами. Камера становится для вас раем, заключенные родными братьями, а вонючий смрад в камере превращается в курортный воздух. Мысли летят с молниеносной быстротой далеко куда-то ввысь и хочется лететь по воздушным беспредельным пространствам туда, где может быть сохранилась частица справедливости. В этот момент, глядя на лица стоящих перед нами чекистов как будто находишь даже и в их чертах человеческий облик.

Раевский начал свою речь с приятной улыбкой, с шутками, в самом веселом расположении. – Товарищи, – обратился он к нам с мягким подкупающим голосом, – мы пришли к вам с маленькой новостью, которая облегчит немного ваше положение. Дело в том, что помещения здесь очень малы по своим размерам, а народу в них много, вы сами видите какая теснота в вашей камере. Такое же положение и в других камерах, трудно, товарищи, Начальство это знает и заботит[ься] о вас. Правда, существует пословица в народе: “в тесноте да не в обиде”, – и он громко рассмеялся с искусством хорошего актера. За ним последовал оглушительный смех пяти-шести чекистов, стоящих рядом с Раевским и за его спиной по ту сторону порога. – На самом деле, – опять начал Раевский, освобождаясь от смеха будто с трудом – площадь вашей камеры слишком мала, чтобы вместить столько людей. Наше положение в тринадцатой камере то же самое, да, да, товарищи, трудно в таком скоплении, а воздух какой у вас тяжелый, прямо невозможный. – Раевский говорил свою речь с остановками, очевидно умышленно, тогда выступал то один, то другой чекист с короткими фразами. Подтверждая доводы Раевского, одновременно они пускали свои шутки по адресу отдельных заключенных и каждый раз громко смеялись.

– Так вот, – начал опять Раевский – Администрация ОГПУ, идя навстречу вам, решила разгрузить частично каждую камеру, путем отправки Ростовскому отделению ГПУ некоторого числа заключенных. Само собою разумеется, что оставшимся здесь место останется гораздо больше. Видеть заботу начальства, – добавил он, – приглашен был парикмахер для вас, но я вижу, мало кто из вас брился, зачем это так? – последовала какая-то шутка одного из чекистов и опять раздался смех. – Итак, – сказал в заключение Раевский, – через полчаса или час вас будут вызывать по одному человеку, только смотрите, с вещами пройдете через комендантскую прямо на улицу Ленина, где соберутся все подлежащие к отправке, а оттуда стройным порядком на вокзал к поезду. А за сим до свидания, – закончил Раевский. Чекисты также попрощались, чего никогда не бывало, и ушли.

После их ухода камера № 10 превратилась в дом умалишенных, тридцать три барана как бы лишились ума. Поднялся крик, шум, одни кричали “ура” во весь голос, другие поздравляли друг друга самым искренним образом, пожимали руки точно давно не видались. Магамед, поднимая свои длинные ноги на целые полтора метра в высоту, шагал то в одну, то в другую сторону, через головы целой группы заключенных, уже присевших на пол и горячо обсужда[ю]щих текущий момент.

Какой-то здоровенный сельчанин из группы лесных “бандитов” орал от радости на весь квартал своим буйволиным голосом, выкрикивая никому не понятные слова.

– О! темная деревенщина! О! милая простота! – кричал ему в ответ во все горло Кацман. – Как красиво ты орешь, давай я тебя обниму, – и бросился к нему бороться, толкая людей по пути, а через две секунды он лежал под громадной деревенщиной, пища под его тяжестью, как маленький щенок.

В другое время этот шум и невероятный гвалт обошлись бы нам очень дорого, но сегодня какой-то исключительный день, кричать можно сколько угодно, а дневальный молчит, не ругает нас многоэтажными словами. Сильно упавший духом в последнее время профессор ударился в философию. Он доказывал, излагал свои доводы красивым академическим языком о том, что в жизни человечества в целом существует справедливость, иначе не стоило бы жить вообще, ибо люди пришли бы тогда к уровню животных или диких зверей. В данное время в нашем положении также должна быть в какой-то мере справедливость, только нужно верить в нее, – утверждал он. Бекир сидел в стороне на нарах с опущенной головой вниз, совершенно не обращал внимания на речь профессора. Он молчал, мрачные черты его лица категорически отрицал[и] выложенные доводы и причину нашей радости. Его особое мнение в данном случае и дурное настроение неприятно было всем. Некоторые вслух высказывали свое разочарование в нем, сожалея о том, что он не принял участие в общей радости. Однако радостное настроение через короткое время улеглось и камера наша пришла в нормальное состояние. Наступила относительная тишина, мысли перебегали с одного момента на другой пережитого времени с самого утра. И вдруг опять лезут в душу какие-то сомнения: правда ли все то, о чем говорил Раевский? Не хитрая ли это уловка общего плана коварного коменданта? Весьма возможно также, что такому направлению мысли дало толчок мрачное настроение Бекира, которому мы не имеем основание не верить, или подлая трусость просто крадетса опять к сознанию, создавая ложную тревогу. Такого рода колебания мы пережили немало в прошлом, однако на верную мысль редко когда попадали. На лицах своих товарищей, более смыслящих, я заметил изменение, вероятно вызванное тем же сомнением, говорить же об этом вслух никто еще не решался. Настроение людей заметно падало, как бы мы не хотели миновать опасность и остаться целым, невредимым, все же признаки фактически говорили о противоположном. В таком положении прошло довольно много времени, дело было запутанное и нельзя было определить точно, чему верить. Остроумные шутки Кацмана иссякли, он больше не пускал их в ход, сидел скучный, озабоченный, он не был похож на самого себя, быть унылым совсем ему не шло. Педагог забрался куда-то в угол, он вообще нелюдимый и в нашей беседе редко когда принимал участие. Хорошо объясня[ю]щие[ся] люди по-русски составляли небольшой круг. Большинство в камере плохо владело русским языком или совсем не понимали его и как-то держалось в стороне. Чопан, уроженец Куртатинского ущелья, бывало, часто подходил ко мне с вопросами. Его положение здесь было исключительное, не понимая ни единого русского слова, ему казалось, что он находится где-то за границей в чужой стране. Вот и теперь он с трудом пролез между густой толпы заключенных, подошел ко мне и интересуется моим мнением относительно данного нашего положения. – У меня там в горах остались жена и маленькие дети, что будет с ними, – жаловался он, как будто я первый раз слышу об этом. Я успокаивал его всячески, что ему не угрожает опасность, как бедному, темному человеку. Вдруг со двора донесся к нам душераздирающий крик, не то звериный, не то человеческий, сопровождаемый неестественным храпом. В один миг Бекир очутился на нарах у окна и стал внимательно смотреть через отверстие заслона во двор. Через несколько секунд он внезапно отвернулся с такой быстротой, точно его обожгло раскаленным железом. Но ничего не сказал. Лицо его побледнело как полотно, а красивые, мужественные черты его лица искривились до неузнаваемости. Он был храбрый и бывалый человек, не трусливый страх испугал его, нет, он переживал острый, тяжелый момент сознания собственного бессилия. Сомнение больше не было, все иллюзии исчезли, по крайней мере для нашей камеры ясно, что расстрел начался. Раевский подлый провокатор, а Бекир был прав. Все, что мы видели и слышали с самого утра, были хитрыми уловками чекистов. Звериный крик со двора был предсмертным, случайно вырвавшийся из горла задыхающегося заключенного по дороге в раздевальную. Вероятно, несчастного вывели из дальних камерей бесшумно, так как мы ничего подозрительного не заметили. Двор был сильно освещен, слышны шум, топот ног по асфальту боровшихся людей без единого слова, и лишь странный свист и храп, издающие несчастным, выделялись от прочих звуков. В это время во дворе заревел мотор стоящего там старого грузовика. Одновременно с этим левее два чекиста сильно били молотами о кузнечной наковальне. Неимоверный грохот и звон несся не только по двору ГПУ, но по всему густонаселенному кварталу города. В камере нашей заключенные застыли на своих местах, не меняя позу и не смея даже взглянуть друг на друга. На этот раз страх был самый настоящий и основательный, бедный мальчик Гази опять заревел, трясясь от страха, он забрался в самый угол камеры и спрятался там за спиной заключенных. Какой-то сельчанин ухитрился всунуть свою голову между грязными одеялами, сложенными на полу в углу, спасаясь от шума и грохота со двора, сильно действующие на нервы. Комиссионер сидел на полу, от времени до времени он ударял себя в грудь, а потом сильно бил по своим коленам, иногда поднимая лицо к потолку. Вероятно,

он сильно переживал и молился Богу о спасении. Печник стоял на коленях лицом к стене и медленно крестился, быстро читая шопотом молитву. Глубокий старик Селим сидел на нарах по восточному на своих ногах совершенно спокойно, как будто у себя дома. Он как бы сверху вниз смотрел на происходящие события и ни один мускул его не дрогнул, по его набожному лицу было видно абсолютное отсутствие страха. Внук старика, совсем молодой, и его товарищ такого же возраста сидели тут же и тревожно смотрели своими ястребиными глазами. Профессор умолк совсем, он сидел на краю нары, с сильно опущенной головой. Сельчане сгрупповались в одну кучу, у некоторых рты были открыты, точно собирались петь. Страх смерти изменил всех, и лишь немногие были способны передвигаться с места на место. С этого момента мы напрягли свои мысли, внимательно прислушиваясь к малейшему звуку со двора и со стороны коридора, однако подойти к окну посмотреть еще раз во двор никто не решился. Через короткий момент раздались быстрые шаги со стороны раздевальной возвращающих[ся] чекистов в свою потайную комнату. Первая несчастная жертва была брошена в пасть ненасытной акулы. Догадки и предположения наши оказались верными, вот уже ведут вторую жертву из дальних камерей, с коридора слышны шаги двух человек, идут спец-выводитель и заключенный, поднимаются по каменным ступенькам выхода во двор, а потом налево мимо ворот в комендан[т]скую комнату. Через несколько минут несчастного уже вели в раздевальную с борьбой и остановками. По-видимому, заключенный упорствовал, его били, толкали, а он издавал неестественные звуки и свист, напоминающие усиленно[е] дыхание уставшей запаленной лошади.

Расстрел продолжался по системе и выработанному плану комендантом, не приостанавливаясь ни на одну минуту. Обычно в это время вечером, примерно в 10 часов, на верхних этажах над нашими подвалами, шло канцелярское занятие отдельных следователей и сотрудников ГПУ. Слышно бывало их движение, шаги, стуки разные при перестановке стульев и других предметов, но сегодня во всех этажах абсолютная тишина. ГПУ не любит иметь лишних свидетелей, когда он занят важным делом, даже в лице своих же сотрудников, не принимающих прямое участие в убийстве людей.

В камере нашей была абсолютная тишина и гробовое молчание, в ожидании надвигающейся страшной, неминуемой опасности. Именно здесь в подвалах ГПУ, в этот тяжелый опасный момент, можно точно определить кто и в какой мере обладает мужеством и смелостью. Не берусь описывать кто как вел себя из заключенных в часы грозной опасности, ибо не знаю даже как я вел себя в этой обстановке. Расстрелов мы пережили немало, все они были тяжелые, страшные, но такого нервного, напряженного состояния не испытали никогда. Причину нужно искать, вероятно, в хитрых уловках, применяемых к нам целый день с утра, которые издергали наши взвинченные нервы, переходя несколько раз за это время из одной крайности в другую, т. е. то к надежде остаться живым, то к мыслям кошмарной смерти.

Помню только точно, что после девятого или десятого расстрелянного нервы мои были напряжены до высшего предела, сидя на нарах я также сильно переживал, страх овладел мною и плохо соображал, мысли путались. В этот момент со стороны коридора из противоположной камеры № 12 раздались какие-то громкие крики. Больному моему воображению показалось, что там заключенных бьют внутри камеры. Я испугался за своего дядю, как стало мне известно, он находился в этой камере и вот уже прошел целый месяц, как не имею от него никаких сведений. После того случае в коридоре, когда меня звал по имени во время возвращения из прогулки, он больше не зовет меня по имени, не подвергая риску и себя, и меня, а может быть он уже расстрелян. Совершенно бессознательно, как будто невидимая сила толкнула меня, я соскочил с места и, толкая людей, очутился у дверей, прислушиваясь с усиленным сердцебиением к шуму и крикам, раздающимся из чужой камеры. Через две-три секунды я убедился, что это был самый обыкновенный смех людей, весело настроенных, не подозревающих о трагедии во дворе и угрожающей им опасности. Очевидно, у них еще не прошло веселое настроение, созданное Раевским и чекистами. Боже! как я позавидовал этим людям в эту минуту, лучше не знать до самого вызова на расстрел, даже до самого момента пока набросят на шею скольскую петлю в комендантской, чем знать все и мучит[ь]ся в страхе часами, а потом выйти из камеры на гибель. Я заметил, что по бокам около меня стоят несколько человек, подошедшие к дверям, также встревоженные криком из камеры № 12. Заметил также, что Бекир и несколько человек других уже стоят у окна на нарах и внимательно наблюдают в щели заслона за происходящими событиями во дворе. Не знаю, что случилось со мною, не нахожу объяснение и теперь, но в этот момент я обнаружил у себя новое, никогда не испытанное мною явление. Подобно тому, как слепой вдруг бы прозрел и стал видеть, страх мой прошел, к великому моему удивлению. Мозги мои прояснились, и я совершенно трезво, без страха начал смотреть на происходящие события, взвешивая каждую мелочь нормально. Оказывается, и страх, и трусость также имеют свои границы, конечно, нет никаких гарантий за то, что трусость не вернется вновь. Приписать ли этот странный переворот в сознании к храбрости или просто к чрезмерной трусости, не берусь судить, но страха я больше не ощущал. Какое-то тупое безразличие напало на меня, это самое лучшее

время, самый смелый момент идти в атаку на любого врага, – подумал я. С обновленными мозгами и новым состоянием я принял участие в наблюдение через отверстие совместно с другими у окна за чекистами, не прерывающими свою работу ни на минуту. По выражениям лиц своих товарищей, теперь рядом стоящих, по всем признакам как они себя вели, я догадывался, что они также пришли в такое же состояние и к тупому безразличию. Мокрый асфальт сильно освещенного тесного двора блестел, шел мелкий дождь, у окна чувствовалась прохладная сырость, а по водосточным трубам лилась во двор дождевая вода, напоминающая мирную жизнь. Временами, когда чекисты выводили свою жертву из комендантской в раздевальную, мнимые “кузнецы” усиливали свою работу вплоть до выстрела вниз и потом только приостанавливались для отдыха. Мотор же старого грузовика все время гудел беспрерывно. Как ни старались чекисты заглушить шум во дворе, предсмертные крики заключенных, случайно вырвавшиеся храп, свист и главное – звук выстрела в глубоком подвале, мы все же отчетливо слышали и знали обо всем.

В разгаре кошмарной ночи недалеко от нашего окна каким-то чудом очутился котенок. Диким отчаянным своим мяуканием он с ума сводил некоторых особенно нервных заключенных в камере. Котенок бесился, усиленно кричал, как будто ему тоже собирались набросить на шею петлю и сбросить в пасть акулы. Каким образом и откуда к нам добрался этот котенок – для нас осталось неразгаданной тайной. Кругом застроенный двор нигде не имел никаких щелей, даже под большими черными воротами нельзя было просунуть палец с улицы. Скорее всего кто-нибудь из чекистов нарочно подбросил его во двор ГПУ в эту ночь в виде острой приправы к общей нашей трагедии, как горький красный перец бросают в суп. Ни раньше, ни после этой ночи мы никогда не слышали этого котенка.

Мы продолжали свои наблюдения, вот ведут опять очередного несчастного заключенного – высокого коренастого молодого человека с черной бородой, отросшей, по-видимому, здесь в подвале ГПУ. Мы старались, всматривались в его лицо, но в этом положении узнать человека очень трудно. Ежесекундно он менял положение своей головы, рот широко был открыт, язык весь высунулся в наружу, моментами из горла его исходили неприятные шипящие звуки и храп. Чекист, шедший за спиной несчастного, немилосердно тянул к себе петлю, одновременно толкая его вперед сильными ударами коленой. Другие два чекиста сильно скрутили ему руки назад и плечами толкали вперед. Молодой заключенный буквально задышался, но не падал, только свист и храп его участились, видимо он терял уже последние силы. На полдороге посередине двора он уперся настолько сильно, что чекисты вынуждены были тоже приостановиться. Неожиданно заключенный нанес ногой удар одному из боковых чекистов и вдруг высвободил чудом свою правую руку, которой нанес еще раз сильный удар тому же чекисту, последнему все же удалось поймать руку несчастного и скрутить ее покрепче. Во время этой борьбы чекисты напоминали собой настоящих кровожадных зверей, особенно тот, что тянул жестоко скольскую петлю, у него самого чуть не высунулся язык от звериной ярости, хищные, выпуклые его глаза готовы были выскочить от остервенения. Борьба была короткая, она кончилась быстро, чекисты вновь начали толкать несчастного, который заметно ослаб, и таким образом, с побоями его дотолкали до раздевальной. Сопrotивление здесь совершенно бесполезно, ибо кроме четырех красноармейцев из войск ГПУ, стоящих по углам двора и не принимающих участие в убийстве до особой надобности, имеется еще много скрытой вооруженной силы, рядом в другом дворе, принадлежащем также ГПУ.

Смотреть на такую картину очень тяжело, тем более в нашем положении. Она касалась непосредственно каждого из нас, через несколько минут любой может очутиться в комендантской, а потом в раздевальной. По всем признакам видно, что сегодня мы имеем дело с большим расстрелом, следовательно и наша камера не уцелеет. Я вижу совершенно ясно в щель как вывели из комендантской худого рыжего старика с жиденькой бородой, небольшого роста. Лысая голова его блестела под ярким электрическим светом, глаза закатились, высунувший язык висел не вперед, а в сторону. Дойдя до середины двора мелкими шагами, он настолько ослаб, что ноги его перестали двигаться. Петля, очевидно, слишком туго стягивала его худое горло, он почти задохся и чекисты просто поволокли [его] в раздевальную.

Стоять у окна и смотреть во двор нам строго воспрещалось, даже днем в мирном положении, теперь же сгрупповавшись у самого окна, мы подвергали себя большому риску. Страх смерти заглушил все наше внимание, весь разум был занят им, и мы забыли об этой опасности. Во всякое время днем и ночью дневальный внезапно открывал волчек с коридора, на минутку смотрел в нашу камеру, интересовался, что мы делаем, но теперь он занят более важным делом и к нашим дверям не подходил. На нарах у окна стояло нас несколько человек, по очереди наблюдающих двор в маленькие отверстия, остальные заключенные замерли в разных позах от страха. В камере была тишина, только чувствовалось сильное биение собственного сердца. Вдруг раздался зловещий лязг ключей дневального у самой нашей двери, я почувствовал точно глухой удар по голове тупым орудием, сознание онемело, и как будто полумрак камеры сгустился еще больше. Стоящие у окна отскочили в сторону и опустились на нары второпях

как попало. Дверь камеры открылась. Взоры заключенных с исключительной напряженностью были обращены на стоящих по ту сторону порога спец-выводителя и дневального. Наступила самая страшная минута, самая решительная, когда притупляются чувства и не только не веришь глазам и ушам своим, но не можешь даже толком себе объяснить: дурной сон ли ты видишь, или это наяву. – Викентий Петрович Яськов есть? – спросил спец-выводитель совершенно спокойным голосом, будто он имел сообщить ему приятную новость. Взоры заключенных обратились на нашего профессора, он сильно вздрогнул, точно потерял равновесие от сильного головокружения, он покачнулся, но не упал. В один миг лицо его приняло мертвенно бледный цвет, густые брови его спустились на встревоженные глаза, он даже смотрел на спеца точно не веря ему, голые руки висели как плети, а плечи заметно упали вниз. Профессор сделал большое усилие над собой и выговорил не своим голосом – Я. – Одевайся поскорее и выходи с вещами, там на улице ждут уже выведенные из других камерей, и айда на вокзал. – Затем дверь камеры закрылась на минутку. Такой предлог вывода на расстрел, может быть, подошел бы для других камерей, но отнюдь не для нашей. Мы же знали куда спец-выводитель хотел, а вокзалом он подразумевал, наверное, комендантскую комнату. Несчастный профессор наскоро оделся, руки его тряслись как у парализованного, он почему-то спешил, каждое его движение было реским, отрывистым. С глубоким сочувствием и скорбью мы смотрели на его жалкую опустившуюся фигуру, он стоял еще на ногах, но сознанием своим уже был мертв. Через минуту дверь вновь открылась, чекист вторично показался в дверях и проговорил – Выходи. – Заключенные потеснились по сторонам и посредине камеры образовался узкий проход. С сильно опущенной головой полуживой бедный наш профессор прошел по этому проходу к дверям, ни с кем не попрощавшись, и вышел в коридор, ведущий к выходу во двор. Дверь камеры закрылась, и мы опять стали на нарах у своего наблюдательного пункта. Нужны железные нервы или окончательно потерять человеческие чувства для того, чтобы вынести всю эту трагическую картину без особой жалости и боли. С выводом же на расстрел уважаемого нами профессора эта тяжесть увеличилась еще больше. Прошло две-три минуты, в это время во дворе показался задыхающийся несчастный профессор, шедший с петлею на шее. Чекист сильно стягивал петлю, другие два чекиста держали скрученные руки. Его не били, не толкали коленой, так как он шел сам ускоренной походкой и совершенно не сопротивлялся. Через один момент он исчез с чекистами в дверях раздевальной и закрыли ее, а потом раздался глухой выстрел внизу. С напряжением дикого зверя, загнанного охотнич[ь]ими собаками в куток, мы прислушивались в промежутки между расстрел[ам]и к каждому звуку и малейшему шолоху со двора или из коридора. Каждому из нас хотелось знать свою участь: будет ли он расстрелян сегодня же или останется пока живым, и придут ли вообще еще в нашу камеру. Не успели мы опомниться от этого потрясения, как раздался опять страшный лязг ключей у нашей двери, очевидно спец-выводитель с дневальным подкрались на цыпочках бесшумно. Иначе нельзя объяснить как мы не слышали их шаги в коридоре при нашей бдительности. Вся камера замерла окончательно, исчезла всякая надежда на спасение, стоящие у окна беспомощно опустили на нары. В этот момент мутное сознание имело одно желание умереть, только поскорее, чтобы избавиться от этого кошмара. Дверь камеры приоткрылась, показался спец-выводитель, а за ним дневальный. – Хаджумар Тасоевич Кантемиров здесь? – спрашивает чекист. Молодой наш гадалщик подскочил с места, будто под ним взорвалась ручная бомба. В одно мгновение лицо его побледнело как полотно, подбородок его, с красивой черной бородкой, нервно вздрагивал, он что-то хотел сказать, но никак не мог выговорить, настолько был оглушен страхом близкой смерти, предстоящей ему через несколько минут. Опытный глаз чекиста заметил состояние несчаст[т]ного Хаджумара, он стал мягко стыдить его – Чего ты испугался? Точно тебя ведут на виселицу, тебе же говорят: отправляют целый этап в Ростов, одевайся быстрее и не робей, дурной. – Несчастный Хаджумар оделся, взял свое одеяло подмышку и, проходя к дверям между густой толпы заключенных, слабым голосом печально сказал, ни [к] кому не обращаясь – Передайте моей жене, что я погиб, и она должна вырасти[ть] моего бедного ребенка.

Через несколько минут Хаджумара вывели из комендантской в таком же порядке, как обычно всех выводят на расстрел, они дошли до той части двора, которая была нам видна. Хаджумар боролся с чекистами, он не хотел отдать свою молодую жизнь даром без протеста. Он уперся ногами об асфальт посредине двора и никак не хотел идти вперед. Чекисты, физически гораздо сильнее его, давали ему сильные пинки сзади. От таких толчком любой человек может свалиться, но чекисты по бокам не давали ему падать, а петля сильнее сдавливала ему горло. Несчастный ежеминутно менял положение своей головы, то поднимая ее вверх, то совсем низко опуская ее вниз, с высунутым языком, а язык неестественно высунулся вперед. Очевидно, петля причиняла ему страшную боль и прекращала дыхание, он неимоверно страдал и совсем изменился в лице. До самого последнего шага у дверей раздевальной Хаджумар пытался освободиться, работая все время ногами, затем исчез в раздевальной.

Мотор не переставал работать в дворе, создавая гром в тесном закрытом дворе, и лишь “кузнецы” приостанавливались для передышки на короткое время, с момента выстрела внизу вплоть до вывода из коменда[н]тской комнаты следующей жертвы. Далеко за полночь, в самом разгаре расстрела мы заметили еще какой-то новый звук,

повторялась она во время борьбы во дворе заключенных с палачами, долго мы не могли понять, что это могло быть. Бекир внимательно наблюдал в отверстие заслона, а затем объяснил нам. К второму этажу флигеля во дворе над раздевальной, были наружные лестницы наверх. Как устои, так и ступеньки были железные, и проходя по ним, особенно при спуске, получался звук довольно звонкий, хорошо заглушающий шум во дворе и случайные крики погибающих людей. Теперь же временами по ним быстро бегали одновременно два чекиста в грубых сапогах. Один бегом спускался вниз, стар[а]ясь ударять ноги сильнее об ступени всей своей тяжестью, другой поднимался наверх, он также усиленно стучал сапогами. Городской шум давно прекратился, город спал мирно, как будто ничего не случилось, спали где-то родные заключенных, отцы, матери, жены, братья, сестры, дети, не подозревая ничего о трагедии своих дорогих членов семьи в доме Воробьева, на углу улиц Евдокимовской* и Ленинской, в мрачных, страшных подвалах ГПУ. Где-то лаяли уличные собаки, слышно было также пение петухов. Эти простые обыкновенные звуки приятно ласкали слух, напоминая собою мирную жизнь, далеко отошедшую от нас.

Расстрел продолжался, выводили из других камерей, а к нашим дверям не подходили. Это дало нам неко[то]рый повод предположить, что из нашей камеры уже взяли то, что ими было намечено, и больше к нам не придут. У некоторых заключенных явилась смелость даже заговорить. Абсолютное молчание до этого момента теперь было нарушено. Последовали короткие фразы о том, как бесконечно долго тянется расстрел, наверное, уже близок конец, на сегодня хватит. В это время неожиданно вновь раздался лязг ключей у наших дверей. Это был жестокий и последний удар по нашим истрепанным нервам. Дверь открылась, на пороге стоял тот же спец-выводитель, молодой чекист. Своим острым пронизывающим взглядом, как гиена, он смотрел на приближающихся к нему заключенных и что-то похожее на улыбку или иронию пробежало по его лицу. – Магамед Медоев здесь? – проговорил он. Как всегда в подобных случаях делается с людьми, наш табаковод подскочил с места, как ужаленный ядовитой змеей. Он был высокого роста, его голова была видна среди густой толпы остальных заключенных. Всегда готовый к всевозможным забавным шуткам, бессменный наш доктор-массажист Магамед осунулся сразу, сильно побледнел. Он очень мало говорил по-русски, поэтому ли или просто от чрезмерной растерянности, не сказал “я здесь”, но начал сейчас же одеваться. Магамед прощался со своими односельчанами, обнимая то одного, то другого, он просил, умолял не оставить без внимания его малолетних детей с беспомощной матерью, теперь осиротевших в далеком селении Цкола**. Затем он сделал общий поклон всем и вышел в коридор. Через короткий промежуток его вели также, как и всех обреченных к позорной смерти. Сопrotивление он не оказывал, наоборот, он шел быстрыми шагами, насколько позволяло его положение. Чекисты едва успевали за ним, но голову свою Магамед поднимал и опускал много раз, страдая от невыносимой боли. Через две минуты в глубоком подвале раздался глухой треск выстрела, покончивший жизнь Магамета. Расстрел продолжался дальше, и наблюдение шло все время своим чередом. Мы окончательно выбились из сил, мертвенная усталость была во всем теле, чувства отупели совершенно, разум отказывался работать, мысли путались. Было около трех часов утра, заслон за решеточным окном прекратил доступ к нам приток свежего воздуха с самого вечера, мы задыхались, в полумраке камеры стояла густая удушающая вонь от параши и от грязных, месяцами не мытых тел заключенных. От страха и сильных переживаний у многих были сильные расстройства желудка, постоянно подходили к параше, это еще больше увеличивало наши страдания.

Вдруг мотор старого грузовика во дворе остановился, перестали бить по наковальне “кузнецы”, и беготня по железным лестницам прекратилась. Сразу все стихло, ни одного звука или человеческого голоса ни со двора, ни с коридора, как будто ничего не произошло. Всякая неизвестность для нас была страх, в сознании вновь поднялась тревога, но мы не могли найти истинную причину. Так продолжалось некоторое время, затем раздались странные звуки, сперва глухо, а затем сильнее и сильнее. В начале было непонятно и странно, даже мы, городские жители, не могли сообразить, что эти звуки издает самое обыкновенное пианино, настолько дикими показались они здесь, совершенно не гармонирующие ни обстановке ГПУ, ни моменту данного времени. – Господи, помилуй нас, – сказал печник, подняв голову к потолку, и торопливо стал креститься. Деревенские обитатели нашей камеры никак не могли понять, что за музыкальный инструмент пианино. Как потом выяснилось, на втором этаже над самой раздевальной помещался “ленинский уголок” с красной литературой, где временами отдыхали чекисты. Там у них было пианино, скорее для развлечения или баловства, чем для исполнения серьезной музыки. Звонкие звуки пианино раздавались в тесном дворе ГПУ, играли какую-то веселую песенку, мужские голоса подпевали, потом поднялся шум, слышны были голоса и неестественно громкий смех многих людей. Мы ничего не понимали, нельзя было вывести никакое заключение из всего того, что происходило там на втором этаже противоположного

* Здесь, видимо, описка – спутаны названия двух соседних улиц: здание ГПУ располагалось на углу улиц Ленина и Бутырина (Воронцовской), а Евдокимовской называлась нынешняя улица Горького — Изд.

** Осет. Цыкола, т. е. Чикола – Изд.

флигеля. Одно было ясно, расстрел прерван или прекратился совсем, по крайней мере на сегодня. Однако в подвалах ГПУ полной уверенности у заключенных никогда ни в чем не бывает. Не исключена возможность, что в данный момент мы имеем дело с временным перерывом большого расстрела, чтобы дать возможность отдохнуть уставшим от тяжелой работы чекистам.

Тревожное состояние в камере не уменьшалось, уставшие, издерганные заключенные с напряжением прислушивались к шуму и звукам из “ленинского уголка”. В остальном была абсолютная тишина, как будто весь двор ГПУ, с его глубокими семнадцатью камерами, опустели. Тогда как в этих подвалах в полумраке сидят свыше пятисот человек, эти несчастные люди притихли на своих местах, как напуганный заяц под кустом от охотнич[ь]их собак, прижались друг к другу, так же как и мы, сидят, прислушиваются и каждый из них ждет свою участь, с кошмарными мыслями. Теперь, когда так много расстрелянно, каждой камере наверное известно то, что происходит во дворе ГПУ, и никто из них не спит, несмотря на поздний час.

Всеведающий наш Бекир, исходя из примеров прошлых многочисленных расстрелов за время его двенадцатимесячного пребывания в этой камере, высказывал мнение, что расстрел кончился, и перерыв в работе чекистов не есть временный отдых, а конец. По его подсчету за эту ночь было расстре[ля]нно двадцать восемь человек. Цифру эту подтвердили двое в камере, которые также внимательно следили за расстрелами и подсчитывали число расстрелянных людей, по моему подсчету выходило двадцать девять. В это время по железным лестницам вниз во двор спускались чекисты из “ленинского уголка”. Создался громкий шум, звонкий стук ног множеством людей, весело и громко разговаривающих. Они собрались посередине двора, тепер[ь] гораздо ближе к нашей камере, образовали круг и подняли смех настолько громко, что неестественная фальш[ивая] веселость их явно бросалась в глаза. Смех этот сильно напоминал истерику нервнобольного о том, что в нескольких шагах от них в глубине подвала лежат убитые их руками двадцать восемь трупов совершенно невинных людей. Каждому чекисту хорошо было известно, что ни один из этих погибших людей не был ни вором, ни мошенником или убийцей.

Кто-то из больших мыслителей в своем труде говорит – “Нет преступника с абсолютным злом, как нет абсолютно чистого святого”. Весьма возможно, что преступник-садист не теряет окончательно свою совесть, но в силу преобладающих особых дурных качеств в нем, она, по-видимому, замуравовывается где-то в глубине его души особой перегородкой. При чем, когда новое преступление, совершенное преступником, является как бы ударом молотка его совести по этой перегородке и чем больше преступления совершает садист, тем больше ударов молотка получается по перегородке. Таким образом, после многих ударов образуются трещины в перегородке, откуда просачивается в наружу совесть и начинает терзать сознание. Вот почему преступник-садист, может быть, иногда начинает каяться в своих злодеяниях, отдает себя в руки правосудии, охотно сознается в своих преступлениях перед обществом или становится набожным.

Чекист, хотя и является самым худшим видом из всех преступников, однако его положение другое, он никогда не доходит до полного сознания своей вины, ибо, как только совесть его начинает просачиваться через трещины перегородки к сознанию, его, как только узнает, немедленно расстреливает тот же ГПУ. Обком ВКП(б) следит зорко с величайшей строгостью за каждым чекистом, взвешивает буквально всю его жизнь, всю его натуру, привычки, поступки, даже отдельные его слова и прочее. Нет никакой возможности скрыть перемену в чекисте, самые глубокие затаенные его мысли угадываются его же товарищами, которые обязаны под страхом расстрела немедленно же сообщить об этом в секретный отдел ГПУ.

Вот мы наблюдаем в данный момент во дворе ГПУ у чекистов-садистов очень интересное и характерное явление именно в этой области. Они веселятся как будто гуляют на свадьбе и только что встали с обильного стола, смех их имеет явно принужденный характер, а громкими криками они создают впечатление, точно хотят кого-то напугать. Ни в адской обстановке двора ГПУ, ни в самой работе чекистов только что закончившегося расстрела, конечно, нет никакой причины для радости или смеха. Расстрел начался еще вечером, примерно в десять часов, а теперь мы имеем около трех часов утра, следовательно чекисты вели тяжелую кошмарную свою работу в продолжение пяти часов непрерывно. Не может быть, чтобы за это время такая работа не утомила их, нельзя допустить также, чтобы они не чувствовали хотя бы физическую усталость, если даже в остальном они оставались ко всему равнодушным[и]. Тут могут быть только две причины для об[ъ]яснения веселого настроения наших чекистов: или им приказано сверху веселиться после каждого расстрела, что мало вероятно, так как в подобном приказе нет ни цели, ни смы[с]ла, или же чекисты начинают чувствовать удары молотка совести в глубине души и всеми силами, доступными им, а в данном случае своим криком и смехом, стараются заглушить голос совести.

Мнение, высказанное Бекиром, до некоторой степени убедило нас, и по всем другим признакам было видно, что расстрел кончился. Кроме того, у каждого из нас был свой опыт и стаж в подвале ГПУ. Мы подошли опять к окну наблюдать за чекистами, уже без особого страха. Двор был освещен так же, как и раньше, мелкий дождь, шедший с вечера, перестал давно, асфальт местами высох. Сильная электрическая лампа, висевшая недалеко от групп[п]ы чекистов, хорошо освещал[а] их, смех и веселый говор продолжался. Рядом со мной стоял Бекир в качестве главного наблюдателя и знатока всех дел. Вдруг он схватил меня левой рукой и придавил ее, не отрываясь от отверстия. – Смотри, – сказал он. – Смотри! – Эта та самая девушка Фаня, среди них. – Я напряг свой взор в маленькое отверстие, внимательно рассматривая каждую фигуру в отдельности, и к великому моему удивлению видел женщину среди чекистов, с большой лохматой прической, одетая в форме войск ГПУ и в грубых сапогах. Она громко хохотала своим испитым охрипшим голосом. Только теперь я вспомнил, что голос ее выделялся и раньше от других мужских голосов, но я не говорил об этом, не допуская мысли об участии женщины в расстреле. Еще на воле до ареста, как-то мел[ь]ком я слышал про девушку-чекистку, принимающую участие в расстрелах ГПУ, помню также ее называли Фаней, но кто она, что из себя представляет, я не имел понятие. Девушка не только свободно вела себя среди озверевших чекистов во дворе ГПУ, но играла ведущую роль. Она прерывала каждого из них, сама громко говорила, хохотала во весь голос и нахально, грубо толкала то одного, то другого самым бесцеремонным образом. Наблюдая за этой странной девушкой, невольно возник вопрос, а где же она была в часы кошмарного расстрела, только закончившегося. Какую роль выполняла она в этом злодеянии? Исполнять роль коменданта-руководителя расстрела она не могла, это слишком большая и ответственная работа, такую работу ГПУ доверяет только своему коменданту. Немым-телефоном она не была, так как иногда сам немой-телефон менял свое место стоянки на шаг в сторону и нам удавалось видеть его фигуру. Бить двадцатифунтовым молотом по кузнечной наковальне она не могла потому, что для этого ей не хватало физической силы. Дневальным, а также спецом-выводителем тоже не была, так как мы сами видели их несколько раз в самом разгаре расстрела. Среди чекистов из секретной комнаты, душивших заключенных и ведущих их в раздевальную, мы ее также не видели и не могла там быть. В общем выходит, что наверху, т. е. над землей ей негде было быть. Вне всякого сомнения, она находилась внизу глубокого подвала, куда периодически летели сверху полуживые голые люди. Тут возникает еще второй вопрос, в качестве кого она находилась там в подвале? Если она была простой зрительницей, любительницей острых ощущений, то нужно полагать, что после расстрела нескольких человек, скажем пяти-шести, ее любопытство было бы удовлетворено, она насытилась бы этим зрелищем и ушла бы себе домой спать. По всем данным и наличием фактов видно, что эта девушка выполняла сегодня в страшном расстреле роль палача, т. е. сама расстреливала голых людей в глубокой яме.

Мы продолжали свои наблюдения у окна, тогда как многие прилегли на своих местах уснуть. Страх непосредственной опасности миновал, но осадок тяжелый, нудный давил грудь, ибо нам предстояло пережить в будущем еще много подобных расстрелов. Вскоре раздался скрип черных железных ворот с улицы имени Ленина, две громадные пароконные фургоны въехали во двор. Отдых чекистов закончился, началась усиленная работа. Из глубокого подвала вытаскивали наверх сперва окровавленный песок на носилках, затем трупов и нагружали их на фургоны. Работало чекистов двадцать или двадцать пять человек, а всесильный комендант стоял в стороне и давал указания. Первый фургон был нагружен, его подвели совсем недалеко от нашего окна, чтобы дать место следующему фургону для погрузки. С большим любопытством и с исключительным вниманием мы стали всматриваться по очереди на голые трупы в фургоне в надежде опознать из них профессора, Хаджумара, Магамета или знакомого. Оказалось это совершенно невозможным: во-первых, потому, что ни одного лица нам не было видно, во-вторых, все тела были в песке и запачканы кровью. Долго тянувшаяся погрузка наконец закончилась, трупов накрыли брезентами, аккуратно закр[у]тив их концы к фургонам веревками, до рассвета оставалось мало времени, закрытые ворота на время нахождения фургонов во дворе, вновь открылись и трупов увезли. Теперь началась работа по очистке двора от окровавленного песка и кусков остывшей крови, разбросанных во дворе. В ход пошли грубые метлы из березовых веток, растущих в горах, обыкновенные домашние веники и прочее. Усиленно поливали водой весь двор, сметая песок и кровь в поглощающую яму посередине двора. До самого рассвета тянулась эта работа, затем чекисты ушли домой на заслуженный отдых. Электрический свет потух. Девушку Фаню мы больше не видели, по-видимому, она не участвовала ни в погрузке трупов, ни в уборке двора.

Кровавая драма закончилась, занавес был опущен, стало тихо, как после представления в большом театре, актеры покинули сцену, и лишь мы, узники, остались в своих камерах глубокого подвала. Уже рассветало, серое утро ноября наступало, но свет не проникал в нашу глубокую яму, так как заслон у окна оставался на месте. Мы повалились спать, но где сон? Где покой, чтобы уснуть?

Допрос

Самым тяжелым переживаниям мы подвергались во время расстрелов, когда страдали от страха перед близкой непосредственной опасностью для нашей жизни. Наряду с этим здесь присутствовали для нас не менее тяжелые переживания во время допроса в кабинете уполномоченного-следователя, где всякий из нас находился в полной его власти и он буквально делал с нами все то, что хотел, подвергая любого заключенного всевозможным оскорблениям и телесным пыткам. Допросы обычно производились в неурочное время после полуночи, смотря по фантастическому настроению следователя, который сидя у себя в кабинете на верхнем этаже, продолжал свою работу по допросам даже до самого утра. Следователей и районных уполномоченных местный отдел ГПУ имел много, они все применяли к нам один и тот же грубый метод. Для нас же ночные вызовы на допрос были крайне неприятны и нежелательны. Мы очень уставали за целый день – толкотня в тесноте и густой вони на нарах или сидеть без стульев, прилечь же и отдохнуть днем не было места и возможности, ибо камера наша была полна людьми, как в муравейнике. Вызовы наверх к допросу по ночам прерывали наш общий сон, просыпаясь тревожно от сна глубокой ночью, мы не могли долго понять кого вызывают и куда его поведут: на расстрел или на допрос. Допрашивая заключенного наедине, следователь ни в чем не стеснялся, позволяя себе все, что было ему угодно, и не считаясь абсолютно ни с каким законом или даже простым приличием. Зная беспомощность заключенного и его страх перед грозной опасностью, следователь издевался над ним даже в начале допроса, когда он еще не был расстроен, когда еще не пришел в ярость хищного зверя. Временами неожиданно он вставал, близко подходил к заключенному, левой рукой вдруг хватал голову несчастного, придерживая ее, а правой рукой насильно всовывал ему карандаш, ручку в ноздри, в ухо или даст сильный удар кулаком по носу, по зубам. Затем отходил в сторону окна, смотрел на пустую освещенную улицу, насвистывая какую-нибудь веселую песенку, а в это время заключенный обливался кровью, переживая в душе свою трагедию.

Во всех случаях следователь руководствовался заранее составленным самым же протоколом вчерне и теперь, в процессе допроса лишь переписывал его окончательно для подписи заключенного, дополняя его некоторыми деталями, не меняющие общий смысл протокола. Содержание заготовленного протокола всегда имел[о] умышленно такой уклон и с таким расчетом, чтобы на основании этого документа, подписанного самим заключенным, "Тройка" ГПУ могла осудить его, если не к расстрелу или десяти годам, то, по крайней мере, к пяти лет принудительных работ в лагерях. Здесь совершенно ясно, что можно убить своб[од]но двух зайцев одним выстрелом, заключенный, как нежелательный элемент, снимается с насиженного места, с той среды общества, где он мог пользоваться хорошим именем или авторитетом и ссылается на пять или десять лет в лагерь, на безвозмездную работу.

На допрос вызывают обычно через месяца два или больше, после ареста гражданина и водворения его в подвалы ГПУ. Допрос повторялся несколько раз с перерывами в несколько дней, в несколько недель и больше. Бывали случаи, когда заключенного не допрашивали шесть месяцев и даже больше. За это время особые тайные агенты и районные уполномоченные собирали дополнительные сведения о жизни данного заключенного в прошлом, по месту его службы или работы и по месту жительства. Изучали его биографию, его происхождение, в каких кругах он вращался, кто были его предки и прочее. Материал должен быть таким, чтобы следователь имел возможность хоть какие-нибудь данные, дать содержанию протокола нужный уклон для обвинения заключенного. Сведения о заключенных, могущие служить основанием следователю для обвинения, могут иметь совершенно невинный характер, например: предместком* того учреждения или промпредприятия, где работал заключенный до ареста, дает сведения о нем, что он не выступал на собраниях, не сотрудничал и не принимал участие в развитии стенной газеты, вообще он вел себя на службе изолированно от советской жизни. Далее, из того места, где проживал заключенный, преддомком** дает сведения о нем в этом же духе, т. е. что там по месту жительства он также ничем не проявил себя за советскую власть, относился на собраниях домкома и к его работе равнодушно. Иначе говоря выясняется, что данный заключенный, хотя и не совершил преступления против власти, но он не сторонник ее. Если же принять во внимание старый девиз ВКП(б) – "Кто не с нами, тот против нас", – то собранный материал против заключенного вполне достаточен, чтобы загнать его на десять лет в концентрационные исправительно-трудовые лагеря.

Молодой следователь двадцати двух лет, не успевший еще получить даже "высокое" звание коммуниста, будучи всего лишь кандидатом в ВКП(б), славился самым дурным именем у заключенных нашей камеры. Он яростно нападал лично на меня во время моего допроса с обвинением, что я, сын простого безземельного горца, имея в свое время широкий доступ в коммунистическую партию, не стал ее членом, а оказался

* Председатель местного комитета профсоюза – Изд.

** Председатель домового комитета – Изд.

контрреволюционером и врагом советской власти. Он ругал меня самыми похабными словами, ругал моего Бога, мою веру, моих предков и родителей за то, что они произвели меня на свет. Ненормальные глаза его дико смотрели на меня в упор, как хищный зверь, собирающийся прыгнуть на свою добычу. Я был перепуган его поведением и враждебным отношением ко мне, острая нервная дрожь пробежала по всему моему телу после этих ругательств, следовавших одно за другим. Каждое его слово было оскорблением, угрозой или адским упреком. Набрав всю свою силу воли и смелость, я задал ему скромно вопрос, чем я заслужил столь суровое обращение, какое преступление я совершил, что плохого я сделал для советской власти? Молодой следователь вышел из себя, он остервенел, лицо его изменилось, соскочил со стула и яростно угрожая мне своим кулаком, сказал: – совершил, сделал, этого еще не хватало. Ты, собачьи сын, ничего не успел, но мог сделать, ты контрреволюционер, враг советской власти. Далее он обвинял меня в том, что я отказался от выполнения общественной обязанности члена Горсовета, куда я “имел честь” быть выбранным шесть месяцев тому назад до ареста, но нога моя не переступила порог Горсовета (работа). – Ты, бандит, нагрубил в одном магазине кооператива, – кричал он в гневе. – Не будучи членом этого кооператива, ты требовал продать тебе товар и тем самым нарушил установленный законный порядок. – Я сразу сознался, что действительно такой случай был. Проходя как-то мимо этого магазина, я обратил внимание на витрине на пару маленьких детских носков, мне очень хотелось их купить для своего шестимесячного сына. Я просил продать их мне сперва продавщицу, а потом заведывающую магазином – та, узнав о том, что я не член этого кооператива, не стала со мною даже говорить. Когда же я повторил свою просьбу, доказывая, что я также сов[етский] гражданин, нахожусь на службе и должен иметь право на покупку такого пустяка, как одну пару детских носков, женщина вспылила и наговорила мне дерзости. Возможно, что в свою очередь я тоже сказал ненужное, что-либо лишнее, вообще это было тоже давно до ареста и я не помню. – А кто оскорбил милиционера при исполнении его служебных обязанности, – злобно погрозив пальцем, спросил он. – Да, сознался я, такой случай тоже был, он мне нагрубил первый, и я отвечал ему таким же тоном и словами. В конце концов я не менее полезен для государства, чем простой рядовой милиционер. Стычка же между нами произошла по поводу случайного опоздания, примерно на четверть часа, зажечь свет вечером в уличном фонаре моего домика, где я жил с семьей. Следователь что-то начал было говорить, но фраза его застряла в горле, за моей спиной дверь открылась и в кабинет вошла молодая женщина. Она держала в руках какую-то бумагу и прямо подошла к следователю и стала рядом с ним. Очевидно эта была его секретарша и машинистка, об этом нетрудно мне было догадаться. Следователь взял бумагу, сидя за столом, положил ее перед собою, сильно нагнулся над ней и стал читать ее содержание. Хотя мысли мои были заняты страхом за свою судьбу, все же нельзя было не заметить, как левое плечо Следователя сильно опустилось вниз в сторону рядом стоящей женщины, а левая рука исчезла совсем за столом. Не смея поднять голову и взглянуть хотя бы на секунду на эту особу, я стал смотреть мимо края письменного стола, где стояла женщина. Она ждала ответа или разъяснения от своего начальника, а он читал бумагу. Вдруг я вижу внизу подол черной юбки молодой женщины, со стороны следователя, медленно поднимается, постепенно оголяя красивую круглую ее ногу выше колен. Любопытство мое возросло, почему-то мне захотелось увидеть лицо этой особы. Набрав храбрости, взор мой медленно скользил снизу вверх по стройной фигуре молод[ой] женщины, дошел до стянутой изящной ее талии, затем до роскошных выпуклых грудей и остановился на ее прекрасном лице. В этот момент она как раз опускала свои веки с длинными черными ресницами и закрыла глаза. Она зажмурила глаза, я опоздал на секунду и не успел взглянуть на выражение ее больших глаз, поэтому впечатление мое получилось неполное. Красивые черты ее лица немного сжались, как от незначительной боли, я быстро опустил глаза вниз, боясь накликасть беду на свою голову, какую боль причинили ей пальцы грозного следователя под юбкой, физическую или же оскорблены были ее нравственные чувства как женщины. Через несколько минут она взяла протянутую ей бумагу, с коротким объяснением своего начальника и быстро мелкими шагами вышла из кабинета. Допрос начался вновь, выражение лица следователя опять приняло зловещий вид и обратился ко мне. – Ты бандитская морда! Скажи-ка, что ты знал о жизни таких же бандитов-кулаков, как сам, бежавших от власти в лес? – Я пожал плечами и ответил, что могу я знать о жизни людей в лесу, когда я вечно занят своей службой и никуда не выезжаю из города. – А твои сообщники? – Никаких сообщников я никогда не имел, – возразил я. Далее он стал меня обвинять в агитации против власти, особо подчеркивая о моем разговоре о том, что сельчане уйдут в леса, если раскулачивание будет проводиться с такой жестокостью. Я окончательно растерялся, ибо он говорил правду, это были мои слова, когда-то мною сказанные, еще во время разгара раскулачивания сельских “кулаков”, в присутствии нескольких человек служащих, моих же подчиненных по службе. На этот раз я решил не сознаваться, невзирая на то, что следователь назвал мне место, день и даже часы сказанных мною злополучных фраз и перечислил фамилии лиц, присутствующих при этом. Он бесился, ругался многоэтажными словами, сурово угрожая мне, в это время дверь за моей спиной кто-то приоткрыл немного.

Быстрым взглядом в ту сторону следователь дал кому-то непонятный знак. Я почувствовал что-то не[до]брое, дело осложнялось, ясно, что кто-то стоит по ту сторону двери, но с какой целью он пришел? Следователь резко усилил свое наступление, требуя от меня полного сознания во всем. Я начал теряться еще больше, страх мой увеличился, наступал решительный момент, я глубоко жалел, что не сознался сразу же, но теперь уже поздно, хотя в моих фразах особенного преступления не было, я высказал свое мнение относительно раскулачиваемых сельчан и только всего. Видя мое упорство, следователь кивнул головой в сторону двери, и в кабинет вошел человек – бледный, с отросшей рыжей бородой, лет тридцати шести, в помятой грязной одежде, видно такой же заключенный, как и я, которого привели сюда снизу из подвалов. Присмотревшись, я узнал в нем одного из тех моих сослуживцев, в присутствии коих произошел давнышний мой злополучный разговор. Человек этот был бывший офицер белой армии, бежавший вместе с ней в Турцию в 1919 году совсем молодым, затем вернувшийся обратно на родину. Он служил до ареста в нашем учреждении в качестве счетного работника и как видно теперь, одновременно состоял тогда тайным агентом ГПУ. Следователь повернулся в сторону и приказал ему: – Ну, докажи этому бандиту, – указывая на меня пальцем, – что он вел в твоём присутствии контрреволюционную агитацию среди своих сослуживцев. К великому моему удивлению и огорчению, бывший мой меньший сослуживец, всегда вежливый и корректный со мною тогда, теперь неожиданно напал на меня, по примеру следователя, в самой грубой и дерзкой форме, напоминая мне о разных деталях моего “контрреволюционного” разговора в его присутствии. Делать было нечего, я вынужден был косвенно сознаться, подчеркивая на ничтожность значения сказанных мною неосторожных фраз. Тайный агент-арестант ушел, мы остались опять одни. Допрос по-видимому кончился, следователь присел на своем месте, а я ждал, молча переживая страшные минуты и наблюдал за ним, что он будет делать со мною дальше.

Следователь вынул из папки исписанный лист бумаги с перечеркнутыми и исправленными строками – по-видимому, черновик моего протокола, заготовленный до моего прихода сюда, и стал его переписывать начистую. Прошло много времени, пока он писал, иногда он останавливался, долго думал о чем-то, затем начинал вновь свое дело. Наконец он закончил длинный свой протокол, посмотрел на меня в упор и, протянув мне ручку с пером, сказал: – На вот! подпиши! Дрожащей рукой я взял ручку и прежде, чем подписать, нагнулся к столу с намерением прочитать содержание протокола, от которого зависела дальнейшая моя судьба. Неожиданно следователь выхватил протокол, быстро отодвинул его к себе, а меня сильно толкнул в бок в другую сторону, он злобно вытаращил на меня свои зверские глаза и сказал: – Ты что, мерзавец! вздумал читать протокол? Значит, мне не веришь? Подпиши по-хорошему, иначе тебе будет хуже. – Я доказывал мое законное право ознакомиться с содержанием протокола, тогда он схватил протокол в руки и в виде одолжения стал его читать мне сам. Не веря ему ни на один золотник, я все же слушал его внимательно насколько мог, так как воспрепятствовать ему не имел никакой возможности. Он читал быстро, местами умышленно пропуская отдельные строки, это еще больше напугало меня, – пропала моя несчастная голова, – подумал я в этот момент. Чтение кончилось, он категорически предложил мне теперь подписать протокол. Неизвестно какие места и что именно он скрыл в протоколе от меня при чтении, но те обвинения, что он прочел вслух, вполне были достаточны для того, чтобы по советским законам расстрелять меня, по крайней мере, два раза. Я протестовал против таких резких обвинений как мог в моем положении, явно не соответствующие истине, я окончательно устал, обессилил[л]ся совершенно, нервы не выдерживали больше, холодный пот выступил на всем моем теле. Долго тянувшийся допрос поборол меня, было поздно, с улицы в окно уже проникал ранний утренний свет. Следователь на этот раз озверел сильнее. – На что мне твоя дурацкая истина, – кричал он вне себя. – Мне известно, что ты враг советской власти и это вполне достаточно, чтобы тебя расстрелять как поганную собаку, – добавил он. Затем резким движением он выдвинул ящик письменного стола, схватил оттуда наган и направил его дуло прямо на меня. До этого я много раз слышал о подобных угрозах в кабинетах следователей ГПУ, во время допросов заключенных. Я знал, что он стрелять не будет, он наводил лишь страх, тем не менее я окончательно убедился в его упорстве, сломить которого я никак и ничем не мог. Истрепавшись, весь ослабленный, с мутной головой и тревожными неясными мыслями я пришел в состояние полного оупения. Бессознательно, неожиданно для самого себя, я быстро схватил с рук следователя протокол и наскоро подписал его. Он как-то странно посмотрел на меня и в этот момент мне показалось, что ядовитые его глаза несколько смягчились. Все равно, рано или поздно, когда-то нужно умирать, сказал я ему в ответ на его странный взгляд. На рассвете я был уже в своей камере, заключенные вставали и убирали свои лохмотья, задавая мне разные вопросы по поводу моего долгого допроса.

На Кавказе в глубине гор, на выступах высоких скал, недоступных даже старым опытным охотникам, вьют свои гнезда хищные орлы особой породы. Они очень крупны, размах их крыльев доходит до двух метров, с большим тяжелым туловищем. Орлы эти очень прожорливы и своей жадностью не уступают кровожадным диким зверям. Временами, такой орел-хищник спускается вниз, на высокогорные альпийские пасьбища, где летом пасутся овцы

большими отдельными стадами. Орел-хищник долго кружится на большой высоте, высматривая местность своим необыкновенным острым зрением и выбирая ближайшую пропасть от стада, куда он должен сбросить свою жертву. После этого он со страшной быстротой спускается вниз, налетает на один край стада, издавая крыльями сильный свисто[о]бразный звук наподобие летящего пушечного ядра. Испуганные овцы разбегаются в разные стороны куда попало, в это время орел-хищник на лету отбивает своим крылом одну из них, отгоняя ее по направлению пропасти. Нападение орла-хищника всегда бывает неожиданно и внезапно, настолько быстро, что даже вооруженный пастух не успевает принять необходимые меры. Орел-хищник летит над самой овцой, управляя ее направлением и в то же время наносит ей сильные удары по бокам своими могучими крыльями. До смерти перепуганная овца бежит со всех ног под орлом-хищником, совершенно бессознательно. Орел-хищник гонит овцу прямо к пропасти долго с зигзагами и препятствиями, наконец они достигают самый край крутого, глубокого обрыва. Овца теперь скачет по самому краю пропасти, враг-хищник учащает свои сильные удары по ней, овца хорошо понимает, что упасть в глубокую пропасть это значит смерть. Беззащитная овца теряет голову окончательно, не зная что делать для того, чтобы спасти свою жизнь, и продолжает бежать уже уставшая, обессиленная. В этот момент хитрый орел-хищник наносит овце молниеносный удар всей своей тяжестью в бок, бедная овца срывается с обрыва и падает вниз на дно пропасти. Таким образом орел-хищник достигает свою цель, он сейчас же плавно спускается по воздуху вниз и начинает рвать и клевать горячее мясо издыхающей овцы.

Не будет преувеличением, если сравнить роль следователя ГПУ с орлом-хищником, а роль заключенного в кабинете его во время допроса с овцой, отбитой от стада. Хорошо подготовленный в хищническом советском духе следователь, чувствующий за собою силу власти, смотрит во время допроса на перепуганного заключенного в упор, точно хищный орел на овцу. Как следователь, так и заключенный хорошо понимают, что в данном деле, с юридической точки зрения, нет законной почвы для обвинения, точно так же, как орел-хищник не имел законного юридического права гнать овцу к пропасти на верную гибель. В деле не имеет место преступление, совершенное допрашиваемым заключенным, нет материала против него, могущий доказать факт преступления против власти, имеются лишь доносы отдельных лиц, тайных агентов самого ГПУ, письменные доклады предместкома по месту службы или работы заключенного и домкома по месту его жительства в черте города. Если же заключенный до ареста проживал в сельской местности и работал, скажем, в колхозе, то и в этом случае следователь имеет в своем распоряжении доклады предместкома правления колхоза, председателя сельсовета и особо отзыв сельской партийной коммунистической ячейки. По существу весь этот материал ничего, конечно, не стоит, он может лишь быть доказательством к обвинению заключенного за его не симпатию к власти, за его равнодушное отношение ко всему, без всякого энтузиазма и прочее. Теперь нет таких заключенных, как в начале большевицкой революции и даже несколько лет тому назад, когда следователь ГПУ предъявлял тогдашн[и]м заключенн[ы]м обвинения за богатство, за аристократическое происхождение, за высокие чины в царское время, за военные чины и участие в Белой армии в гражданской войне, против Красной армии, за активное участие в группе людей, выступающих против власти и тому подобное. Этот период революции прошел давно, все те люди, кои могли мешать развитию и укреплению советской власти, уничтожены, с корнем вырваны так же давно. Наподобие жадных хищников-рыболовов в каком-нибудь озере, которые спер[в]а ловят крупную рыбу, даже разбираясь в породе ее, раньше самые ценные, а позже что попало, лишь бы была крупная. Когда же кончается крупная рыба, начинают вылавливают среднюю величину и только по истощении запасов последней рыболовы переходят к мелкой рыбе. В наше время осталась одна только мелкая рыба, что из себя представля[е]т например: колхозник, рабочий в совхозе, служащий в советском учреждении, фабрично-заводской рабочий или даже скромный научный работник, профессор, инженер, врач и так далее, в политическом смысле все они мелкие рыбешки, во всяком случае, в данное время власть укрепилась настолько, что бояться ей от этих людей совершенно нечего. Теперь нет больше крупных людей в народе, в подвалах ГПУ сидят мелкие люди – труженники, живущие до ареста на средства получаемые от государства за свою работу или службу, других источников дохода вообще не существует. Но здесь в подвалах ГПУ сила сама является высшим законом, она применяется к заключенным с исключительной жестокостью во всех видах.

Допрос в кабинете следователя тянется часами, бедный заключенный бледнеет, зеленеет, ежеминутно глотает последние слюны в высыхающем рту, часто гладит волосы рукой, то чешет пальцем лоб или щеку, облизывая своим сухим языком давно высохшие губы. На вопросы хищника-следователя он отвечает вяло, постепенно слабеет, временами не узнает своего собственного голоса, начинает терять силы и уверенность в себя. Именно в этот момент совсем озверевший хищник-следователь направляет дуло револьвера прямо в лоб заключенного, обильно пуская по его адресу самые похабные ругательства, это значит бедный заключенный подогнан к самому краю пропасти, как бедная овца орлом-хищником. Тут уж заключенному нет возможности обдумать свое положение, мысли его перепутались, мозги не в состоянии продолжать работать, он знает только, что его жизнь стоит на самом краю и ему угрожает страшная опасность. Злость

кипит в груди заключенного на хищника-следователя за его чудовищно ложные обвинения, за одностороннее и явно пристрастное ведение допроса, нарушая элементарные права человека и за его зверское отношение к нему. В свою очередь и хищник-следователь злится на заключенного за его "нахальное" упорство и за часы потерянного с ним времени. После трех-четырех подобных допросов с промежутком от двух-трех месяцев, всякий человек, с любой твердой волей поддается и подписывает любой обвинительный акт-протокол против самого себя, точно так же, как поддалась овца и в отчаянии свалилась в пропасть, на верную гибель. Подписывая протокол хищника-следователя, заключенный хорошо знает, что обвинительный акт сулит ему наказание, в лучшем случае ссылка в концентрационные исправительно-трудовые лагеря на срок от пяти до десяти лет или же высшая мера – расстрел.

Для наиболее упорных, "нахальных" заключенных, не пожелавших подчиниться воле следователя-хищника, здесь имеются еще разные способы, так называемые "допросы с пытками". Эти пытки делятся на безсистемные и системные. Безсистемные – значит заключенный получает удар в любое момент и в любое место. Системные же пытки делятся на две категории, на более легкую и тяжелую.

Легкая категория пытки над заключенным приводится в жизнь в самом кабинете следователя во время допроса. Упорствующего заключенного избивает сам следователь. Наносят бесчеловечные удары заключенному рукояткой револьвера, ногой по голове, по лицу, до потери сознания. Одну трагедию переживает несчастный заключенный здесь в кабинете следователя, лежа на полу в полусознательном состоянии и продолжая получать немилосердно-жестокие удары озверевшего хищ[ника]-следов[ателя]. Другую трагедию, чисто моральную, но не менее жестокою, заключенный переживает в камере.

Вернувшись с допроса избитый, окровавленный заключенный с трудом стоит на ногах и часто не похож на самого себя. Он входит в камеру с опущенной вниз головой, с мертвенно-бледным лицом, искривленными чертами лица, с трудом пролезает в толпе в угол камеры и прячет свое лицо. По одному его виду всем становится ясно в чем дело и что случилось, поэтому, разделяя его горе, никто не смеет заговорить с ним. И только через два-три траурных дня, трагически проведенных, заключенный начинает общаться с другими.

Если допустить, что этот несчастный избитый заключенный не молодой, не вор, не мошенник, а отец или дедушка целой семьи, взрослых сыновей и дочерей, человек честный, порядочный, ценимый в своем обществе и только не расположенный к советской власти, то можно себе представить, до какой глубины дошла его трагедия, его обида и какое разочарование он уже имеет вообще в жизни. Трудно также передать чувства и моральные переживания остальных заключенных в камере, имея перед собою эту незаслуженную трагедию.

Вторая категория пыток, более серьезная, жестокая и делится в свою очередь на много видов, применяемые к заключенным всецело по усмотрению хищ[ника]-следователя. Исключительно упорствующего заключенного при допросе, не желающего подписать заранее приготовленный ему обвинительный акт-протокол, выводят из кабинета следователя и сажают его в одиночную камеру. Эта одиночная камера находится в том самом глубоком, глухом подвале, где происходят расстрелы. Длина этой камеры-одиночки, примерно, полтора метра и ширина один метр, вся она построена из бетона. В ней нет абсолютно никаких предметов или какого-либо выступа, на чем можно было бы присесть. Заключенный водворяется сюда без всякой постели, только в верхней одежде, он вынужден все время сидеть или лежать на голом цементном полу. Один раз в сутки приносят ему четыреста граммов черного хлеба и воду для питья. После нескольких дней пребывания в этой обстановке, поздно ночью заключенного вновь ведут к следователю на допрос. На этот раз упорство заключенного сильно может повредить ему. При категорическом отказе его сознаться во всем и подписать акт, заключенного отводят обратно в одиночку, запирают его наглухо посредством особых приспособлений и пускают в камеру холодную воду. Камера постепенно наполняется водой, а напуганный заключенный стоит в абсолютном мраке и прижимается к холодной бетонной стене. Проходят кошмарные минуты, заключенный слышит зловещий шум быстро текущей струи воды. Вода доходит ему по колено, по пояс и наконец по самое горло, он начинает кричать о помощи в ужасе. Тогда чекист, производящий пытки, из тайного места спрашивает его сверху, в отверстие на потолке камеры: – Хочешь сознаться? Тогда отведу тебя к следователю? – Если заключенный дает свое согласие, то его сейчас же ведут, в мокром виде, в кабинет следователя. Пытки всякого рода производятся по усмотрению и приказу каждого хищ[ника]-следователя.

Благоразумный заключенный покоряется судьбе и тут же подписывает свой обвинительный акт и тем самым избавляет себя от дальнейших пыток и издевательств над собой. В таких случаях его оставляют в покое и водворяют опять в ту общую камеру, где он сидел до одиночки.

В том же случае, если залитый водой по горло, заключенный отказывается от предложения чекиста, его держат в таком положении час-два и только потом выпускают воду из камеры. Через некоторое время может повториться то же самое, по усмотрению хищ[ника]-следователя. В конце концов побежденным всегда остается заключенный, который вынужденно подписывает акт.

Такого рода пытки производятся в особо важных случаях, когда обвинения заключенного касаются не только его самого, но целой группы людей из заключенных и находящихся еще на воле, когда подвергший[ся] пыткам заключенный чем-нибудь выделяется выше толпы в этой группе. Пытки всякого рода над заключенными, а также допросы их производятся, главным образом, поздно ночью.

Второй вид пытки, относящиеся к ряду тяжелых, представляет из себя нечто подобное качели, в том же самом глухом подвале. Заключенного сажают в конце высоко горизонтально висевшей доски, на долгое время. Ему не дают уснуть и от времени до времени, с небольшими промежутками следуют сильные толчки с другого конца доски. Продолжается эта пытка сутками, пока заключенный не даст свое согласие подчиниться полностью воле следователя. Если, конечно, за эти сутки без сна и без пищи он не лишится разума.

Отрывки советской жизни. Выселение

Ловкий бандит и убийца, защищая себя в суде, старается смягчить самое жестокое и грубое свое преступление, отвлечь внимание судебных заседателей в сторону или даже замаскировать совсем сущность своего преступления. Такова сила коварно-лживого красноречия опытных авантюристов, шуллеров и мошенников, плавающих среди наивных честных людей во всем мире, как зубастая хищная щука в глубине подводного царства среди мирных его обитателей.

Подобным способом руководители советской власти пытаются оправдать себя перед мировым общественным мнением, главным образом перед рабочим классом, и выйти сухими из воды.

Что могут сказать иностранцы, не пережившие причуды великой трагедии России, например, городской интеллигент, фабричный рабочий, свободный крестьянин европейских стран или заокеанский фермер Америки против трех наивных слов – “коллективизация сельского хозяйства”. Коллективизация – есть объединение, в данном случае работников сельского хозяйства, т. е. крестьян – мелких собственников. На первый взгляд, в этом мероприятии, предпринятом советской властью в государственном масштабе, нельзя видеть ничего дурного, ни грубого, ни жестокого, все идет как будто нормально, гладко и главное – в пользу самых же крестьян-землеробов. Между тем, под этими тремя наивными словами скрываются величайшие, небывалые в истории преступления, совершенные советской властью против труженников земли – мирных крестьян. Преступления эти выразились: в позорном и бессмысленном расстреле сотни тысяч лучших людей из крестьян, под названием “кулаки”; в ссылке миллионов здравомыслящих из них на каторжные принудительные работы в концентрационные исправительно-трудовые лагеря; в голодной смерти под заборами в деревнях и селах, на больших дорогах, на вокзальных и городских площадях выгнанных на улицу из собственных дворов семей “кулаков”, в гибели сотни тысячи детей разных возрастов, беспомощных старух, стариков и больных, а также в грубом насильственном присвоении имущества, вплоть до домашней утвари этих несчастных людей.

Наряду с раскулачиванием крестьянина в селе, советская власть начала проводить в жизнь раскулачивание и в городе. Конфискованы были частные дома, наличие денежных средств граждан в банках, сберегательных кассах и прочих кредитных учреждениях. Группами арестовывались люди под разными предлогами или по ложным доносам недоброжелателей. Эти люди расстреливались в подвалах “Чека”, позднее переименованной на ГПУ, или ссылались в трудовые лагеря далеко на окраины огромной страны. Серьезный и внимательный наблюдатель без труда найдет, что раскулачивание, как сельского крестьянина, так и городского гражданина, вовсе не является средством для достижения коммунизма. Наоборот, оно есть самый грубый вид нарушения человеческих прав, жестокая мера массового истребления людей и самый простой способ присвоения чужого имущества.

В разгаре “коллективизации сельского хозяйства”, когда местная власть маленькой Автономной Республики* Северной Осетии на Кавказе, перешла от колебаний и нерешительности к твердой уверенности в неорганизованности горской массы для сопротивления, убедилась в бессилии этой массы защитить свою жизнь и трудом нажитое свое имущество от открытого узаконенного грабежа, когда высшая власть в Москве ликовала, восторженно наблюдая за выполнением своих чудовищных директив на местах, а у “великих” “вождей” кружились головы от успехов. В это самое время в газетах столицы маленькой республики появились длинные статьи о необходимости выселить домовладельцев-собственников, чиновников царского времени, торговцев, людей свободных профессий и вообще всех, кто бы не жил на главной улице города, переименованной с Александровского проспек[т]а на Пролетарский.

– Довольно пили кровь рабочих и крестьян, долой буржуев-“кулаков” из барских квартир, да здравствует

* Здесь автор допускает анахронизм: к моменту написания текста Северная Осетия была уже автономной республикой, но во время описываемых событий существовала еще автономная область.

рабочий класс, – кричали газеты. В статьях приводились все новые и новые доводы в защиту и оправдание этого “справедливого и целесообразного” мероприятия “народной власти”.

– Бедные, несчастные рабочие-труженники, – говорилось далее в статьях, – живут со своими семьями в трущобах, грязных темных квартирах, где-то на окраинах города, тогда как городские “кулаки” занимают самые лучшие квартиры в центре.

Подготовка в местной печати в таком духе шла долгое время, по-видимому, местная власть не решалась сразу приступить к поголовному выселению всей главной улицы, боясь каких-нибудь неожиданных осложнений.

Вопрос о выселении городских кулаков, по инициативе самой власти, горячо обсуждался на общих собраниях рабочих и служащих в промышленных предприятиях и учреждениях города. Доводы и аргументы, приводимые казенными ораторами-агитаторами на этих собраниях, были настолько, казалось, убедительными, что большинство слушателей сильно увлеклось этим течением и чуть было не кричали “ура” от восхищения.

– На самом деле, – говорили многие, – если крестьянин в селе, имеющий лошадь и две коровы или две лошади и одну корову, подлежит раскулачиванию, аресту, ссылке в лагеря и даже расстрелу, то выселение городского жителя – бывшего богача, чиновника, врача, юриста или бывшего торговца-коммерсанта из его квартиры ничего особенного не составляет. Наконец, если “социализм” проводится в жизнь в селе с такой жестокой суровостью, то почему город должен отставать от села?

Сильно сочувствующий советской власти служащий нашего учреждения тов. Артемов, активист, член месткома, но беспартийный, выступая на общем собрании, говорил горячо с пеной на губах: – Вот видите, товарищи! Какую заботу и внимание оказывает советская власть рабочему классу. Вот вам пример налицо, вот что значит своя близкая, родная народная власть. – Мнение тов. Артемова многие разделяли среди многочисленных служащих огромного учреждения. Что же касается рабочих промышленных предприятий города, коих главным образом касался этот вопрос, то большинство из них просто ликовало, заранее строя себе воздушные замки. Однако среди них нашлись и скептики, которые не хотели верить всей этой шумихе. Любопытство всего населения города было возбуждено небывалым в истории случая подобного насильственного выселения.

Странно казалось и непонятно было для нас, как рабочие будут ходить пешком на работу в такую даль из центра города, скажем, до завода “Кавцинк” далеко за железнодорожным полотном и обратно домой. В особенности в зимнее время, когда Владикавказ особенно отличается своей слякотью и сырой погодой. Удобно ли будет для рабочих вообще такое хождение пешком, других же возможностей передвижения пока нет. Не лучше ли было бы улучшить жилищные условия рабочих на местах, – говорили скептики, – путем капитального ремонта существующих рабочих домов, а также постройкой новых, там же вблизи заводов или фабрик, приспособленных именно для рабочих. К чему барская квартира рабочему, с мягкой мебелью, паркетными полами, зеркальными шифон[ь]ерами и прочими предметами роскоши. Кроме того, сумеет ли многодетная жена рабочего держать такую квартиру в надлежащей чистоте, в три-четыре комнаты? – Так рассуждали в частной беседе более благоразумные из рабочих и служащих.

Наконец, на страницах тех же местных газет появилось постановление Горсовета, с длинным списком городских кулаков, подлежащих выселению с семьями в трехдневный срок. Далее в постановлении говорилось, что каждый “кулак”, оставляя свою квартиру, имеет право взять с собою из домашних своих вещей только носильное платье, от нижнего белья до верхней одежды включительно, а также постельные принадлежности. Все же остальные вещи домашнего обихода со всей обстановкой квартиры должны остаться на местах целыми и неповрежденными.

Установленный трехдневный срок прошел быстро, к этому времени очень немногие семьи “кулаков” успели очистить свои квартиры, одни перешли временно к родственникам в другой район города, другие переселились к близким знакомым. Громадное же большинство “кулаков” оставалось на старых местах, за неимением в городе свободных квартир. Дело было глубокой осенью, на улице сырой холод и грязь, шел мокрый снег, “кулаки” попали в безвыходное положение. Однако власть не обратила внимание на эту мелочь. Непослушные “кулаки” с семьями насильственно были выгнаны буквально на улицу. Многие были тут же арестованы за дерское поведение в отношении представителей власти и водворены в подвалы ОГПУ. Таким способом в два-три дня, под музыку рыдания и крика перепуганных женщин и детей, квартиры были очищены от негодного элемента. Семьи кулаков много дней ютились в переулках города, где было меньше движение, кутались в одеялах от холода на тротуарах, под открытым небом, затем исчезли из города совершенно. Куда девались они, что стало с ним[и], достоверно никому не было известно. Были предположения и догадки, что их поздно ночью собрали, посадили в товарные вагоны и вывезли куда-то на Север.

Так или иначе квартиры кулаков на главной улице города были освобождены. Теперь предстояло вселение в эти квартиры рабочих промышленных предприятий. Население города насторожилось в ожидании, с большим

любопытством следя за разными слухами, открытыми и секретными. Всех интересовал вопрос: рабочие какого завода будут вселены в первую очередь в роскошные квартиры. Преимущество было за заводом “Кавцинк”, это самое крупное из всех местных заводов и самое вредное производство для здоровья.

Вдруг разнесся невероятный слух, подобно грому с молнией в летний солнечный день без облаков. Служащие нашего учреждения, во время занятий, передавали друг другу по секрету новость из самых достоверных источников. Новость же эта была сама истина, открывшая всем “Божьим бычкам” глаза, вернула нам здравомыслие, потерянное под влиянием красивых слов, она разъяснила всем сущность и конечную цель пропаганды казенных агитаторов. Оказывается, ни один рабочий, ни тем более служащий, независимо от партийности или беспартийности, не был вселен в эти барские квартиры. Как выяснилось позднее, все освободившиеся квартиры были разбиты на две категории, по признакам их удобств, расположением комнат и богатству обстановки. И только после такой подготовки квартиры были распределены между сановниками, высшими коммунистами, занимающими высокие посты в республике.

Активист тов. Артемов сильно был разочарован, в пылу гнева с отчаянием он говорил: – Вот тебе на! Значит рабочим все время звонили в уши для того, чтобы дать им возможность только помечтать о вселении в квартиры городских “кулаков”.

С нетерпением ожидающие разрешения вопроса рабочие и служащие, особенно сторонники выселения “кулаков”, еще больше были разочарованы таким неожиданным результатом. Однако все молчали перед всемогущей властью, опустивши головы. Положение создалось побежденной собаки-дворяшки, только что выскочившей из общей драки и теперь наблюдающей издали за продолжением свалки более сильных собак, издавая неясные свисто[о]бразные звуки от бессилия, глубоко запустив хвост между задними ногами.

Впечатление насильственного выселения людей из насиженных собственных домов и наемных квартир долго оставалось в моей памяти. Будучи уже за пределами Советской России в одной из восточных стран, однажды я рассказывал об этом местному жителю по имени Мамадхан. Он внимательно слушал рассказ с серьезным выражением лица, но в конце широко улыбнулся и сказал: – Восторг и разочарование рабочих вашего города напоминают мне анекдот маленькой сценки. – Мамадхан облокотился на спинку своего кресла и, улыбаясь, начал рассказывать.

– В одном восточном городе по узкому каменному тротуару проходил голодный нищий. Вдруг он почувст[во]вал блаженный вкусный аромат горячего члокабаба, у него закружилась голова и немедленно остановился. Немного приподняв голову, он видел над собою небольшое открытое окно кухни богатого дома, откуда вырывался в наружу аромат. Нищий стал под окном в ожидании милостыни и в то же время жадно вдыхал живительный вкусный запах горячего плова. Через минуту к нему выскочил из кухни на улицу повар и напал на него с требованием денег за то, что он так бесцеремонно и вдоволь вдыхал запах от плова. На этой почве между поваром и нищим завязалась драка. Слабый нищий стал громко кричать и звать на помощь. В это время по улице проходил знаменитый остроумный Мулла Насыр-эдин, он быстро подошел к дерущимся и разнял их. – Что случилось? За что вы деретесь? – спросил он. Нищий объяснил ему, что повар требует с него плату за запах своего плова. Тогда Мулла Насыр-эдин вынул из своего кармана небольшую сумочку с золотыми монетами, поднес ее к повару, потряс ею несколько раз у самого его уха и строго сказал: – Теперь вы в расчете с нищим и не смей его больше трогать. Он глотал приятный аромат твоего плова, а ты слушал не менее приятный звон золотых монет. – Так расстались голодный нищий и зловредный повар, унеся каждый из них с собою приятное воспоминание, первый от головокружительного вкусного аромата горячего члокабаба, второй от музыкально-очаровательного звона золотых монет.

(Публикация будет продолжена)

CONTENTS

Y. A. Dzittsojty. Nart Wryzhmag old aged

The article puts forward a new interpretation for the well known epic motive of Nart Wryzhmag becoming an object of mockery and contempt because of his elderly years. There is a common explanation that the situation is determined by the custom of matriarchal society to kill the elderly, which Wryzhmag manages to overcome as time and again, he escapes the inevitable death. The author believes that the meaning of the motive under consideration is not rooted in the conflict between the young and the old, but rather between the society and its leader (as his name, derived from Old Iranian *ava-razmaka- does mean «leader») or a senate and a king. Thus it should be treated as an element of a more developed historical stage.

T. K. Salbiyev. The Ossetian tale of Kobala

“The tale of Kobala”, written down by Professor B.A. Alborov and for the first time published here, must, as we believe, play a key role for the interpretation of the plot, classified as 122 Z AT (other tricks to escape the Captor). This tale is the only one of the five variants of the plot that are altogether known to contain it in its “genuine” shape, i.e. without any supplementary details.

The trick used by the she-goats to escape the wolf is based on the identification of their horns and udder (anatomic attributes) first with the prongs of the fork and the lock (household attributes), and then with the spears and the stones (hunting attributes). This identification can not be accounted for as a mere metaphor, i.e. a “figure of speech”. The grave consequences it has for the modest she-goats and a lucky escape it provides for the brave one, are a convincing proof that one should rather speak of mythopoetical equality based on opposition of nature and culture, generally well-known for the Ossetian lore. In the long run it proves to be the core of the complex, including also a spatial opposition: head (front) vs. bottom (rear) and a sensational one: firm (sharp) vs. soft (blunt or round).

Thus we obtain a trustworthy tool both for interpretation of the plot and the verification of the variants preserved till today.

D. V. Beletskiy. Nouzhal temple-burial

The article deals with several problems concerning architectural forms of Nouzhal temple-burial and iconographic system of its murals, including the analysis of its ktitors' portraits. Despite its unusual outlooks, the construction does meet the demands of the Eastern Christian Church, being a simplified variant of a one-nave basilica. Neither does the north-eastern orientation of its altar, nor the absence of the altar konche, contradict this conclusion, as there are plenty of analogues of this kind in the Church architecture that can be easily found. There are preserved evident traces of the once existing sanctuary barrier of the temple, as the naos burial is shifted to the West, i.e. in respect to this barrier. All this data testifies for the monument to be erected from the very beginning as a funeral Christian temple, and was not, as some scientists believe, rebuilt from a “heathen” burial-vault.

To my mind, the Nouzhal temple murals should be dated by the second third of the 14th c. and included in the circle of the Georgian mural complexes of Ubisi, Dirbi and Sori. Its images are arranged in full accord with the system of church decoration, typical for the Eastern regions of the Byzantine Ecumene. At the same time, certain elements of these compositions bear traces already known due to the Georgian monuments. Meanwhile the general choice of the plots used has the shade of the eschatology that can be well explained by the funeral functions of the monument.

The altar part should be clearly singled out: up above there is Deesis, down beneath – the holy bishops and the deacons. The figures of the lower register, formerly believed to be the part of the ktitors' group, are certainly attributed as traditional images of the Holy Fathers – Basil the Great and John Chryzostom, accompanied by the arch-deacon Stephen and Romanos the Melodes. The upper register of the naos is occupied by the images of the mounted martyrs-warriors – George and Eustaphious. The appearance of these Holy martyrs can be accounted for, to my mind, by the funeral functions of the monument, as the worship of the martyrs is closely connected with the funeral cult (that was especially stressed concerning Eustaphious).

The ktitors' row is situated in the lower register on the side-walls of the naos. Upon the Northern wall there are preserved five praying figures turned towards the altar, one of whom has a baby in his hands. The analysis of these images, as well as of the remnants of the writings, puts under much doubt their former interpretation. Most probably, there are depicted three men and two women (each one behind the back of her husband, one of them – with a child). The men are dressed in the caftans-gowns of Oriental standard, common for the images of the noble landlords of Georgia and Armenia. Upon what we believe to be the women's images, there is seen the attire of the North Caucasian origin,

though there are no parallels as far as the depicting material is concerned, yet the archeological parallels are well-known. The head of the preserved group is some Ehliа. Judging by a number of his garment's details and its position, this can probably be the portrait of the eldest of the clan. He can quite probably be the person buried in the church. Upon the southern wall in the lower register there are preserved tiny fragments of the two figures, yet there is every reason to believe that here as well the portraits of the ktitors' family members were situated.

Thus, there is high probability that Nouzhal church is not a monument built by the descendants to commemorate the national hero, but rather a funeral-church erected by the buried himself, at the time when he was still alive. There are a lot of analogues of such building, and despite its certain specific features, this monument still remains within the boundaries of the traditional Eastern Christian culture of the Byzantine epoch.

Herard-Friedrich Miller. Scythians. Sarmatians. Alans. Roxalans.

Herard-Friedrich Miller (1705-1783) is an eminent scholar of the XVIII c., one of the founders of the Russian School of History. The text published here is an extract from his work "The peoples of Russia, who lived in the ancient times". The manuscript itself is kept by the Russian State Archive of Ancient Acts in Moscow. The publication was prepared by professor M. M. Bliev.

The Memoirs by Bimbolat Btemirov. I've lost my name.

The second part of the memoirs gives the truthful picture of the Soviet prison described by a courageous and a firm man.

Сведения об авторах

Блиев Марк Максимович – док. истор. наук, проф., директор Института истории и археологии PCO-A при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

Белецкий Денис Викторович – историк архитектуры и археолог (Москва).

Дзиццойты Юрий Альбертович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Юго-Осетинского научно-исследовательского института (Цхинвал).

Салбиев Тамерлан Казбекович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии PCO-A при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

К изданию принимаются ранее не опубликованные материалы. Предлагаемый к публикации текст должен быть снабжен краткой аннотацией на русском и, желательно, английском языках, русским и английским списком ключевых слов к статье, а также сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы/учебы, телефон, адрес электронной почты). Все материалы проходят внешнее рецензирование.

Требования к оформлению текста (подаваемого на дискете или CD-ROM диске в формате IBM с приложением распечатки в 2-х экз.):

1. Объем статей до 1,5 п. л. (60000 знаков), рецензий – до 0,5 п. л.
2. Используемый редактор – Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал полуторный. Применяемые в тексте нестандартные шрифты должны быть приложены на дискете.
3. Ссылки на литературу внутритекстовые, в квадратных скобках, по образцу: [Абаев 1949: 45].
4. К статье прилагается список литературы в алфавитном порядке с библиографическим описанием и условным обозначением, используемым для ссылок, по образцу:
Абаев 1949 – Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
5. Смысловые примечания (пояснения и дополнения к основному тексту) должны быть постраничными. Нумерация сносок сплошная.
6. Иллюстративный материал принимается в оригинальном (не ксерокопии) или в электронном виде на дискете/CD-ROM диске (формат *.tif) с приложением распечатки. На обороте фотографии (рисунка) должны быть указаны: автор, название публикации, порядковый номер рисунка.

Адрес редакции: 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Владикавказ, ул. Ватутина / Церетели, корпус исторического факультета СОГУ, 2 этаж, Институт истории и археологии.